

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

2
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies
- 5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047
e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoostev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France

D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shteltzel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, РГГУ

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ

А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, историография, методология

<i>Василий С. Христофоров</i> СССР и Афганистан: военно-дипломатические и экономические отношения в 1953–1963 гг.	12
--	----

<i>Нина Ю. Спутницкая</i> Образ президента и его критика в супергеройских комиксах в историческом контексте российско-американских отношений 1980-х гг.	22
---	----

<i>Кирилл А. Юдин</i> «Имагологическая перестройка»: специфика культурной политики СССР середины 1980 – начала 1990-х гг.	38
--	----

<i>Дмитрий А. Зеленев</i> Подход Австрии к отделению Словении и Хорватии от Югославии	51
---	----

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>Василий И. Касенков</i> Канадско-российское сотрудничество в области освоения Арктики в 1990-е и 2000-е гг.	62
---	----

<i>Анна И. Лупальцова</i> Политическое и экономическое измерения китайско-европейских отношений на современном этапе: основные тенденции и перспективы	73
---	----

<i>Елизавета С. Сидорова</i> Приоритеты развития энергетической политики США в 2012–2023 гг.	88
---	----

<i>Гия Г. Голава</i> Место Грузии на шкале современных внешнеполитических приоритетов США	100
---	-----

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Александра С. Rogовцева

- Контркультурные движения на заре «долгих шестидесятых»
в трансатлантическом контексте 116

Юрий А. Борисенко, Александр М. Пшеничный

- Мировоззренческие приоритеты будущего
греко-католического митрополита Андрея Шептицкого
в начальный период его общественной активности 134

Павел К. Симонов

- Публичная дипломатия как инструмент реализации
внешней политики Ватикана: анализ стратегического нарратива
папы Франциска I 144

Книжная полка

Велихан С. Мирзеханов

- Феноменология панславизма: рождение и эволюция
идеи славянского единства. Рецензия на книгу:
Павленко О.В. Панславизм реальный и воображаемый:
1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с. 163

Виктория И. Журавлева

- Уроки либерализма Герберта Блока в американской
политической карикатуристике. Рецензия на книгу:
Appleford S. Drawing liberalism. Herblock's political cartoons
in postwar America. Charlottesville; L.: University of Virginia Press,
2023. 316 p. 168

CONTENTS

International Relations: History, Historiography, Methodology

<i>Vasilii S. Khristoforov</i> USSR and Afghanistan: Military-diplomatic and economic relations in 1953–1963	12
<i>Nina Yu. Sputnitskaya</i> The image of the president and his critique in superhero comics in the historical context of the Russian-American relations in the 1980s	22
<i>Kirill A. Yudin</i> “Imagological restructuring”: specifics of the cultural policy of the USSR in the mid-1980s – early 1990s	38
<i>Dmitrii A. Zelenov</i> Austria’s approach to the separation of Slovenia and Croatia from Yugoslavia	51

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

<i>Vasilii I. Kasenkov</i> Canadian-Russian cooperation in the field of Arctic exploration in the 1990s and 2000s	62
<i>Anna I. Lupaltsova</i> Political and economic dimensions of the Sino-European relations at the present stage: The main trends and prospects	73
<i>Elizaveta S. Sidorova</i> Priorities for the development of U.S. energy policy in 2012–2023	88
<i>Gia G. Golava</i> Georgia’s place on the scale of modern U.S. foreign policy priorities	100

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

<i>Aleksandra S. Rogovtseva</i> Countercultural movements at the dawn of the “long sixties” in a transatlantic context	116
--	-----

<i>Yurii A. Borisenok, Aleksandr M. Pshenichnyi</i>	
Worldview priorities of the future Greek Catholic Metropolitan Andrey Sheptytsky in the initial period of his public activity	134

<i>Pavel K. Simonov</i>	
Public diplomacy as a tool for implementing the foreign policy of the Vatican: an analysis of the strategic narrative of Pope Francis I	144

Bookshelf

<i>Velikhan S. Mirzekhanov</i>	
Phenomenology of Pan-Slavism: the birth and evolution of the idea of Slavic unity. Book review: <i>Pavlenko O.V.</i> Panslavism. Real and Imaginary. 1830–1860s. Moscow: RSUH, 2023. 404 p.	163

<i>Victoria I. Zhuravleva</i>	
Herbert Block's lessons of liberalism in American political cartoons. Book review: <i>Appleford S.</i> Drawing liberalism. Herblock's political cartoons in postwar America. Charlottesville; L.: University of Virginia Press, 2023. 316 p.	168

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 327(47+581)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-12-21

СССР и Афганистан: военно-дипломатические и экономические отношения в 1953–1963 гг.

Василий С. Христофоров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, xvsarhiv@rambler.ru*

Аннотация. На основе ранее неизвестных документов российских государственных и ведомственных архивов, а также научной литературы анализируется деятельность советских дипломатов и разведчиков по активизации военно-дипломатических и экономических отношений СССР и Афганистана в 1953–1963 гг. Показано, как в условиях ведения холодной войны и противоборства КГБ СССР с ЦРУ США советской разведке в Афганистане удалось добывать достоверную информацию о внешней и внутренней политике местного правительства и содействовать проведению внешнеполитического курса Москвы. Документально обосновано, почему советско-афганские отношения стали стремительно улучшаться со второй половины 1955 г. Показано участие советских военных специалистов в реорганизации афганской армии и ее перевооружении, процесс поставки современной на тот период боевой техники (танков, самолетов). Кроме того, в этот период Советский Союз оказывал широкомасштабную экономическую помощь Афганистану: были построены десятки важных народно-хозяйственных объектов (ГЭС, ирригационные комплексы, аэродромы, автодороги, линии электропередач, авторемонтные заводы и мастерские). Делается вывод о том, что в данный период неофициальное лидерство в политической и экономической сферах за влияние в Афганистане было за Москвой.

Ключевые слова: СССР, Афганистан, дипломаты, разведчики, резидентура КГБ, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, военно-экономическое сотрудничество

Для цитирования: Христофоров В.С. СССР и Афганистан: военно-дипломатические и экономические отношения в 1953–1963 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-12-21

© Христофоров В.С., 2024

USSR and Afghanistan: Military-diplomatic and economic relations in 1953–1963

Vasilii S. Khristoforov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
xvsarhiv@rambler.ru*

Abstract. Based on the previously unknown documents from the Russian state and departmental archives, and also on scientific literature, the activities of the Soviet diplomats and intelligence officers to intensify the military-diplomatic and economic relations between the USSR and Afghanistan in 1953–1963 are analyzed. It is shown how, in the context of the Cold War and the confrontation between the USSR KGB and the U.S. CIA, the Soviet intelligence in Afghanistan managed to obtain reliable information about the foreign and domestic policy of the local government and to contribute to the implementation of Moscow's foreign policy course. It is documented why the Soviet-Afghan relations began to rapidly improve from the second half of 1955. The research shows the participation of the Soviet military specialists in the reorganization of the Afghan army and in its rearmament, the delivering process of modern military equipment (tanks, aircrafts). In addition, the Soviet Union at that time provided a large-scale economic assistance to Afghanistan: dozens of important national economic facilities were built (hydroelectric power stations, irrigation complexes, airfields, roads, power lines, car repair plants and workshops). It is concluded that during that period, informal leadership in the political and economic spheres for influence in Afghanistan belonged to Moscow.

Keywords: USSR, Afghanistan, diplomats, intelligence officers, KGB residency, N.S. Khrushchev, N.A. Bulganin, military-economic cooperation

For citation: Khristoforov, V.S. (2024), "USSR and Afghanistan: Military-diplomatic and economic relations in 1953–1963", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 12–21, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-12-21

Введение

После окончания Второй мировой войны произошли существенные изменения международной обстановки на Среднем Востоке. США и СССР вступили в полосу военно-политического противостояния в различных странах региона. Афганистан не стал исключением и, в свою очередь, пытался найти свое место в новых геополитических реалиях, стараясь лавировать между гегемонами.

Цель статьи – на основе ранее неизвестных документов российских государственных и ведомственных архивов рассмотреть, как развивались военно-дипломатические и экономические отношения СССР и Афганистана в 1953–1963 гг., какие внешние и внутренние факторы влияли на развитие сотрудничества, какие меры принимали советские разведчики и дипломаты для улучшения отношений двух стран.

Хронологические рамки статьи обусловлены тем, что в 1953–1963 гг., с назначением премьер-министром Афганистана М. Дауда, началось советско-афганское сближение.

Историография советско-афганских политических и дипломатических отношений данного периода представлена работами В.Г. Коргуна, М.Ф. Слинкина, С.М. Акимбекова, С. Пойя, Г.П. Ежова и П.Ф. Кирпенко [Коргун 2004, с. 279–323; Слинкин 2020, с. 119–133; Акимбеков 2015, с. 220–241; Пойя 2022; Ежов, Кирпенко 2012]. Н.М. Гуревич исследует некоторые особенности социально-экономического развития Афганистана [Гуревич 1983, с. 106–122]. Определенный вклад в историографию внес и автор статьи [Христофоров 2019, с. 177–187]. Однако в названных работах практически не исследуются вопросы деятельности советских дипломатов и разведчиков, работавших в Кабуле, и их роль в эволюции взаимоотношений двух стран.

Советская внешняя разведка в Афганистане

В Афганистане, как и в других странах мира, в период холодной войны велась активная борьба между советской и американской разведками. Во взаимоотношениях СССР и Афганистана, по мнению советских дипломатов и разведчиков, были определенные сложности. Американцы распространяли слухи, что сближение Афганистана с СССР якобы угрожало устоям ислама и могло привести к установлению «советских порядков» в стране, к национализации предприятий и введению правительственного контроля над торговлей.

Сотрудники резидентуры КГБ и советские дипломаты в Кабуле добывали информацию о деятельности США и Великобритании в Афганистане, их планах и замыслах на Среднем Востоке, о внешней и внутренней политике афганского правительства, способствовали налаживанию добрососедских отношений с Москвой¹.

¹ Внешняя разведка в послевоенный период (1945–1953). URL: <http://свр.рф/history/stages/stage07.htm> (дата обращения 04.01.2024). Стоит

Резидентура КГБ в Кабуле сообщала, что с момента прихода к власти Мухаммеда Дауда в сентябре 1953 г. советско-афганские отношения стали развиваться на основе взаимного доверия. Дауд понимал необходимость установления дружественных отношений с СССР, видя в этом гарантию независимости Афганистана. Однако в афганском правительстве не было единства по этому вопросу, поэтому советской внешней разведке потребовались усилия по негласной работе с представителями афганского государственного аппарата, которые придерживались иной линии. Агенты советской разведки в 1950–1960-е гг. смогли проникнуть в основные государственные структуры Афганистана, в том числе в окружение короля Захир Шаха и в аппарат МВД страны².

Кроме сбора разведывательной информации, сотрудники резидентуры КГБ организовывали выступления государственных и политических деятелей Афганистана, депутатов парламента, а также публикации статей, направленных на ограничение американской антисоветской пропаганды.

Визит Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Афганистан как шаг к укреплению межгосударственного сотрудничества (1955)

Как было упомянуто выше, правительство Дауда придерживалось курса на нейтралитет и улучшение отношений с СССР. В 1954 г. было подписано советско-афганское соглашение о предо-

отметить, что в рассматриваемый нами период в советских органах госбезопасности в очередной раз проводилась реорганизация. 13 марта 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ об образовании Комитета государственной безопасности (КГБ) при Совете министров СССР. Несмотря на это, советской внешней разведке удавалось сохранить кадровый потенциал.

² Как в 1950-х гг. вызволяли советских разведчиков из афганского плена // Рамблер/новости. URL: https://news.rambler.ru/other/39654696/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copuylink (дата обращения 04.01.2024). По утверждению В. Митрохина, в 1951 г. кабульская резидентура установила агентурные отношения с Нур Мухаммадом Тараки (в 1978–1979 гг. руководитель Демократической Республики Афганистан, ДРА), а также и с Бабраком Кармалем, который станет руководителем ДРА в 1979–1986 гг. См.: Митрохин В. КГБ в Афганистане, 1987. URL: http://krotov.info/libr_min/13_m/it/rohin_1987.htm (дата обращения 04.01.2024).

ставлении афганскому правительству кредитов на выгодных условиях³ в объеме 5,6 млн долларов на строительство ряда предприятий, поставку оборудования, оказание технической помощи⁴.

Афганистан был заинтересован в поддержании добрососедских отношений с Советским Союзом, полагая, что это способствует укреплению его независимости. Развитие выгодных экономических связей с Москвой рассматривалось как способ избежать односторонней ориентации на Запад. Кабул опасался вступить в военные блоки западных держав, полагая, что это ослабит его позицию в афгано-пакистанском конфликте, в то время как сближение с Советским Союзом повысит боеготовность афганской армии. Определенное влияние на афганский курс также оказывали Индия и Египет, укрепившие свои отношения с Москвой.

В свою очередь, в печати западных стран появились сообщения о том, что политика афганского правительства противоречит интересам «свободного мира», говорилось о важности восстановления хороших отношений с Пакистаном для спасения Афганистана «от окончательного порабощения» Советским Союзом⁵.

Несмотря на противодействие американцев, позиции М. Дауда к концу 1955 г. укрепились: он пользовался большим влиянием в армии, контролировал спецслужбы.

Во второй половине 1955 г. советско-афганские отношения стали стремительно улучшаться. Некоторые члены афганского правительства, в том числе министр иностранных дел Мухаммад Наим, по ряду вопросов развития советско-афганских отношений придерживались иной линии, чем Дауд. Поэтому в процессе подготовки официального визита в Афганистан советской делегации во главе с Председателем Президиума Верховного Совета Н.А. Булганиным и главой Правительства Н.С. Хрущевым советским дипломатам и разведчикам пришлось преодолевать некоторые трудности.

В итоге Булганин и Хрущев были приняты королем Захир Шахом, премьер-министром Даудом [Поя 2022, с. 183–192]. Советские руководители вручили афганским партнерам дорогие подарки⁶.

³ Кредиты были предоставлены из расчета 3% годовых, тогда как американцы предоставили займы под 3,5–4,5% годовых.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 251. Л. 27.

⁵ Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России). Ф. 100. Оп. 1. П. 15. Д. 109. Л. 48.

⁶ Они получили по автомашине ЗИС-110; наследному принцу Ахмед Шаху и министру иностранных дел Мухаммаду Вайму было передано по легковой автомашине ЗИМ. В списке подарков королю и членам его семьи

Результатом визита стало продление на десять лет срока действия Договора о нейтралитете и взаимном ненападении 1931 г.⁷ Советская сторона поддержала позицию Афганистана по пуштунскому вопросу, обещала оказать военную помощь и предоставить кредит на 100 млн долларов на развитие экономики на льготных условиях [Коргун 2004, с. 309]. Впоследствии Президиум ЦК КПСС поручил подготовить план практических мероприятий по дальнейшему развитию и укреплению советско-афганских отношений⁸.

Военно-техническое и экономическое сотрудничество СССР и Афганистана

В результате усилий дипломатов, разведчиков и военных в августе 1956 г. было подписано советско-афганское соглашение о поставках боевой техники и вооружений Афганистану на сумму 32,4 млн долларов. В обмен на это СССР получил возможность участвовать в строительстве местных вооруженных сил и оказывать влияние на военную элиту. В начале 1957 г. в Кабул прибыла первая группа советских военных специалистов для обучения афганских военнослужащих работе на советской военной технике. В 1956–1957 гг. в СССР прошли обучение около 3000 афганских военнослужащих⁹.

В октябре 1956 г. в Афганистан поступили первые партии вооружения: 11 истребителей МиГ-17; два вертолета Ми-4; пистолеты-пулеметы ПППШ, карабины, ручные и станковые пулеметы. В 1957 г. – самолеты (семь МиГ-17, шесть МиГ-15; два Ил-28); 25 танков Т-34. В 1961–1963 гг. – 60 самолетов МиГ-17, 50 танков Т-54, артиллерийские орудия различных калибров, 82-мм и 120-мм минометы, реактивные установки БМ-13¹⁰.

фигурировали: фотоаппараты «Киев-3» и «Зоркий-3» (12 штук); палехская шкатулка; ружья охотничьи; магнитофоны «Днепр-5» с комплектами записей русской музыки и магнитными лентами для звукозаписи; художественная резьба по кости; шоколадные наборы; шкатулки (10 шт.); художественные альбомы (10 шт.); наборы духов и одеколона (20 комплектов) (Национальный архив Афганистана. Д. 1955. П. 1. Л. 24–29).

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 1. П. 9. Д. 85. Л. 26–27.

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 208. Л. 1.

⁹ Афганистан: 1919–1978 гг. // Секретные войны Советского Союза. URL: http://www.xliby.ru/istorija/sekretnye_voiny_sovetskogo_soyuza/p10.php?ysclid=lqywqnu0v8406798760 (дата обращения 04.01.2024).

¹⁰ Там же.

Москва приступила к оказанию материально-технической помощи в создании афганской военной инфраструктуры, в том числе и в строительстве военных аэродромов в Кабуле, Баграме, Мазари-Шарифе и Шиндане [Слинкин 2020, с. 128].

Одновременно с военно-техническим содействием СССР оказывал экономическую помощь Афганистану. В 1956 г. был построен хлебокомбинат в Кабуле, в 1958 г. – ГЭС в Сароби и несколько линий электропередачи, сахарный завод в Джелалабаде и цементный завод в Джабаль ус-Сирадже, в 1960 г. – авторемонтный завод в Джангалаке, авторемонтные мастерские в Кабуле и Кандагаре, текстильный комбинат в Гульбахоре, в 1961 г. – цементный завод в Пули-Хумри. Советские специалисты помогали в строительстве ГЭС, создании предприятий химической промышленности, строительстве дорог, развитии сельского хозяйства, проведении геолого-разведочных работ, реконструкции угольных шахт [Коргун 2004, с. 311]. При содействии СССР были построены автотрасса Кушка–Герат–Кандагар, Кабул–порт Ширхан на Аму-Дарье, туннель Саланг, аэродром Баграм.

Москва – Вашингтон: перетягивание каната

Рост советской военной и экономической помощи и поддержка Москвой Кабула в противоборстве с Исламабадом закономерно вызывал опасения со стороны США. С 1956 г. стали заметны усилия американской стороны по активизации военного, экономического и культурного сотрудничества с Афганистаном. Американцы построили аэродромы в Кандагаре, Джелалабаде, Кундузе и Герате. Амбициозным и долгоиграющим американским проектом в Афганистане стало строительство ирригационного комплекса в провинции Гильменд. Стали запускаться американские программы в области образования, афганские студенты поехали на учебу в США, велось строительство сельских школ и учебных корпусов Кабульского университета.

В марте 1957 г. Кабул посетил специальный представитель президента США Дж. Ричардс, убеждавший членов афганского правительства в необходимости принятия Афганистаном доктрины Эйзенхауэра в обмен на получение экономической помощи и заверения, что эта помощь не будет связана с требованием принять военно-политическую составляющую доктрины. Из опубликованного текста совместного афганско-американского заявления был исключен тезис об опасности «международного коммунизма».

В 1959 г. состоялись взаимные визиты премьер-министра М. Дауда в США и Д. Эйзенхауэра в Кабул. Подписание в Вашингтоне афганско-американского соглашения о культурном сотрудничестве способствовало формированию мнения о росте влияния США в Афганистане. Штаты заявили о том, что будут и впредь оказывать Кабулу экономическую помощь [Коргун 2004, с. 314].

Но Москва не выпускала инициативу из своих рук: в 1956, 1959, 1961 гг. состоялись визиты в СССР М. Дауда, а в 1957 и 1962 гг. – короля Мухаммад Захир Шаха [Коргун 2004, с. 315]. Так, в 1957 г. король посетил Москву, Баку, Ташкент, Ленинград, Крым, где ему демонстрировались достижения Советского Союза в промышленности, добыче и переработке нефти, сельском хозяйстве и военной сфере. Был показан кинофильм о советской водородной бомбе, который произвел на Захир Шаха неизгладимое впечатление. По оценкам советских экспертов, у главы государства произошли резкие изменения в оценке достижений советского народа, он укрепился во мнении о силе Советского Союза¹¹. В 1960 г. в Кабул вновь приезжал Н. Хрущев.

Заключение

В 1953–1963 гг. Афганистан во внешней политике умело балансировал между СССР и США, сочетая советское участие в экономическом развитии страны и военно-техническом сотрудничестве с поддержанием партнерских отношений с США. Фактически же имело место соперничество советской и американской программ поддержки Афганистана.

В рассматриваемый период в военно-дипломатическом и экономическом соревновании Вашингтона и Москвы СССР являлся неофициальным лидером. В Афганистане при содействии советской стороны были построены сотни промышленных и сельскохозяйственных объектов, проведено перевооружение национальной армии, обучены несколько тысяч афганцев, в том числе военнослужащих, в советских учебных заведениях. Все это заложило серьезную базу для закрепления позиций советской стороны в данном регионе в ближайшей перспективе.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 4. Д. 7. Л. 1–15.

Литература

- Коргун 2004 – *Коргун В.Г.* История Афганистана: XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. 527 с.
- Слинкин 2020 – *Слинкин М.Ф.* Афганистан: оппозиция и власть (60–70-е годы XX в.) М.: ООО «Изд-во МБА», 2020. 724 с.
- Акимбеков 2015 – *Акимбеков С.М.* История Афганистана. Астана; Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 848 с.
- Пойя 2022 – *Пойя С.* Афганистан при премьер-министре Мухаммаде Дауде (1953–1963): эпоха развития и конфронтации. М.: ИВ РАН, 2022. 396 с.
- Ежов, Кирпенко 2012 – *Ежов Г.П., Кирпенко П.Ф.* Афганистан: Тайны дипломатии: История взаимоотношений США и Афганистана, 1919–1955. М.: Центрполиграф, 2012. 447 с.
- Гуревич 1983 – *Гуревич Н.М.* Некоторые особенности социально-экономического развития (20–50-е годы). М.: Наука, 1983. 128 с.
- Христофоров 2019 – *Христофоров В.С.* Советские спецслужбы открывают Восток. М.: РГГУ, 2019. 300 с.

References

- Akimbekov, S.M. (2015), *Istoriya Afganistana* [History of Afghanistan], Institute of World Economics and Politics under the First President's Foundation, Astana, Almaty, Kazakhstan.
- Ezhov, G.P., and Kirpenko, P.F. (2012), *Afganistan: Tainy diplomatii: Istoriya vzaimootnoshenii SShA i Afganistana, 1919–1955* [Afghanistan. Secrets of diplomacy. History of relations between the United States and Afghanistan], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Gurevich, N.M. (1983), *Nekotorye osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (20–50-e gody)* [Some features of socio-economic development (20s – 50s)]. Nauka, Moscow, USSR.
- Khristoforov, V.S. (2019), *Sovetskie spetssluzhby otkryvayut Vostok* [Soviet intelligence services open the East], RSUH, Moscow, Russia.
- Korgun, V.G. (2004), *Istoriya Afganistana: XX vek* [History of Afghanistan. 20th century], IV RAS: Kraft+, Moscow, Russia.
- Poiya, S. (2022), *Afganistan pri prem'er-ministre Mukhammade Daude (1953–1963): epokha razvitiya i konfrontatsii* [Afghanistan under Prime Minister Muhammad Daoud (1953–1963): the era of development and confrontation], IV RAS, Moscow, Russia.
- Slinkin, M.F. (2020), *Afganistan: oppozitsiya i vlast' (60–70-e gody XX v.)* [Afghanistan: opposition and power (1960–1970s)], IBA Publishing House LLC, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Василий С. Христофоров, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; xvsarhiv@rambler.ru

Information about the author

Vasilii S. Khristoforov, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; xvsarhiv@rambler.ru

Образ президента
и его критика в супергеройских комиксах
в историческом контексте
российско-американских отношений 1980-х гг.

Нина Ю. Спутницкая

Всероссийский государственный университет кинематографии

им. С.А. Герасимова, Москва, Россия;

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,

ninadormouse@gmail.com

Аннотация. Целью исследования является анализ специфики критики политического деятеля и института президентства в массовой культуре на примере критики Рональда Рейгана в комиксах в период его правления. Объектом анализа выступают репрезентации президента США в выпусках лидеров индустрии печатных супергеройских комиксов, предметом – механизмы критики института президентства. Методология исследования построена на семиотическом и иконологическом анализе визуального материала, для введения исторического контекста используется дискриптивный метод, конструкции образа анализируются с помощью киноведческого инструментария (анализа драматургии, ракурсов, монтажных приемов). Комикс о супергероях в 1980-х гг. последовательно деконструирует образ президента, в частности его медийную компоненту. В статье впервые выявляются кинематографические клише, которые используют авторы комиксов в построении критического нарратива о Рейгане, анализируются способы реализации мотива о марионеточной природе института президентства и репрезентации политики в отношении СССР. Автор приходит к выводу, что к концу 1980-х гг. в супергероике был сформирован устойчивый набор приемов и репертуар сюжетов для критических оценок президента США.

Ключевые слова: Рейган, комикс, кинематографические клише, СССР, институт президентства, супергерои

Для цитирования: Спутницкая Н.Ю. Образ президента и его критика в супергеройских комиксах в историческом контексте российско-американских отношений 1980-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 22–37. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-22-37

The image of the president
and his critique in superhero comics
in the historical context
of the Russian-American relations in the 1980s

Nina Yu. Sputnitskaya

*Gerasimov Institute of Cinematography, Moscow, Russia;
Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia,
ninadormouse@gmail.com*

Abstract. The aim of the study is to determine the specifics of criticism of a politician and the institution of the presidency in popular culture using the example of the critique of Ronald Reagan in the comics during his tenure. The object of the analysis is the representation of the US President in the issues of the industry leaders of print superhero comics; the subject is the mechanisms of criticism of the institution of the presidency. The research methodology is based on a semiotic and iconological analysis of the visual material; a descriptive method is used to introduce the historical context. The image structures are analyzed using the film studies tools (analysis of dramaturgy, camera angles, film editing). The superhero comic book from the 1980s consistently deconstructs the image of the President, and particularly, the media component of that image. The article for the first time identifies the cinematic clichés that the comic book authors use in the construction of a critical narrative about Reagan, analyzes the ways of implementing the motive of the puppet nature of the institution of the presidency and studies the representation modes of the policy towards the USSR. The author concludes that by the end of the 1980s, a steady set of techniques and a repertoire of plots for the critical assessment of the US President had been formed in the superheroics.

Keywords: Reagan, comics, cinematic clichés, USSR, institute of the presidency, superheroes

For citation: Sputnitskaya, N.Yu. (2024), "The image of the president and his critique in superhero comics in the historical context of the Russian-American relations in the 1980s", *RSUH/RGGU Bulletin "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 22–37, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-22-37

Введение

Актуальность исследования определяет мемориальное позиционирование холодной войны и интерес к фигуре Рейгана в современной массовой культуре (комиксы, телесериалы, игры и т. д.)

[Белов 2023; «Враг номер один» 2023]. Объектом анализа данного исследования являются графические изображения президента США в выпусках лидеров индустрии печатных комиксов DC и Marvel, предметом – совокупность критических приемов Рональда Рейгана и института президентства. Для анализа используется семиотический и иконологический инструментарий, с помощью киноведческого анализа выявляются особенности драматургии, композиции кадра, монтажных приемов. Deskриптивный метод позволяет вписать комиксовые интерпретации в исторический контекст.

Комикс о супергероях как инструмент государственной политики периода холодной войны отвечал актуальным запросам общества и правительства США. О непосредственном контроле индустрии государством свидетельствуют архивы ФБР (в частности, переписка президента Ассоциации Дж. Голдвотера, о нем упоминают исследователи комикса Г. Моррисон, J. Dittmer, S. Krensky [Моррисон 2020; Dittmer 2005; Krensky 2007]. P.S. Hirsch детально описал в своем исследовании то, как в XX в. американское правительство и общественные организации определяли форму и содержание комикса [Hirsch 2021]. Если в период Карибского кризиса комикс активно откликался на противостояние между СССР и США [Спутницкая 2023], то к периоду «разрядки» (*détente*) «русские» персонажи в комиксе утратили актуальность, коммунисты часто оказывались инопланетными существами или представителями других стран и этнических групп. Все это стало следствием «растущего беспокойства по поводу моральной определенности американской идентичности времен холодной войны» [Costello 2009, p. 94].

После отставки Р. Никсона американское общество, пережив ряд проблем и вызовов, впало в апатию. После Уотергейтского кризиса и военного вторжения во Вьетнам, а также конформистской политики президента Дж. Форда многие американцы утратили веру в свое правительство. В своей истории комиксов Дж. Джонсон отмечает, что большинство историй Marvel в это время были сосредоточены на злых суперзлодеях, в то время как многие сюжеты DC обращались к актуальным проблемам реального мира: истории художника Дж. Кирби в комиксах сопровождалась футуристическими мотивами. «В то время как Marvel делали истории, в которых основное внимание уделялось злодейской версии президента из реальной жизни, DC создавала привлекательного лидера-подростка, бывшего президента США, которому исполнилось 100 лет и который был болен. По сути, в комиксе была развита идея, прозвучавшая 15 июля 1979 г. из уст президента США Дж. Картера о том, что американцы

“теряют веру”» [Jonson 2012, p. 116]. Однако образ положительного киногероя, который транслировал Рейган и который должен был помочь преодолеть кризис доверия власти, вскоре становится инструментом для критики президента в комиксах¹.

С начала политической карьеры Рейгана медийная составляющая его образа играла ключевую роль [Keller 2005; Окончание 2021, с. 204–206]. В своем продвижении на политический Олимп он использовал и комиксы², представлял на страницах историй DC в качестве фонового героя³. На страницах комикса Marvel Рейган появляется в 1976 г., когда участвует в выборах от Республиканской партии⁴. В комиксе 1981 г. он фигурирует в группе политиков, над странами которых нависла мировая угроза от злодея Магнето⁵. Авторская позиция в его отношении нейтральна. Однако к середине 1980-х гг. критические тенденции в его адрес усилились, а образ обрывает неожиданными характеристиками.

Анализ комиксов

Для анализа образа президента США и репрезентации политической системы страны в комиксах интерес представляет кинематография DC 1980-х гг. сценариста и художника Ф. Миллера «Возвращение темного рыцаря», «Охота на темного рыцаря», «Триумф темного рыцаря», «Падение темного рыцаря», в которых был перезапущен один из ключевых образов издательства – Бэтмен. (Заметим, что именно на серии этих комиксов будут в дальнейшем основаны и фильмы К. Нолана 2005, 2008 и 2012 гг., ознаменовавшие собой перезапуск кинофраншизы о Бэтмене, и мультфильм 2023 г. «Бэтмен: Возвращение темного рыцаря».) В комиксе «Охота на темного рыцаря» глава государства Диккард обнаруживает иконографическое сходство с Рейганом, он представлен через графическое изображение в телевизоре⁶. Президент стремится избежать

¹ Reagancomics: A cornucopia of cartoons on Ronald Reagan paperback. 1984. January. 128 p.; *Trudeau G.B.* Doonesbury dossier: The Reagan years hardcover. 1984. 1 Jan. 222 p.

² The official Ronald Wilson Reagan quote book paperback. 1980. 1 Jan. 61 p.

³ Miss Beverly Hills of Hollywood. 1950. No. 8. June; Brother Power, the Geek. No. 2. 1968. 1 Dec.

⁴ Fantastic four. 1976. Vol. 1. No. 178.

⁵ Uncanny X-Men. 1980. Vol. 1. Iss. 150.

⁶ Batman: The Dark Knight. 1986. No. 3. Aug. P. 16–17.

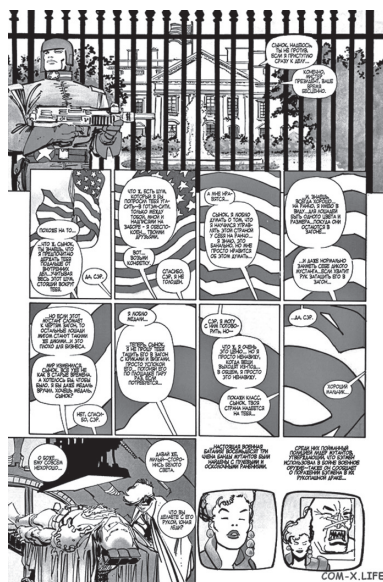

Рис. 2. Диалог президента и супергероя

направляя его следующему низшему по рангу чиновнику. Вообще для комиксов DC и комиксах о Бэтмене 1980-х гг. характерно активное применение стилизованных приемов кино и телевидения и имитация телеэкрана. Сам Готэм-сити, с его вездесущими СМИ, разнообразными программами, где критикуется Бэтмен, обсуждаются высказывания президента и местных чиновников, является художественным двойником Нью-Йорка [Steranko 1970, p. 44].

В комиксе «Триумф темного рыцаря»⁸ президент обеспокоен растущей социальной популярностью, которую приобретает Бэтмен среди жителей Готэм-сити: с одной стороны, он неподконтролен власти, поскольку неуловим и скрывает личность, вместе с тем он – пример для подражания. В городе образовалась большая группа помощников Бэтмена, которые также охотятся на преступников, устраивают суды Линча. Образ президента в этой ситуации представлен критически и сатирически. Он венчает собой вертикаль власти, более того, в его распоряжении супергерой гораздо более сильный, нежели Бэтмен, – Супермэн. В комиксе «Триумф темного рыцаря» интересна сцена, изобличающая попытку власти использовать супергероев в качестве личного оружия. Эта коварная стра-

⁸ Batman: The Dark Knight. DC Comics. 1986. No. 2. 1 Jan. 77 p.

тегия показана символически: через сочетание иконических знаков и тропов. На фоне изображения Белого дома (вместо президента в Овальном кабинете) расположены «пузыри» диалога, из которого следует, что Рейган просит Супермена воздействовать на Бэтмена. О том, что перед нами Супермен, свидетельствует лишь фрагмент его знаменитой эмблемы (желтый инициал “S” на красном поле). В данном случае использована метонимия, часть вместо целого. Показ закулисного разговора президента страны и супергероя в подобном ключе, когда участники диалога не заявлены, предлагает критически осмыслить участников сцены. Здесь президент США представлен как человек коррумпированный, исповедующий шовинистическую идеологию: он открыто заявляет, что управляет страной со своего ранчо, а людей и супергероев сравнивает с загоним и лошадьми. Непокорного Бэтмена он называет мустангом, который может развалить всю Систему (конюшню).

Показательно, что в комиксах президент показан довольно лаконично: его высказывания коротки, появления редки, что придает образу комизм. Мнение главы государства читатель узнает исключительно от его спикеров. Так, в кульминации «Триумфа темного рыцаря» после победы Бэтмена над врагом показан характерный телевизионный прием – так называемые стрит-токи, фрагменты интервью представителей различных культурных институтов (власти, церкви, представители общества и т. д.). Отсутствие в этом эпизоде президента указывает на то, что у власти нет лица, а государство США живет двойными стандартами.

Показательно, что кинообраз президента и демократии получил завершённую форму уже в фильме Ф. Капры «Мистер Смит едет в Вашингтон» (1939). В нем символы американского государства и гражданского общества представлены через такие элементы, как Капитолий, Декларация независимости, статуя Вашингтона и т. д. Клише оказалось весьма устойчивым и поддерживалось в голливудском кино на протяжении десятилетий, в том числе в жанре научно-фантастического кино (в частности, в фильме «День, когда земля остановилась» инопланетный пришелец пытается сделать подарок президенту). Показательно, однако, что ситуация изменяется к 1980-м гг.

В комиксе Marvel “Captain America” 1988 г. отсутствует характерный для DC остросоциальный сюжет и, как следствие, критика лидера США и власти⁹. Однако и здесь фигура президента утрачивает свое привилегированное положение. Президент является не столько символический образом, сколько вполне конкретным

⁹ Captain America. 1988. No. 344. Aug. 51 p.

чиновником, который нуждается в помощи супергероев (в данном случае Капитана Америки). Вполне характерен и сюжет: часть населения Вашингтона отравлена зараженной токсином питьевой водой, которая превращает людей в мутантов. Не избежал недуга и господин президент, обнаруживающий портретное сходство с Рейганом. Более того, действие вещества демонстрируется впервые именно на нем. В экспозиции показана спальня в Белом доме, где глава США, выпив воды из стакана, стоящего на прикроватной тумбочке, превращается в человека-змею. Супруга президента, аналогично, показана лаконично, но чрезвычайно отталкивающе. Она мутировала и выползает навстречу протагонисту Гадюке, ворвавшейся в Белый дом. Нэнси Рейган уже утратила способность говорить и на вопрос «Где президент?» способна лишь указать рукой. Гадюка при этом говорит, что первая леди «не стоит пули».

На уровне речевых характеристик президент в этой истории представлен как вполне обычный заурядный американец, он употребляет такие выражения, как «мамочка, что-то мне не хорошо» и подобное. Вместе с тем, в отличие от персонажа DC, он уверенно владеет риторикой Белого дома, канцелярским стилем общения. Однако в данном комиксе интереснее всего тот факт, что типичный сюжет-катастрофа (массовая мутация людей и вызванные этим беспорядки, которые должны устранить протагонисты) локализован не в традиционном для сюжетов Marvel Нью-Йорке, а в Вашингтоне. Более того, Капитан Америка, стремясь спасти президента (который не отвечает по телефонной связи), непосредственно приходит в Белый дом. Пытаясь разыскать главу государства, он сталкивается с различными образами власти, государственности и демократии США (бюсты, портреты). Оказавшись в Овальном кабинете, протагонист сталкивается с президентом, полностью утратившим человеческий облик: визуально это антропоморфная ящерица в белом нижнем белье, она набрасывается на протагониста. В ходе короткой потасовки Капитан вынужден отбиваться от чудовища, когда тот в качестве оружия использует выдернутый из подставки флаг США¹⁰.

Особый интерес здесь представляет соотношение визуального образа президента (портрет) и монстра, в которого президент превратился. Подобное сопоставление двух элементов – иконических знаков – выполняет функцию мифа (по Барту) [Барт 2004, с. 173–200]. Изображение монстра на переднем плане и портрета президента образуют новый миф, суть которого может быть сформулирована как «чудовище, которым стал президент», «истинная сущность президента, не соответствующая прекрасному портрету».

¹⁰ Ibid. P. 38–44.

характерный для 1980-х гг. мотив противостояния правительства и народа (и супергероев): правящая элита стремится контролировать супергероев, использовать их в качестве инструмента реализации власти. В случае отказа сотрудничать (как в рассмотренном комиксе) власти стремятся заключить благородных героев под стражу. Данный мотив – противостояние властей и протагонистов – сохранил свою актуальность в наши дни и лег в основу перезапущенной Marvel кинофраншизы о Мстителях в 2010–2020-е гг. В частности, именно создание Комитета привело к расколу среди супергероев. В итоге персонажи-протагонисты разбиваются на две группы: сотрудничающих с властью (как, например, Железный человек) и героев, руководствующихся не столько интересами властей США (национальными интересами), сколько общечеловеческими ценностями (Капитан Америка).

В комиксе о Капитане сюжетная линия Комитета завершается заявлением ее председателя о том, что никто не вправе проникнуть на территорию Белого дома, которое оценивается как явная угроза правящей элите со стороны неуправляемых супергероев. Интересен финал истории: выступающий на официальной пресс-конференции хозяин Белого дома уверяет американцев в том, что не было никаких мутаций, что воздействие токсина было исключительно галлюциногенным. На финальных кадрах президент также уверяет, что он и его супруга вовсе не подверглись воздействию вещества, однако на крупном плане видно, что в «улыбке на миллион долларов» главы государства сверкают змеиные клыки¹³.

Таким образом, в рассмотренных комиксах Marvel и DC достаточно широко используются кинематографические клише. Так, три изображения, на которых последовательно показан процесс обратной трансформации Рейгана из мутанта в человека, представляют собой раскадровку оптического спецэффекта – соединение различных фаз грима на лице актера через наплыв, создающих иллюзию постепенной трансформации лица¹⁴.

Одним из наиболее ярких примеров критики образа президента и, в известной мере, критики института президентства периода рейгановского правления у DC является сюжетная коллизия комикса о «русском» антагонисте Синтезе, его побеге и поимке¹⁵. В предыдущих выпусках он был пойман и передан властям США, но после совершает побег из тюремного лагеря Мэриленд и отправ-

¹³ Ibid. P. 48.

¹⁴ Характерный пример – фильм «Мумия» (1932) Р. Мамуляна, где показаны фазы трансформации мумии в лицо актера Б. Карлоффа.

¹⁵ The Outsiders. 1984. No. 24. Oct.

ляется в Белый дом с целью уничтожить президента США. В данном комиксе усиливается трактовка Рейгана как марионеточного президента. Мотив поддерживается в том числе и кинематографическими клише. Согласно сюжету комикса, Бэтмен проникает в Белый дом, облачившись в костюм президента и надев резиновую маску с его лицом, что отсылает к известному телесериалу «Миссия невыполнима» (“Mission: Impossible”, 1966–1973). Применение незамысловатого кинематографического клише маркирует критическую оценку не только действующего президента, но и самого института президентства. Не случайно Бэтмен действует как член секретной службы, беспрепятственно проникая в один из главных символов американской демократии, выдает себя за президента. Сатирический подход выходит за сугубо иконологические границы: сюда включены также комические положения, в которых оказывается Бэтмен в обличье президента. Он легко побеждает собственную охрану, чтобы ему не мешали, вступает в единоборство с Синтезом, управляет президентским самолетом и т. д. Тот факт, что Белый дом оказывается местом, в которое беспрепятственно проникают как положительные, так и отрицательные персонажи, а также применение популярных кинематографических клише свидетельствуют о том, что президент является в той или иной мире заложником сложившейся ситуации. Безопасность США обеспечивают различные группировки, которые конкурируют между собой, вступают в коллаборацию, вербуют или изгоняют членов, – все это совершается без какого-либо участия и контроля со стороны правительственных структур. Тогда как генеральный секретарь СССР представлен как опытный стратег, его речевые характеристики – лаконичность, емкость суждений, имеющих для супергероев из других стран силу безусловного приказа¹⁶.

Важная коллизия сюжета возникает и развивается в комиксе «Зеленый фонарь»¹⁷, где находит развитие зрелищный мотив-клише развязывания третьей мировой войны между СССР и США. Мотив изложен сатирически. Правительства обеих стран становятся жертвами невольной провокации супергероя – Зеленого фонаря Гая Гарднера, который первым нападает на СССР и говорит, что всегда ненавидел «коммунак». Посчитав это нападением США, Горбачев отдает приказ о запуске ядерных ракет. В указанных выпусках даются крупные планы лидеров государств, последовательно поднимающих уровень боеготовности своих армий, ограни-

¹⁶ The Outsiders. Pawns of the bad Samaritan. 1986. № 4. Jan.

¹⁷ The Green Lantern Corps. Red Dawn. 1987. No. 209. Feb.; The Green Lantern Corps. Making the world safe for democracy. 1987. No. 210. March.

чиваясь взаимной психологической атакой. Речевая дуэль показана иронически. Рейган использует речевые клише из голливудских фильмов: «В эту игру могут играть двое», «Я всегда знал, что этот день наступит. Я всегда это знал». Но и стиль изображений изменен. Чередование крупных планов Горбачева и Рейгана с постепенным увеличением их крупности (финальное изображение – сверхкрупный план/деталь глаза Рейгана) представляет собой стилизацию параллельного метрического монтажа, который используется в кино для создания напряженности в сцене. Горбачев не выдерживает и отдает финальный приказ о ракетной атаке, однако ракеты были достаточно быстро уничтожены Зелеными фонарями.

Ироническому представлению Рейгана также способствуют речевые характеристики – шутки, которые глава США позволяет себе в беседе с супергероями Зелеными фонарями. Например, инопланетных защитников он сравнивает с иммигрантами. Между тем фигура президента Рейгана, несмотря на ее комический и сатирический характер, выполняет функцию морального противовеса: поступки президента демонстрируют нормативное поведение лидера государства, которому грубо противоречит деятельность Горбачева. После отбытия антагониста в СССР Рейган вызывает «на ковер» Зеленых фонарей¹⁸. Среди претензий, которые предъявляет президент США супергероям, основной становится следующая: поскольку они базируются на территории США, постольку обязаны защищать США. Рейган и правительство представлены как чиновники, обескураженные, что обладающие такой мощью существа, как оказалось, могут избрать местом дислокации и другое государство. Разгорается дискуссия, где супергерои разъясняют президенту, что их цель – защищать жизнь во всех проявлениях, что политика землян несущественна. Тогда Рейган формулирует претензию иным образом: что, если Киловог передаст энергию Советам и те создадут такое оружие, от которого США не сможет защититься, а стало быть, не сможет быть и гарантом защиты жизни. Таким образом, борьба с коммунизмом и СССР эквивалентна для героя комикса защите жизни во всех ее проявлениях.

Заключение

Образ президента в комиксах DC и Marvel 1980-х гг. является репрезентацией власти, которая сводится к власти правящей элиты. Задачи ее – правительственный контроль над героями или их

¹⁸ The Green lantern Corps. Red Dawn. 1987. No. 209. Feb.

изоляция (Бэтмена – у DC, Капитана Америка – у Marvel). Критика Рейгана в комиксах 1980-х гг. – самостоятельная тема. Образ президента динамично развивается, а его оценки варьируются не только в рамках комиксов крупнейших производителей DC и Marvel, но и отдельных серий комиксов (DC). В «Зеленом фонаре», несмотря на комизм и сатиру, Рейган демонстрирует нормативное поведение главы государства. В «Темном рыцаре» его образ исключительно сатирический.

В рассмотренных комиксах DC широко реализована критика Рейгана как олицетворения власти, государства. Используются мотивы о марионеточной функции президента. Противостояние/диалог Рейгана и Горбачева получило развитие на страницах комикса, и главы государств органично вписались в сказочный дискурс супергероики и были прочитаны как неоднозначные комикс-персонажи. В отличие от Горбачева, лидер США может не взаимодействовать с супергероями непосредственно или может не знать о параллельных организациях, содержащих отряды собственных героев (группа супергероев Marvel Сила июля).

Критика Рейгана в большей мере реализована через его речевые характеристики, что обусловлено особенностями личности самого Рейгана: его склонности к шуткам в эфире, афористической речи, актерскому прошлому.

Рейган показан как носитель маски, набора имиджевых характеристик, которые могут быть изменены, трансформированы и возвращены к исходному состоянию, по аналогии с деформациями мультипликационных персонажей Диснея (превращается в человека-змею, у него сохраняются змеиные клыки и т. д.). В период президентства Рейгана амплуа американского героя эпохи классического Голливуда, которую он олицетворял, становится инструментом для критики президента в различных сериях. В целом он представлен критически – через сатиру, иронию и трансформацию облика (тела, лица) в аттракцион. Таким образом, в массовой культуре, а именно в комиксе, в 1980-е гг. формируется устойчивый набор приемов и репертуар сюжетов для критических оценок президента.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/> “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”.

Литература

- «Враг номер один» 2023 – «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / Под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 397 с.
- Барт 2004 – *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 314 с.
- Белов 2023 – *Белов С.И.* Отражение Карибского кризиса в видеоиграх: на примере Call of Duty: Black Ops // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 105–116.
- Макклауд 2016 – *Макклауд С.* Понимание комикса. М.: Белое яблоко, 2016. 216 с.
- Моррисон 2020 – *Моррисон Г.* Супербоги: как герои в масках, удивительные мутанты и бог Солнца из Смолвиля учат нас быть счастливыми / Пер. с англ. А. Грызуновой. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2020. 572 с.
- Окончание 2021 – Окончание холодной войны в восприятии современников и историков, 1985–1991 / В.И. Журавлева, О.В. Павленко, В.О. Печатнов и др.]; под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021. 299 с.
- Спутницкая 2023 – *Спутницкая Н.Ю.* Образ врага и метафоры холодной войны в киносказке СССР и героическом комиксе США 1960–1963 гг. // Новый исторический вестник. 2023. № 2. С. 100–119.
- Costello 2009 – *Costello M.J.* Secret identity crisis: Comic books and the unmasking of Cold War America. L.: Bloomsbury Academic & Professional, 2009. 289 p.
- Dittmer 2005 – *Dittmer J.* Captain America's Empire: Reflections on identity, popular culture, and post-9/11 geopolitics // Annals of the Association of American Geographers. 2005. Vol. 95. No. 3. P. 626–643.
- Hirsch 2021 – *Hirsch P.S.* Pulp empire: The secret history of comic book imperialism. Chicago: University of Chicago Press, 2021. 344 p.
- Jonson 2012 – *Jonson J.K.* Super-history comic book superheroes and American society, 1938 to the present. Jefferson: McFarland and Company, 2012. 230 p.
- Keller 2005 – *Keller A.* Historical discourse and American identity in Westerns since the Reagan era // Hollywood's West: The American frontier in film, television and history / Ed. by P.C. Rollins, J.E. O'Connor. Lexington: The University Press of Kentucky, 2005. P. 239–260.
- Krensky 2007 – *Krensky S.* Comic book century: the history of American comic books. Minneapolis: Twenty First Century Books, 2007. 112 p.
- Steranko 1970 – *Steranko J.* The Steranko history of comics. Reading, PA: Supergraphics. 123 p.

References

- Ryabov, O.V., ed. (2023), "Vrag nomer odin" v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny ["Enemy number one" in the symbolic policy of the cinematographies of the USSR and the USA during the Cold War], Izdatel'stvo "Aspekt Press", Moscow, Russia.
- Bart, R. (2004), *Mifologii* [Mythology], Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh, Moscow, Russia.
- Belov, S.I. (2023), "Reflection of the Caribbean crisis in video games. On the example of Call of Duty: Black Ops", *RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 105–116.
- Costello, M.J. (2009), *Secret identity crisis: Comic books and the unmasking of Cold War America*, Bloomsbury Academic & Professional, London, UK.
- Dittmer, J. (2005), "Captain America's Empire: Reflections on identity, popular culture, and post-9/11 geopolitics", *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 95, no. 3, pp. 626–643.
- Hirsch, P.S. (2021), *Pulp empire: The secret history of comic book imperialism*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Jonson, J.K. (2012), *Super-history comic book superheroes and American society, 1938 to the present*, McFarland and Company, Jefferson, USA.
- Keller, A. (2005), "Historical discourse and American identity in Westerns since the Reagan era", in Rollins, P.C. and O'Connor, J.E., eds., *Hollywood's West: The American frontier in film, television and history*, The University Press of Kentucky, Lexington, USA, pp. 239–260.
- Krensky, S. (2007), *Comic book century: the history of American comic books*, Twenty First Century Books, Minneapolis, USA.
- Makklaud, S. (2016), *Ponimanie komiksa* [Understanding comics], Beloe Yabloko, Moscow, Russia.
- Morrison, G. (2019), *Superbogi: Kak geroi v maskah, udivitel'nye mutanty i bog Solntsa iz Smolvilya uchat nas byt' sshchastlivymi* [Supergods. What masked vigilantes, miraculous mutants and a Sun God from Smallville can teach us about being human], Azbuka-Attikus, Kolibri, Moscow, Russia.
- Pavlenko, O.V. and Zhuravleva, V.I., eds. (2021), *Okonchanie kholodnoi voiny v vospriyatii sovremennikov i istorikov, 1985–1991* [The end of the Cold War in representations of its contemporaries and historians 1985–1991], RGGU, Moscow, Russia.
- Sputnickaya, N.Yu. (2023), "The image of the enemy and the metaphors of the Cold War in the Soviet cinema tales and the US heroic comics (1960–1963)", *The New Historical Bulletin*, no. 2, pp. 100–119.
- Steranko, J. (1970), *The Steranko History of Comics*, Supergraphics, Reading, PA.

Информация об авторе

Нина Ю. Спутницкая, кандидат искусствоведения, доцент, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3;

исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 48; ninadormouse@gmail.com

Information about the author

Nina Yu. Sputnitskaya, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Gerasimov Institute of Cinematography, Moscow, Russia; 3, Wilhelm Pieck St., Moscow, Russia, 129226;

participant of the grant program, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia; 48, Moika River Emb., Saint Petersburg, Russia, 191186; ninadormouse@gmail.com

«Имагологическая перестройка»:
специфика культурной политики СССР
середины 1980 – начала 1990-х гг.

Кирилл А. Юдин

*Ивановский государственный химико-технологический
университет, Иваново, Россия;
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
kirill-yudin.hist@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется феномен «имагологической перестройки». Основными источниками выступили публицистические и аудиовизуальные материалы – книги, брошюры, периодические и другие научно-популярные издания, а также кинопроизведения. Новизна исследования заключается в качественном переосмыслении, концептуализации данной источниковой базы на основе имагологического подхода, результатов новейших исследований в сфере символической политики и политики памяти. Показывается, что системными факторами этого процесса были: внутривнутриполитический курс СССР, инициированный М.С. Горбачевым, развивавшийся в сторону ослабления политического контроля над культурой, деидеологизации; переговорный процесс на международном уровне, переход к «прохладному миру». Автором обозначена условная периодизация. На первом этапе (1985–1987/88 гг.) публицистика, кинематограф сохраняли инерцию «старого» дискурса, продолжалась медийная «холодная война», разоблачение «американского империализма». На втором этапе (1987/88–1991 гг.) происходит поступательная смена оптики восприятий и репрезентаций: трансформация образа США из врага в партнера, в том числе за счет переноса образа союзника со стран Восточной Европы на США, регуманизация и реабилитация «бывших своих»/«чужих». Делаются выводы о том, что перестройка способствовала улучшению советско-американских отношений, конструктивному обновлению коллективной памяти, обезвреживанию стереотипов, окончанию холодной войны. При этом все это стало политическим и имагологическим поражением СССР, выраженным в делигитимации социализма, советской национально-государственной идентичности.

Ключевые слова: «имагологическая перестройка», культурная политика, публицистика, холодная война, образ другого

Для цитирования: Юдин К.А. «Имагологическая перестройка»: специфика культурной политики СССР середины 1980 – начала 1990-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 38–50. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-38-50

“Imagological restructuring”:
specifics of the cultural policy of the USSR
in the mid-1980s – early 1990s

Kirill A. Yudin

*Ivanovo State University of Chemistry and Technology,
Ivanovo, Russia;*

*Herzen University, Saint Petersburg, Russia,
kirill-yudin.hist@mail.ru*

Abstract. The article examines the phenomenon of “imagological restructuring”. The main sources were journalistic and audiovisual materials – books, brochures, periodicals and other popular science publications, as well as films. The novelty of the research lies in the qualitative rethinking and conceptualization of this source base through the imagological approach, the results of the latest research in the field of symbolic politics and the politics of memory. It is shown that the systemic factors of that process were: the internal political course of the USSR initiated by M.S. Gorbachev and being moved towards the loosening of the political control over culture and de-ideologization; negotiation process at the international level; transition to the “cool world”. The author has set the frames of a conditional periodization. At the first stage (1985–1987/88), journalism and cinematography retained the inertia of the “old” discourse; the media “Cold War” and the exposure of the “American imperialism” continued. At the second stage (1987/88–1991), there was a progressive change in the optics of perceptions and representations: the transformation of the image of the United States from an enemy to a partner, including through the transfer of the image of an ally from the countries of Eastern Europe to the United States – rehumanization and rehabilitation of the “former ours”/“strangers”. Conclusions are drawn that perestroika contributed to the improvement of the Soviet-American relations, the constructive renewal of a collective memory, the neutralization of stereotypes, and the end of the “Cold War”. Moreover, all that became a political and imagological defeat of the USSR, expressed in the delegitimation of socialism and the Soviet national-state identity.

Keywords: “imagological perestroika”, cultural policy, journalism, “Cold War”, image of the other

For citation: Yudin, K.A. (2024), “‘Imagological restructuring’: specifics of the cultural policy of the USSR in the mid-1980s – early 1990s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 38–50, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-38-50

Введение: постановка проблемы

Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) стала знаковым историческим процессом, кардинально изменившим ход национально-государственной истории страны. Внутренние механизмы и акторы, общая последовательность перестроечных событий достаточно изучены в литературе. Это работы И.А. Иванникова [Иванников 2016], Д.В. Маслова [Маслов 2016], А.Н. Сивова [Сивов 2020], А.В. Шубина [Шубин 2019], Ю.В. Смирновой [Смирнова 2021] и многих других, в которых отечественные и зарубежные исследователи обращались к проблемам «замысла перестройки», ее социально-экономическим, идеологическим, культурно-дипломатическим метаморфозам [Величко 2005; Дмитриевский 2019; Советская культурная дипломатия... 2018; Барсенков 2014; Юдин 2023], динамике взглядов «архитекторов» и современников, осуществляли историографические обобщения. Перестройка ознаменовала собой кульминацию холодной войны в ее классических границах (1946–1991 гг.), важным актором завершения которой стал «визуальный поворот» в советско-американских отношениях [Журавлева 2021]. В свете созданного научного задела как никогда ранее необходимым становится обращение к иным аспектам, а именно – детализации имагологических трансформаций как актуального направления исследований [«Враг номер один»... 2023], обеспеченного признанием в историографии значимости конкуренции образов двух систем (советской и американской) в рамках холодной войны [Шишкова 2023, с. 23].

«Имагологическая перестройка»: дискурсивность и социально-политическая действительность

Уже в самый разгар перестройки, в 1988 г., в некоторых зарубежных изданиях появилось понятие «прохладный мир»¹, в объем

¹ *Gwyn R. Gorbachev's U.N. speech ushers in Cool Peace // The Toronto Star (Canada). 1988. 8 Dec.*

которого помещалась текущая позитивная динамика переговорного процесса между СССР и США, свидетельствовавшая о возможности скорого завершения холодной войны посредством данной подготовительной стадии. При этом ведущей составляющей, необходимым гарантом результативности этих процессов рассматривалось изменение взаимного восприятия, перехода от *образа врага* к *образу партнера*², а затем, возможно, и союзника. Определенным индикатором достаточно непростой смены имагологических состояний выступала публицистика как важный сегмент медиапространства.

Значительным событием середины 1980-х гг. в СССР можно считать приход к власти М.С. Горбачева, который стал не только лидером «нового типа», заметно контрастировавшим со своими предшественниками, но и «главным публицистом» страны, выступившим с обоснованием перестройки и ее перспектив. Символическими артефактами этого периода времени были его работы и опубликованные выступления: «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» и «Октябрь и перестройка: революция продолжается»³. Они представляли собой своеобразные манифесты «социалистического оптимизма», попытку совместить традиционный дискурс побед, продолжения революционных традиций, завоеваний Октября и – «новое мышление» и стиль руководства. В этих и других работах «новое мышление» преподносилось как прогрессивное обновление, «ускорение», источник силы, которая должна была обеспечить дальнейшее воспроизводство советской системы, исторически сложившейся идентичности с привычной демаркацией на «своих» и «чужих», совместить критику «буржуазной культуры», действительности с выработкой нового имиджа СССР. Однако в реальности все это воспринималось, наоборот, как признак слабости, политической и имагологической конвергенции с чужими/другими.

Необходимо отметить, что перестроечные изменения проявились далеко не сразу. На начальном этапе (1985–1987/88 гг.) долгое время сохранялась информационно-политическая сдержанность. Так, в 1985 г. вышел на экраны кинофильм С. Микаэляна «Рейс 222», в котором присутствует инерция «старого» дискурса: перед

² Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире: Курс лекций. М.: Эльф ИПР, 2010. С. 115.

³ Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: 1917–1987. М.: Политиздат, 1987. 62 с.; *Он же*. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат, 1988. 271 с.

нами привычные образы чужих и «бывших своих», репрезентация «паутины американского империализма» и ее тлетворного, пагубного и разлагающего влияния, когда по сюжету злые американцы пытались насильно удержать патриотически настроенную жену советского невозвращенца [Федоров 2017, с. 149–150]. В одной из брошюр, также вышедшей в 1985 г., США, по существу, объявлялись «преступником № 1». Утверждалось, что «Соединенные Штаты проводят террористические операции не только против отдельных лиц, но и против целых народов и государств. Наемные армии ЦРУ ведут необъявленную войну против Никарагуа и Афганистана, поддерживают полпотовских террористов и бандитов УНИТА в Анголе...». И далее: «Только при Рейгане Соединенные штаты предприняли попытку оформить законодательное право на международный разбой»⁴.

К числу знаковых кинопроизведений можно отнести «Загон» (СССР, Сирия, 1987, реж. Р. Бутрос, И. Гостев), в котором напоминалось о сохранении угрозы со стороны США в виде беспрецедентного по цинизму вмешательству ЦРУ, провоцировавшего студенческие беспорядки, религиозную нетерпимость и другие конфликты, готового пойти на все, чтобы ограничить сферу влияния СССР. В 1988 г. был снят и вышел на экраны кинофильм «Большая игра» (СССР, 1988, реж. С. Аранович), также продолжавший сюжетную линию о причастности американского империализма к заговору в странах Латинской Америки. Даже после прошедшего «революционного» V съезда Союза кинематографистов СССР (май 1986 г.), подвергнувшего резкой критике административно-командные методы руководства кинопроизводством, еще пока не покинувший свой пост председатель Государственного комитета СССР по кинематографии (Госкино СССР) Ф.Т. Ермаш санкционировал траекторию развития государственной киноотрасли на 1986–1990-е гг.: «В тематических планах кинопроизводства основное внимание уделено созданию кинопроизведений, рассказывающих о жизни и труде современного рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции. *Будут созданы политические и контрпропагандистские фильмы, разоблачающие агрессивный курс современного империализма и его политики.* Развитие документального кинематографа пойдет по пути повышения художественного уровня кинопублицистики...»⁵.

⁴ Вчера Вьетнам, Лаос, Кампучия. Сегодня Гренада, Ливан. Завтра... Преступления американского империализма. М.: Политиздат, 1985. С. 4, 6.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2944. Оп. 1. Д. 1802. Л. 69–70.

Критика образа другого и «буржуазной культуры» в публицистических изданиях продолжалась в течение всего начального этапа перестройки. Научно-популярные издания – книги, брошюры, в частности, из серии «Империализм: события, факты, документы», были посвящены различным аспектам – кризису американской семьи⁶, общества, искусства и культуры, агрессии НАТО как источника «империалистической реакции»⁷, тлетворному влиянию «вируса Запада»⁸, «черного» эфира в СМИ⁹, «голубого монстра» в спорте – спортивного телевидения как орудия буржуазной пропаганды, способствовавшего деградации, снижению общественной активности масс и представлявшего собой «замаскированную апологию американского империализма»¹⁰.

При этом прежнего наступательно-разоблачительного дискурса уже не было. Очевидно, что многие публицистические материалы сохраняли его лишь в переизданиях. Кроме того, важным показателем происходивших перемен, «имагологической перестройки» выступало допущение капиталистической альтернативы, что сопровождалось нараставшим скептицизмом в восприятии *образа своего* – социалистического пути. Социализм из проекта будущего превращался в феномен прошлого. В периодической печати также подчеркивалась необратимость перемен в советско-американских отношениях, развивавшихся в сторону сближения, наличия общих интересов. Дискурс сотрудничества выступал как конструктор образа положительного другого. «Что Подписано пером, Того не вырубить топором», – гласила реклама паркера, помещенная на обложке газеты «Московские новости» 3 января 1988 г. и содержащая прямую аллюзию на Вашингтонский саммит, прошедший в последнем месяце 1987 г. Солидаризировалось с этой проблематикой и региональная пресса [Шершнёва 2015]. Происходила *делегитимация образа СССР как сильного и лидера среди государств, принадлежавших к социалистическому лагерю*, в том числе за счет

⁶ Кирьянова О.Г. Кризис американской семьи. М.: Педагогика, 1987. 240 с.

⁷ Ефремов А.Е. Куда тянутся щупальца НАТО. М.: Военное изд-во, 1985. С. 124.

⁸ Родиченко В.С. Западный вирус: Что угрожает международному спорту. М.: Физкультура и спорт, 1988. 148 с.

⁹ Ярошенко В.Н. «Черный» эфир: Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. М.: Искусство, 1986. 207 с.

¹⁰ Гуськов С.И. Голубой монстр (Спортивное телевидение США на службе американского империализма). М.: Мысль, 1986. С. 212.

уменьшения материалов по его участникам. Все это способствовало завершению *«имагологического поворота»*, предполагавшего *перенос образа союзника/партнера со стран Восточной Европы на США*.

Внешне могло показаться, что от этих имагологических трендов отставала антирелигиозная публицистика, сохранявшая «разоблачительную» риторику и наименования книг¹¹. Но даже в ней чувствовались перемены по сравнению с предшествующими изданиями – более не упоминалось о возможном «крестовом походе» против коммунизма. Американский клерикализм рассматривался в основном не как самостоятельный феномен, а как складывавшийся под воздействием *общих и для США, и для СССР* врагов и чуждых элементов – сионизма, национализма¹². Поэтому неудивительно, что в 1989 г. советско-американские переговоры осуществлялись при непосредственном «благословении» церковных деятелей, обратившихся к М.С. Горбачеву с призывом «перековать мечи на орала»¹³.

Лед холодной войны был сломан и на Лубянке. Американские адвокаты, совершавшие осенью 1989 г. туристическую поездку по СССР, «были первыми иностранцами, с которыми встретились заместитель начальника пресс-бюро КГБ Анатолий Гриненко, сотрудники юридического и следственного отделов комитета»¹⁴. Принятие на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в ноябре этого же года резолюции «Укрепление международного мира, безопасности и международного сотрудничества во всех его аспектах в соответствии с Уставом ООН» расценивалось даже как событие, «которое кладет конец “холодной войне” в ООН»¹⁵. При этом становилось очевидным, что СССР продолжал сдавать политико-имагологические позиции. Как верно отмечалось в историографии, к 1989 г. все советские уступки «воспринимались на Западе как вынужденное отступление экономически подорванного соперника» [Барсенков 2014, с. 89], что сопровождалось «отрицанием ценностей социализма как общественной системы» [Барсенков 2014, с. 87] и внутри страны, и за ее пределами.

¹¹ Кантеров И.Я. Клерикализм – идеология духовного насилия. М.: Педагогика, 1986. 192 с.

¹² Римаренко Ю.И. Буржуазный национализм и клерикализм. Киев: Политиздат Украины, 1986. 140 с.

¹³ Блинов А. Призыв деятелей церкви // Известия. 1989. 30 нояб.

¹⁴ Буксин Ю. Американцы на Лубянке // Московские новости. 1989. 10 сент.

¹⁵ Теплее стало на Ист-Ривер // Московские новости. 1989. 26 нояб.

На фоне начавшегося с 1989 г. товарного дефицита, экономического кризиса нарастало антикоммунистическое движение в союзных республиках и в странах Восточной Европы. Произошли «бархатные революции», итогом которых стал однозначный отказ от социалистического пути и строя. Появлялись публикации, оценивавшие социализм и намерения В.И. Ленина¹⁶ по его построению как фикцию и утопию, квалифицировавшие советский политический режим как «казарменный псевдосоциализм»¹⁷. Критику сталинского периода¹⁸ как в профессиональной исторической литературе, так и публицистике¹⁹ также можно рассматривать как имагологический актор делегитимации советской исторической науки, «разоблачения» образов социалистического прошлого, *отрицания* их авторитета. Это касалось не только вождей, но и всего социокультурного пространства, в котором «образы “строителей коммунизма” сменились <...> образами социально-маргинализированных и морально дезориентированных молодых людей» [Дмитриевский 2019, с. 573]. Аллюзивно-аллегорические представления о СССР как об абсурдном «городе Зеро» в одноименном фильме К. Шахназарова (СССР, 1988), царстве мистификации, лишенном ценностных смыслов, стремительно вытесняло «обновленческий» контент²⁰.

На встрече М.С. Горбачева уже как первого и единственного президента СССР с деятелями культуры, состоявшейся 29 сентября 1990 г. в Кремле, симптоматичными можно считать его обращения к американскому опыту, рецепцию модели законности времен Ф. Рузвельта, которая, по мнению советского лидера, применима и актуальна для СССР как средства обуздания «митинговой демократии»²¹. Другим, не менее важным способом косвенного «возвышения США» стали реабилитационные процессы, при которых официально признавалась ошибочность партийно-государственных решений прошлого. Возвращение доброго имени

¹⁶ Солоухин В. Читая Ленина. М.: Посев, 1989. 44 с.

¹⁷ Через тернии: Пролог: Что дальше? М.: Прогресс, 1990. С. 22–23, 35, 217, 227.

¹⁸ Бутенко А. О социально-классовой природе сталинской власти // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 65–78.

¹⁹ Буртин Ю.Г. Изжить Сталина // Огонек. 1988. № 12. С. 18.

²⁰ Румянцев А.М. К обновлению социализма: О некоторых актуальных идейно-теоретических проблемах перестройки // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4. С. 66–75.

²¹ Встреча Президента СССР с деятелями культуры // Известия. 1990. 3 окт.

(при безусловной справедливости и оправданности этих действий) способствовало регуманизации персон и образов «бывших чужих», которые становились снова «своими». В это время начинают издаваться сочинения Н.И. Бухарина, воссоздается его кинобиография («Враг народа Бухарин», СССР, 1990, реж. Л. Марягин), выходит из «подполья» диссидентская литература, альтернативные формы культуры, музыки. Была организована премьера сочинения Д.Д. Шостаковича «Антиформалистический раек», которая состоялась сначала в Вашингтоне и только затем в СССР.

Ярким кинематографическим символом медиапространства перестройки стал кинофильм «Американский шпион» (СССР, 1991, реж. Л. Попов), в котором отчетливо проявилась атмосфера тех лет – снижение цензурных барьеров, допустимость эротических сцен, легальности взаимоотношений русского офицера с американской девушкой. Несмотря на то что события в фильме разворачивались в 1945 г., кинодискурс свидетельствовал о необратимости ре(де)идеологизации советско-американских отношений, завершении «*имагологического поворота*» с аллюзией возможности возвращения к тем временам, когда холодная война еще не началась, к союзническо-партнерской модели, при умолчании самого существенного и трагического факта – того, что это происходило за счет грядущего *распада* одного из ее участников...

Заключение

Период 1985–1991 гг. стал этапом не только внутренней перестройки в СССР, но его можно рассматривать как «имагологическую перестройку» в широком культурном и геополитическом контексте. Ведущим фактором происходивших изменений был переговорный процесс между СССР и США на официальном, дипломатическом уровне, в рамках которого и наблюдалась динамика «таяния льда», имагологического «потепления», переход к «прохладному миру» как стадии, предшествовавшей окончанию холодной войны. Советская публицистика, медиапространство на протяжении исследуемого периода сохраняли не просто амбивалентность, но и нередко эклектичность и противоречивость оценок быстро меняющейся действительности.

На первом этапе (1985–1987/88 гг.) публицистическая литература вполне отчетливо демонстрировала негативные оценки при воспроизведении образа другого вообще и США в частности, что было обусловлено инерцией «старого», доперестроечного дискурса. На втором этапе (1987/88–1991 гг.) превалировал по-

ложительный контент. Это составило феномен *«имагологического поворота»*, проявившегося в интенсивном освоении возможностей «гласности», свободном стиле периодических изданий, появлении авторских журналистских материалов, ликвидации цензурных барьеров, особенно после отмены 6-й статьи Конституции СССР. Все это привело к расширению информационно-когнитивных границ, демонтажу стереотипов в восприятии другого, регуманизации образа США, что небезосновательно преподносилось в позитивном ключе как долгожданное обновление не только реальности, но и социальной/коллективной памяти. Вместе с тем данные процессы потребовали геополитической и имагологической жертвы – СССР и советской/социалистической идентичности.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/> “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”.

Литература

- «Враг номер один...» 2023 – «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / Под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
- Барсенков 2014 – *Барсенков А.С.* Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 гг. // Российская история. 2014. № 6. С. 77–98.
- Величко 2005 – *Величко В.В.* Освещение перестройки в СССР (1985–1991 гг.) в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 162–166.
- Дмитриевский 2019 – *Дмитриевский В.Н.* Эпоха перестройки: формирование новых культурных парадигм // Художественная культура. 2019. № 4 (31). С. 564–579.

- Журавлева 2021 – *Журавлева В.И.* Окончание «холодной войны образов»: визуальный поворот в советско-американских отношениях // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков: 1985–1991. М.: РГТУ, 2021. С. 234–256.
- Иванников 2016 – *Иванников И.А.* Ликвидация советского государственного и общественного строя (перестройка в СССР 1985–1991 гг.). Ростов-н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. 134 с.
- Маслов 2016 – *Маслов Д.В.* Замысел горбачевской «перестройки»: Попытки реконструкции // Россия XXI. 2016. № 1. С. 88–113.
- Сивов 2020 – *Сивов А.Н.* Трансформация советских идеологических установок в работах А.Н. Яковлева в 1985–1991 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 468–482.
- Смирнова 2021 – *Смирнова Ю.В.* Современная историография перестройки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9 (78). С. 2462–2475.
- Советская культурная дипломатия... 2018 – Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны: 1945–1989 / Науч. ред. О.С. Нагорная. М.: ПЭН, 2018. 445 с.
- Федоров 2017 – *Федоров А.В.* Отражения: Запад о России / Россия о Западе: Кинообразы стран и людей. М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2017. 389 с.
- Шершнёва 2015 – *Шершнёва Ю.С.* Геополитические образы в «Новгородской правде» 1980-х гг. // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2015. № 3. С. 1–6. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1180101> (дата обращения 10.11.2023).
- Шишкова 2023 – *Шишкова Т.* Внеждановщина: Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 384 с.
- Шубин 2019 – *Шубин А.В.* Основные проблемы и этапы истории перестройки // Российская история. 2019. № 2. С. 39–46.
- Юдин 2023 – *Юдин К.А.* Культурное пространство холодной войны: образ врага в советской и американской публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. Вып. 4. С. 438–446.

References

- Barsenkov, A.S. (2014), "The policy of perestroika and reform of Soviet society in 1985–1991", *Rossiiskaya istoriya*, no. 6, pp. 77–98.
- Dmitrievskii, V.N. (2019), "The era of perestroika: the formation of new cultural paradigms", *Art and Culture Studies*, vol. 31, no. 4, pp. 564–579.

- Fedorov, A.V. (2017), *Otrazheniya: Zapad o Rossii / Rossiya o Zapade: Kinoobrazy stran i lyudei* [Reflections: the West about Russia / Russia about the West. Film images of countries and people], Izdatel'stvo MOO "Informatsiya dlya vseh", Moscow, Russia.
- Ivannikov, I.A. (2016), *Likvidatsiya sovetskogo gosudarstvennogo i obshchestvennogo stroya (perestroika v SSSR 1985–1991 gg.)* [Elimination of the Soviet state and social system (perestroika in the USSR 1985–1991)], Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, Rostov-na-Donu, Russia.
- Maslov, D.V. (2016), "The idea of Gorbachev's 'perestroika'. Attempts at reconstruction", *Rossiia XXI*, no. 1, pp. 88–113.
- Nagornaya, O.S., ed. (2018), *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyakh Holodnoi voyny: 1945–1989* [Soviet cultural diplomacy in the Cold War. 1945–1989], Moscow, PEN, Russia.
- Ryabov, O.V., ed. (2023), "Vrag nomer odin" v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voyny ["Enemy number one" in the symbolic politics of cinematography of the USSR and the USA during the Cold War], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Shershneva, Yu.S. (2015), "Geopolitical images in 'Novgorodskaya Pravda' of the 1980's", *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo*, no. 3, pp. 1–6, available at: <https://portal.novsu.ru/file/1180101> (Accessed 10 Nov. 2023).
- Shishkova, T. (2023), *Vnezhdanovshchina: Sovetskaya poslevoennaya politika v oblasti kul'tury kak dialog s voobrazhaemym Zapadom* [Vnezhdanovshchina: Soviet post-war cultural policy as a dialogue with the imaginary West], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Shubin, A.V. (2019), "Main problems and stages in the history of perestroika", *Rossiiskaya istoriya*, no. 2, pp. 39–46.
- Sivov, A.N. (2020), "Transformation of Soviet ideological attitudes in the works of A.N. Yakovlev in 1985–1991", *RUDN Journal of Russian History*, vol. 19, no. 2, pp. 468–482.
- Smirnova, Yu.V. (2021), "Modern historiography of perestroika", *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, vol. 11, no. 9 (78), pp. 2462–2475.
- Velichko, V.V. (2005), "Coverage of perestroika in the USSR (1985–1991) in foreign historiography", *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 162–166.
- Yudin, K.A. (2023), "The cultural space of the Cold War: the image of the enemy in Soviet and American journalism", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 23, no. 4, pp. 438–446.
- Zhuravleva, V.I. (2021), "The ynd of the 'Cold War of images': a visual turn in Soviet-American relations", in *Okonchanie kholodnoi voyny v vospriyatii sovremennikov i istorikov. 1985–1991* [The end of the Cold War in the perception of contemporaries and historians], RSUH, Moscow, Russia, pp. 234–256.

Информация об авторе

Кирилл А. Юдин, кандидат исторических наук, доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет, Иваново, Россия; 153000, Россия, Иваново, Шереметевский пр., д. 27;

исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; kirill-yudin.hist@mail.ru

Information about the author

Kirill A. Yudin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russia; 27, Sheremetevsky Av., Ivanovo, Russia, 153000;

grant executor, Herzen University, Saint Petersburg, Russia; 48, Moika Emb., Saint Petersburg, Russia, 191186; kirill-yudin.hist@mail.ru

Подход Австрии к отделению Словении и Хорватии от Югославии

Дмитрий А. Зеленев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dima-zelenov17@mail.ru*

Аннотация. Начиная с конца 1980-х гг. Австрия стала активно вовлекаться в определение дальнейших контуров развития Югославии, применяя и последовательно расширяя свой дипломатический и военно-политический инструментарий. Первым полигоном этого курса стал процесс отделения Словении и Хорватии, в рамках которого были заложены ключевые параметры подхода Альпийской республики в деле дальнейшего формирования постъюгославского пространства.

В статье рассматривается общий подход официальной Вены в период отделения Словении и Хорватии от СФРЮ. Автор последовательно изучает характер и динамику развития двусторонних контактов Австрии с обеими республиками. Особое внимание сосредоточивается на определении главных побудительных мотивов поддержки курса официальных Любляны и Загреба, выявляются общие черты и особенности такой политики, исследуются применяемые механизмы и делается вывод о модели взаимодействия.

Ключевые слова: Австрия, Словения, Хорватия, СФРЮ, независимость, отделение, Десятидневная война, дипломатия, парадипломатия

Для цитирования: Зеленев Д.А. Подход Австрии к отделению Словении и Хорватии от Югославии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 51–61. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-51-61

Austria's approach to the separation of Slovenia and Croatia from Yugoslavia

Dmitrii A. Zelenov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dima-zelenov17@mail.ru*

Abstract. Since the late 1980s, Austria, using and consistently widening its political-diplomatic and military-political set of instruments, has actively started to be involved in determining the further contours of Yugoslavia's evolution. Slovenia and Croatia turned out to be the first polygon for this policy, within the framework of which the key parameters of the Alpine Republic's approach to the further formation of the post-Yugoslavia space were established.

The article analyses the general approach of official Vienna to the discussed issue in the period when Slovenia and Croatia separated from the SFRY. The author consistently studies the nature and dynamics of the bilateral contacts between Austria and both Republics. Special attention is paid to the determination of the main incentive motives in support of official Ljubljana and Zagreb; the paper also identifies the similar features and the specifics of such policy, carries out research on the mechanisms used, and the conclusion is made concerning the model of interaction.

Keywords: Austria, Slovenia, Croatia, SFRY, independence, separation, Ten-Day war, diplomacy, paradiplomacy

For citation: Zelenov, D.A. (2024), "Austria's approach to the separation of Slovenia and Croatia from Yugoslavia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 51–61, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-51-61

С 1990-х гг. постюгославское пространство остается одним из ключевых «очагов нестабильности» в Европе. Его характерной чертой является регулярное «вспыхивание» вооруженных столкновений, несущих целый спектр угроз всем государствам Евро-Атлантического сообщества. Одна из них – превращение весомой части региона в своеобразную «серую зону» Европы, через которую осуществляется транзит вооружений, наркотрафика и, что актуально во второй половине 2010 – начале 2020-х гг., нелегальной миграции, в том числе лиц, причастных к сериям терактов в европейских государствах начиная с 2015 г.

Одной из активно вовлеченных в процесс стабилизации обстановки на постюгославском пространстве является нейтральная Австрия, которая, с учетом географических и экономических свя-

зей с регионом и в то же время в рамках взятого курса на превращение в «малую державу» [Krause, Singer 2001, pp. 2–3], вносит существенный вклад в урегулирование конфликтов на указанных территориях. На этом фоне актуальным является ставший триггером к распаду всей СФРЮ выход из ее состава Словении и Хорватии летом 1991 г. В этой связи *целью* статьи является изучение эволюции австрийского подхода к процессу отделения Словении и Хорватии и характеру взаимодействия с ними. Ключевыми *методами* выступают *историко-генетический* и *сравнительный* методы, позволяющие в совокупности выделить как стадии эволюции позиции Австрии, так и специфические особенности каждой из них.

Однако обозначенная проблема не получила должного освещения в литературе, особенно отечественной. Фактически роль Австрии отрывочно рассматривается либо в трудах, посвященных развитию югославского конфликта в целом [Никифоров 2011; Гуськова 2001], причем только в качестве точечного упоминания, либо работах, посвященных общему описанию австрийской истории в XX – начале XXI в. [Ватлин 2014; Воцелка 2007]. Это обстоятельство обуславливает необходимость привлечения новых источников, прежде всего дипломатических документов, изданных австрийским МИД¹.

Во второй половине 1990 г. в завершающую стадию перешел процесс внутривосточной дестабилизации Югославии, связанный с наиболее масштабным со времен образования страны конституционным кризисом. Его «двигателем» стали местные выборы в Словении и Хорватии, по итогам которых к власти в обеих республиках пришли силы, ставшие открыто проводить курс на большую независимость от союзного центра. На этом фоне австрийское руководство взяло курс на максимальную поддержку отделившихся от СФРЮ республик. Чем диктовался такой подход? Во-первых, страна остро нуждалась в увеличении своего влияния на Балканах как с учетом историко-генетических связей (обе республики входили в состав Австрийской, а затем Австро-Венгерской империй, а на территории Австрии проживает масса этнических словенцев и хорватов), так и в рамках курса на наращивание ресурсной базы страны и сохранения своей роли посредника. Последнее стало особенно актуально с учетом распада системы СЭВ и ОВД и, как следствие, смещения геополитических границ в Европе, где Австрия переставала быть пограничной с противостоявшими блоками страной и, следовательно, привлекательность в ней как

¹ Österreichische außenpolitische Dokumentation. Sondesdruck Jugoslawische Krise. Wien: BMAA, 1992.

переговорной площадке существенно сократилась. Во-вторых, австрийская экономика в середине – второй половине 1980-х гг. находилась на стадии кризиса, сопровождавшегося существенным дефицитом бюджета – до 60% [Ватлин 2014, с. 169–170] – и необходимостью удержать после серии роста в первой половине 1980-х гг. достигнутый в 1989 г. рекордно низкий (0,6% [Воцелка 2007, с. 449]) уровень инфляции. Балканские рынки в этой связи были одной из возможностей [Oliver 2015, S. 15] стабилизировать экономическое положение в стране. В-третьих, официальная Вена стремилась избежать роста конфликтности, который происходил бы в непосредственной близости у ее границ и мог перекинуться на ее территорию. С учетом этих обстоятельств правительство Ф. Враницкого было заинтересовано не просто в отделении обеих республик, но именно в мирном характере этого процесса. При этом обеспечение данного курса было невозможно без поддержки ведущих стран Евро-Атлантического сообщества. Однако в реалиях 1990 г. США и их партнеры настаивали на сохранении единства СФРЮ, но с предоставлением большей автономии республикам, главным образом именно Словении и Хорватии как главным субъектам-донорам в госбюджет. Это было вызвано, главным образом, стремлением избежать создания прецедентов сепаратизма, поскольку подобные движения имели место в странах ЕЭС, например, Корсика во Франции, Северная Ирландия в Великобритании или Каталония в Испании.

Подход стал меняться после воссоединения Германии в сентябре 1990 г. Связано это с тем, что ФРГ уже в первые месяцы после объединения стала реализовывать формулу «прецедентной дипломатии», нацеленную, в частности, на максимальное содействие признанию республик СФРЮ [Трунов 2021, с. 197]. Опираясь на позицию «старшего соседа», правительство Ф. Враницкого стало действовать более открыто, оказывая большую помощь, прежде всего в дипломатической сфере. Так, в конце 1990 г. произошла легализация деятельности официальных представителей Словении, а затем и Хорватии в Вене [Гуськова 2000, с. 79]. Этот шаг отчетливо продемонстрировал не просто готовность австрийского правительства к полной поддержке курса обеих республик, но и намерение сыграть весомую роль в этом процессе.

После запущенной Германией дискуссии внутри ЕЭС и НАТО по дальнейшей судьбе СФРЮ в 1991 г. Альпийская республика существенно нарастила уровень дипломатических контактов с руководством обеих республик: только за 1991 г. австрийские дипломаты и политики провели более восьми встреч со словенским и не менее семи с хорватским руководством на разных уровнях,

включая высший². При этом наибольшие по интенсивности как в качественном, так и в количественном измерении переговоры проходили непосредственно незадолго до начала боевых столкновений в каждой из республик. Применительно к Хорватии это пришлось на зимне-весенний период 1991 г., а после начала боевых столкновений их число заметно сокращалось. Одновременно изменился и уровень контактов. Так, во всех четырех январско-мартовских встречах Хорватию представлял лично президент Ф. Туджман, в то время как официальные переговоры во второй половине года велись уже на уровне министра иностранных дел Д. Рудольфа / М. Шепаровича (с июля 1991 г.). Это было обусловлено тем, что именно весной 1991 г. [Никифоров 2011, с. 782] противостояние между правительством страны и хорватскими сербами стал тяготеть к перерастанию в полномасштабный вооруженный конфликт. На этом фоне уже с начала 1991 г. кабинет Ф. Враницкого / А. Мока стал более сдержанно взаимодействовать с хорватским руководством, дистанцируясь от открытой поддержки какой-либо из сторон до четкого понимания, какая из них одержит победу. Так, например, на встрече 29 января 1991 г. канцлер подчеркнул, что при выстраивании отношений с Хорватией его правительство руководствуется позицией официального Белграда, а не Загреба, но одновременно отметил важность сохранения контактов с хорватской стороной³. Чем обуславливалась такая позиция? Прежде всего стремлением предотвратить или локализовать конфликт в случае начала масштабных боевых действий. Это, в свою очередь, снижало вероятность масштабного вовлечения в конфликт сил НОАЮ, которое грозило затягиванием конфликта и подключением большинства стран ЕЭС и НАТО к его урегулированию и, как следствие, снижению влияния самой Австрии на развитие политической обстановки в обеих республиках. Кроме того, с учетом подобной активности в случае разгрома хорватских вооруженных сил Австрия могла выступить в качестве нейтральной площадки для достижения перемирия и предоставления хорватскому командованию времени для перегруппировки сил.

В случае Словении наиболее интенсивные контакты также осуществлялись в январе–марте 1991 г. Однако их существенным

² Jahrbuch der österreichischen Außenpolitik. Außenpolitischer Bericht 1991 // Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten. Wien: 1992. S. 628, 629.

³ Bericht über den Besuch des Präsidenten Kroatiens beim Bundeskanzler, Wien, 29.01.1991 // Österreichische außenpolitische Dokumentation. Sondersdruck Jugoslawische Krise... S. 173.

отличием стала более четкая поддержка курса страны. Еще 23 января 1991 г. словенский премьер-министр А. Петерле отмечал, что «ему приятна симпатия австрийцев» в вопросе о словенской независимости⁴. Это, с одной стороны, отразило степень важности позиции именно Альпийской республики, а с другой – позволяло оценить настроения мирового сообщества. В связи с отсутствием противодействия со стороны стран Запада Австрия пошла на фактически открытую поддержку курса Словении. Свидетельством тому служит заявление А. Мока от 13 марта, в котором австрийский министр отметил, что Словения сама должна создать условия для независимости, а Австрия на это «отреагирует соответствующим образом»⁵. Похожую мысль на следующий день выразил канцлер Ф. Враницкий на встрече со словенским президентом М. Кучаном, заметив, что в случае объявления Словенией независимости «Австрия будет вынуждена изменить свою текущую позицию»⁶. Думается, что подобные заявления преследовали цель не только снять любую ответственность с Альпийской республики (особенно обвинения в поддержке сепаратизма), но и одновременно побудить словенскую сторону к более активным действиям, тем самым ускоряя процесс отделения. Зачем была предпринята попытка этого ускорения? Во-первых, на фоне назревавшей войны в Хорватии и потенциальной угрозы столкновений в Словении промедление с признанием могло встать в прямую зависимость от протекавших боевых действий и «откатиться» до нулевого уровня, то есть завершиться даже без расширения полномочий обеих республик в составе союзной федерации. Во-вторых, «словенский вопрос» рассматривался в тесной увязке с «хорватским». На практике это означало, что выход официальной Любляны становился триггером к аналогичному шагу Загреба.

Существенно снизился уровень взаимодействия между официальными лицами обоих государств летом 1991 г. Причиной этого выступала начавшаяся Десятидневная война (27 июня – 6 июля

⁴ Bericht über Gespräche des Ministerpräsidenten und des Außenministers Sloweniens in Wien, 23.01.1991 // Österreichische außenpolitische Dokumentation. Sondersdruck Jugoslawische Krise... S. 118.

⁵ Bericht über ein Treffen des Bundesminister für auswärtige Angelegenheiten mit dem Präsidenten Sloweniens, Wien, 13.03.1991 // Österreichische außenpolitische Dokumentation. Sondersdruck Jugoslawische Krise... S. 175.

⁶ Bericht über Aussagen des Bundeskanzlers und des Bundesminister für auswärtige Angelegenheiten zur rechtlichen Beziehung zu Jugoslawien, Wien, 14.03.1991 // Österreichische außenpolitische Dokumentation. Sondersdruck Jugoslawische Krise... S. 176.

1991 г.). Продолжение активных контактов со словенским руководством означало бы открытый антиюгославский курс, что в условиях боевых действий в непосредственной близости от австрийских границ грозило вовлечением в боевые действия частей бундесхеера. К такому развитию событий вооруженные силы страны были явно не готовы. Об этом свидетельствует факт того, что основную функцию на границе со Штирией протяженностью целых 130 км охранял всего один 53-й полк⁷. Кроме того, подключение Альпийской республики к конфликту на практике означало отказ от нейтрального статуса. В этой связи кабинет Ф. Враницкого / А. Мока стал прилагать все усилия к урегулированию конфликта. Ключевым инструментом этой линии стал «Берлинский механизм» ОБСЕ, созданный при непосредственно австрийском участии. Именно в рамках этого формата австрийская дипломатия впервые в рамках многосторонних переговоров заявила о поддержке «права Словении на независимость»⁸ 3 июля 1991 г., тем самым четко заняв конкретную сторону боевых столкновений. Однако это вполне вписывалось в обозначенный курс, поскольку к 3 июля явное превосходство в конфликте было на стороне словенской армии.

Другой общей особенностью реализации Австрией дипломатической поддержки стало применение (особенно с лета 1991 г.) нетрадиционных механизмов. Ключевыми из них стали инструменты парадипломатии, осуществляемые через глав федеральных земель Австрии. Наглядными примерами тому служат визиты бургомистра Вены Х. Цилька в Загреб 3–4 марта 1991 г., а также Люблян 4 марта 1991 г., где он провел переговоры лично с Ф. Туджманом и премьер-министром Л. Петерле⁹. С учетом уровня, на котором был принят бургомистр, визит был посвящен не только традиционной для подобного рода контактов экономической проблематике, но и политической обстановке в республиках. Тем самым австрийское руководство не только вновь подчеркнуло поддержку, но и отразило готовность к применению более широкого спектра инструментов, причем на всех уровнях. Последнее проявилось 26 июня 1991 г., когда уже на следующий день после провозглашения

⁷ Sicherungseinsatz 1991 – das LWSR53 an der jugoslawischen Grenze. URL: <https://www.bmlv.gv.at/truppendienst/ausgaben/artikel.php?id=1179> (дата обращения 13.03.2023).

⁸ Erklärung des österreichischen Vertreters beim Dringlichkeitstreffendes KSZE – Ausschusses Hoher Beamter, Prag, 3. 07. 1991. URL: <https://digital.obvsg.at/ulbdigital/content/pageview/8379758> (дата обращения 10.03.2023).

⁹ Jahrbuch der österreichischen Außenpolitik. 1991... S. 629.

отделения от СФРЮ в Любляну прибыли бургомистр Вены и губернаторы Верхней Австрии, Каринтии и Штирии¹⁰. Важным стало присутствие представителей именно пограничных со Словенией австрийских федеральных земель, поскольку, являясь примером трансрегиональной парадипломатии [Michelmann, Soldatos 1990, pp. 25–26], оно подкрепило на практике намерение к диверсификации политико-дипломатических ресурсов.

Наконец, третьей общей чертой переговорного процесса со Словенией и Хорватией стало проведение подавляющего большинства встреч на высоком и высшем уровне исключительно в Вене. Почему? Помимо очевидных опасений, связанных с безопасностью, это имело и символическое значение, поскольку Австрия стремилась подчеркнуть роль «старшего партнера» в отношениях с Любляной и Загребом и продемонстрировать особую роль Вены как переговорной площадки.

Другим видом поддержки стала военно-техническая помощь. Преимущественно этот трек реализовывался через экспорт вооружений, особенно стрелкового [Гуськова 2001, с. 156]. Этим шагом официальная Вена не только укрепляла возможности армий обеих республик, но и существенно ослабляла потенциал НОАЮ, поскольку оплата оружия осуществлялась на средства, которые официальные Любляна и Загреб не выплатили в общий бюджет Югославии [Никифоров 2011, с. 768–769]. Соответственно, с учетом статуса главных «доноров» Хорватии и Словении в СФРЮ, недоимки по военной линии (только в случае Словении более 300 млн динаров) существенно ограничили возможности югославской армии, которые вкупе с нерешительностью военного командования страны не позволили предотвратить отделение республик.

Одновременно в 1990–1991 гг. существенно увеличили свою активность австрийские спецслужбы. Главным направлением этого стало содействие наращиванию вооруженных сил обеих республик. Особо значимым в этой связи является участие австрийской военной разведки в создании словенской бригады специального назначения «Морис» [Валецкий 2018, с. 6–7], которая де-факто стала ударным «костяком» сил специального назначения МВД, а также тренировке наскоро набранных 180 тыс. солдат.

После выхода Словении и Хорватии из состава СФРЮ принципиальной задачей австрийской дипломатии стало закрепление этого статуса в рамках международно-правового поля, сопровождаемое резким ростом австрийских инвестиций в экономики обеих республик [Sieber 2006, S. 617]. Достижение этой цели проводилось

¹⁰ Ibid.

в еще большей увязке с политикой ФРГ. Именно позиция Германии стала главной причиной изменения общего подхода ЕЭС по «югославскому вопросу» осенью–зимой 1991 г. Используя имевшийся весомый политико-дипломатический потенциал, кабинет Г. Коля / Г.-Д. Геншера добился не только активизации дискуссий по «югославскому вопросу» в рамках ЕЭС, но и смог обеспечить признание независимости обеих республик партнерами 15 января 1992 г. [Глушко 2002, с. 72–73]. Такой же шаг в этот же день предприняла и Австрия. Это поставило официальную Вену в весьма выгодное положение: страна получала поддержку Германии как одного из «двигателей» ЕЭС и одновременно показывала общность курса с Европейскими сообществами, тем самым ускоряя вступление в Союз.

* * *

Таким образом, в период отделения Словении и Хорватии Австрия последовательно проводила курс на поддержку выхода обеих республик из состава Югославии. Начав с элементов неофициальной помощи в конце 1990 – начале 1991 г., правительство Ф. Враницкого стало стремительно расширять спектр применяемых политико-дипломатических ресурсов с зимы 1991 г. Это выразилось как в увеличении применяемых официальных межгосударственных каналов взаимодействия (вплоть до уровня федерального канцлера), так и нетрадиционных инструментов, главным образом парадипломатии (причем в диверсифицированном варианте), дополняемых военно-технической и военно-тренировочной поддержкой. Масштаб и динамика их применения зависели от процесса дестабилизации обстановки на отделившихся территориях, будучи напрямую связанными с непосредственными шагами словенского и хорватского руководств по выходу из Югославии. Отмеченная взаимозависимость обусловила волнообразный характер оказываемой помощи, существенно возросший накануне боевых действий (январь–март 1991 г.) и после официального выхода обеих республик из состава СФРЮ (с июня 1991 г.). Между тем в период вооруженной стадии, когда возникала угроза «отката» в вопросе независимости, кабинет Ф. Враницкого / А. Мока значительно снизил число двусторонних контактов, концентрируясь на применении форматов профильных международных структур, в частности институтов ОБСЕ.

Отмеченный курс реализовывался при тесной координации усилий Австрии и ФРГ, охватывая как военно-политическую, так и политико-дипломатическую сферу. При этом в последнем случае де-факто создавался своего рода «политический треуголь-

ник», в котором Словения и Хорватия (причем в увязке друг с другом с приоритетом для первой) выступали в качестве «младших партнеров» и Австрии, и Германии, но вместе с тем сама официальная Вена рассматривалась как «младший сосед» официального Бонна. Во многом именно этот неофициальный формат определял процесс реформирования экономик и политических систем Словении и Хорватии, который, в свою очередь, стал главным залогом вхождения обеих республик в состав ЕС в 2004 и 2013 гг. соответственно.

Литература

- Валецкий 2018 – *Валецкий О.* Югославская война: 1991–1995. М.: Вече, 2018. 216 с.
- Ватлин 2014 – *Ватлин А.Ю.* Австрия в XX в. М.: Директ-Медиа, 2014. 240 с.
- Воцелка 2007 – *Воцелка К.* История Австрии: Культура, общество, политика. М.: Весь Мир, 2007. 512 с.
- Глушко 2002 – *Глушко В.С.* Признание Германией независимости Словении и Хорватии как детонатор Балканского кризиса // Военный комментатор. 2002. № 1 (3). С. 69–75.
- Гуськова 2000 – *Гуськова Е.Ю.* Словения: Десять лет самостоятельности // Словения: Путь к самостоятельности: Документы / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2000. С. 79–92.
- Гуськова 2001 – *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 720 с.
- Никифоров 2011 – *Никифоров К.В.* Югославия в XX в.: Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. 888 с.
- Трунов 2021 – *Трунов Ф.О.* Политико-военное измерение внешнеполитического курса ФРГ на постъюгославском пространстве // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 194–216.
- Krause, Singer 2001 – *Krause V., Singer D.J.* Minor powers, alliances, and armed conflict: Some preliminary patterns. URL: https://www.bundesheer.at/pdf_pool/publikationen/05_small_states_03.pdf (дата обращения 13.03.2023).
- Michelmann, Soldatos 1990 – *Michelmann H.J., Soldatos P.* Federalism and international relations. Oxford: Clarendon Press, 1990. 322 p.
- Oliver 2015 – *Oliver K.* Handeln, Investieren, Erobern. Österreichische Unternehmen in Ostmitteleuropa // Themendossiers zur Didaktik von Geschichte, Sozialkunde und Politischer Bildung. Österreich und die Ostöffnung 1989. 2015. No. 8. S. 15–22.
- Sieber 2006 – *Sieber S.* Direktinvestitionen österreichischer Unternehmen in Ost-Mitteuropa // Monatsberichte des Österreichischen Institutes für Wirtschaftsforschung. 2006. No. 8. S. 613–626.

References

- Glushko, V.S. (2002), "German recognition of the independence of Slovenia and Croatia as a detonator of the Balkan crisis", *Voennyi kommentator*, vol. 3, no. 1, pp. 69–75.
- Gus'kova, E.Yu (2000), "Slovenia. Ten years of independence", in Gus'kova, E.Yu., ed., *Sloveniya. Put' k samostoyatel'nosti. Dokumenty* [Slovenia, The path to independence. Documents], Indrik, Moscow, Russia.
- Gus'kova, E.Yu (2001), *Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990–2000)* [History of the Yugoslav crisis], *Russkoe pravo / Russkii natsional'nyi fond*, Moscow, Russia.
- Krause, V., Singer, D.J. (2001), "Minor powers, alliances, and armed conflict: Some preliminary patterns", available at: https://www.bundesheer.at/pdf_pool/publikationen/05_small_states_03.pdf (Accessed 13 March, 2023).
- Michelmann, H.J. and Soldatos, P. (1990), *Federalism and international relations*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Nikiforov, K.V. (2011), *Yugoslaviya v XX veke: Ocherki politicheskoi istorii* [Yugoslavia in the 20th century: Essays on political history], Indrik, Moscow, Russia.
- Oliver, K. (2015), "Handeln, Investieren, Erobern. Österreichische Unternehmen in Ostmitteleuropa", in *Themendossiers zur Didaktik von Geschichte, Sozialkunde und Politischer Bildung. Österreich und die Ostöffnung 1989*, no. 8, S. 15–22.
- Sieber, S. (2006), "Direktinvestitionen österreichischer Unternehmen in Ost-Mittel-europa", in *Monatsberichte des Österreichischen Institutes für Wirtschaftsforschung*, no. 8, S. 613–626.
- Trunov, F.O. (2021), "Political-military dimension of Germany's foreign policy in the post-Yugoslav space", *Urgent Problems of Europe*, vol. 110, no. 2, pp. 194–216.
- Valeckij, O. (2018), *Yugoslavskaya voina. 1991–1995* [Yugoslav war, 1991–1995], Veche, Moscow, Russia.
- Vatlin, A.Yu. (2014), *Avstriya v XX v.* [Austria in the 20th century], Direkt-Media, Moscow, Russia.
- Vocelka, K. (2007), *Istoriya Avstrii: Kul'tura, obshch hestvo, politika* [History of Austria. Culture, society, politics], Ves' mir, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий А. Зеленев аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dima-zelenov17@mail.ru

Information about the author

Dmitriy A. Zelenov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047, dima-zelenov17@mail.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 339.9(470+71)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-62-72

Канадско-российское сотрудничество в области освоения Арктики в 1990-е и 2000-е гг.

Василий И. Касенков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kasenkov_basil@mail.ru*

Аннотация. Данная статья описывает взаимодействие России и Канады по вопросам развития арктического пространства. Роль Арктики в условиях активно меняющегося климата является очень важной как для приарктических государств, имеющих непосредственные границы с регионом, так и для всего мира в целом. Автором рассматриваются действия двух стран в период с 1990-х и до начала 2000-х гг. Реформы Горбачева, а также активная позиция канадского правительства позволили начать кооперацию по гуманитарным вопросам еще до распада СССР. 1990-е годы ознаменовались активным формированием целого ряда юридических соглашений, посвященных вопросам сотрудничества между Россией и Канадой, а также других приарктических государств. В 1996 г. был основан Арктический совет – организация, призванная обеспечить устойчивое развитие региона. Поступательное развитие отношений двух крупнейших северных стран начало стагнировать после 2006 г., с приходом к власти Консервативной партии во главе со С. Харпером. Целью данной статьи является анализ межправительственных действий РФ и Канады, направленных на развитие арктического региона. Новизна данной работы заключается в том, что, несмотря на наличие в отечественной историографии исследований на эту тему, данная статья является первой попыткой обобщающего научного анализа канадско-российского сотрудничества в области освоения Арктики.

Ключевые слова: Арктика, Канада, Россия, Арктический совет, С. Харпер

Для цитирования: Касенков В.И. Канадско-российское сотрудничество в области освоения Арктики в 1990-е и 2000-е гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 62–72. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-62-72

© Касенков В.И., 2024

Canadian-Russian cooperation in the field of Arctic exploration in the 1990s and 2000s

Vasilii I. Kasenkov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kasenkov_basil@mail.ru*

Abstract. This article describes the interaction between Russia and Canada on the development of the Arctic space. The role of the Arctic in the conditions of an actively changing climate is very important both for the Arctic states that have direct borders with the region and for the whole world in general. The author analyzes the actions of the two countries in the period from the 1990s to the early 2000s. Gorbachev's reforms, along with the active position of the Canadian government, made it possible to start cooperation on humanitarian issues even before the collapse of the USSR. The 1990s were marked by the active formation of a number of legal agreements on cooperation between Russia and Canada, as well as other Arctic states. In 1996, the Arctic Council was founded, an organization designed to ensure the sustainable development of the region. The progressive improvement of the relations between the two largest Nordic countries began to stagnate after 2006, with the coming to power of the Conservative Party led by S. Harper. The purpose of this article is to analyze the intergovernmental process between the Russian Federation and Canada aimed at the development of the Arctic region. The novelty of this work lies in the fact that, despite the presence in the domestic historiography of the studies on the topic, the article is the first attempt of a generalized scientific research of the Canadian-Russian cooperation in the development of the Arctic.

Keywords: Arctic, Canada, Russia, Arctic Council, S. Harper

For citation: Kasenkov, V.I. (2024), "Canadian-Russian cooperation in the field of Arctic exploration in the 1990s and 2000s", *RSUH/RGGU Bulletin "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 62–72, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-62-72

Введение

Глобальные климатические изменения и конец прежнего би-полярного политического пространства предопределяют ключевую роль Арктики в современном мире. Таяние льдов открывает доступ к новым судоходным маршрутам и колоссальным залежам полезных ископаемых. В связи с этим такие северные страны, как Россия и Канада, стоят перед выбором, каким образом они будут выстраивать свою политику в данном регионе. Очевидным вариантом представляется общая работа по освоению территории в связи

с тем, что именно вместе можно ответить на глобальные вызовы, стоящие перед приполярными странами.

Чтобы достичь основной цели исследования – анализа межправительственных действий РФ и Канады, направленных на развитие арктического региона, необходимо выполнить следующие задачи: а) изучить межправительственные соглашения, связанные с деятельностью арктических стран; б) рассмотреть арктическую политику правительств Канады и России.

Для написания статьи были использованы российские и канадские материалы. В качестве источников выступают официальные речи лидеров государств – М. Горбачева в Мурманске, С. Харпера во время визита в Британскую Колумбию и Мюнхенская речь В. Путина; двусторонние соглашения: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о сотрудничестве в Арктике и на Севере; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о принципах и основах сотрудничества между субъектами Российской Федерации и провинциями и территориями Канады; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о воздушном сообщении; международные декларации: Тромсе, Нууксая, Инарийская, Рейкьявикская, Салехардская, Илулиссатская. А также были задействованы: Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в предотвращении и сохранении под контролем загрязнения морской среды Арктики между Правительством СССР и Правительством Канады; Договор о согласии и сотрудничестве между Российской Федерацией и Канадой.

В российской научной среде проблематикой Арктики занимается определенный круг ученых. Д.А. Володин в своих работах обращает внимание на роль Канады в милитаризации арктического региона и на то, каким образом консервативное правительство Харпера обеспечивало защиту своих геополитических интересов [Володин 2015]. Т.Р. Кузьмина рассматривает изменения во взглядах канадских элит на арктическую проблематику, а также как это отразилось на канадско-российских отношениях [Кузьмина 2017; Кузьмина 2019]. Вопросам международного сотрудничества России и других арктических стран уделяется внимание в работах В.Н. Коньшева и А.А. Сергунина [Коньшев, Сергунин 2012].

Среди канадских авторов можно выделить труды У. Лакенбауера, посвященные вопросам безопасности в Арктике [Lackenbauer 2010]. О взаимодействии приарктических стран и Арктического совета повествуется в книге Д. Берк [Burke 2019]. Проблемы принадлежности арктических территорий и ископаемых ресурсов раскрываются в трудах М. Байерса [Byers 2010].

Для того чтобы достичь цели работы, был применен сравнительно-исторический метод. С его помощью удалось выделить общие и особенные черты двух стадий развития канадско-российских отношений, выделенных в ходе исследования.

Формирование и развитие сотрудничества в сфере освоения Арктики

К концу 1980-х гг. советско-канадские отношения претерпели значительные изменения в положительную сторону. Арктический регион, прежде рассматриваемый лишь в качестве плацдарма для размещения военных объектов, стал территорией, вокруг которой Канада и СССР смогли найти точки соприкосновения. Этому способствовали существенные изменения в политике Советского Союза и, в частности, действия его лидера – Михаила Горбачева.

В своей речи, произнесенной в Мурманске, Председатель Президиума Верховного Совета назвал Арктику «зоной мира»¹. Помимо стремления к снижению военной активности, были озвучены надежды на развитие сотрудничества как в экономической, так и в экологической сфере региона. Канадское правительство во главе с Брайном Малруни изначально было настроено весьма сдержанно к любым инициативам иностранных государств в арктическом регионе. Однако, принимая во внимание серьезность намерений советского руководства и осознавая перспективность сотрудничества со всеми приарктическими государствами, канадское правительство сделало ряд определенных шагов навстречу СССР.

В 1989 г. состоялся визит премьер-министра Канады Б. Малруни в СССР. За время этого визита было подписано множество межправительственных соглашений, в том числе и в области охраны окружающей среды, например Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в предотвращении и сохранении под контролем загрязнения морской среды Арктики между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Канады². Данный факт символизирует то, что военная риторика

¹ Речь товарища Горбачева М.С., часть 1. 1987. URL: <https://helion-ltd.ru/gorbachev-speech-part-1/> (дата обращения 05.05.2022).

² Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в предотвращении и сохранении под контролем загрязнения морской среды Арктики между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Канады, 1989. URL: <https://base.garant.ru/71394996/3d3a9e2eb4f30c73ea6671464e2a54b5/> (дата обращения 06.05.2022).

холодной войны перестала быть доминирующей в отношениях двух приполярных стран. Кроме того, в 1989 г. была проведена встреча представителей арктических государств в Финляндии, куда входили делегации Канады и СССР. На основании решений, принятых в ходе этих переговоров, впоследствии будет учрежден Арктический совет.

С распадом Советского Союза и приходом к власти Бориса Ельцина отношения между Канадой и Россией продолжили развиваться в положительном ключе. В ходе официальных визитов, осуществленных президентом России в 1992 г. в Канаду, было подписано несколько важнейших документов, посвященных арктической проблематике. В их число вошли: Договор о согласии и сотрудничестве между Российской Федерацией и Канадой³ и Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о сотрудничестве в Арктике и на Севере⁴. Эти документы закрепляют стремление руководства обеих стран решать все спорные вопросы посредством международных институтов и исключительно в мирном русле. Сотрудничество в рамках развития Арктики представляется сторонами как основа развития отношений между странами в целом. Для того чтобы обеспечить экономическое и экологическое процветание региона, предлагается поддерживать постоянный контакт между РФ и Канадой посредством создания специальной Комиссии, в состав которой входят представители обеих стран.

После победы на выборах в 1993 г. к власти пришла Либеральная партия Канады во главе с Жаном Кретьеном. Во время своего премьерства он продолжил политику предшественника по выстраиванию взаимовыгодного диалога с Россией вокруг Арктики. Осознавая важность стабильного развития северных территорий для своей страны, Ж. Кретьен стремился закрепить за Канадой статус арктической державы на международном пространстве. В связи с этим в 1990-е гг. происходит формирование различных двусторонних соглашений с Российской Федерацией, а также стремление к развитию связей с другими приарктическими государствами.

Помимо отказа от милитаризации региона, на первый план арктической повестки выступили вопросы, связанные с экологией

³ Договор о согласии и сотрудничестве между Российской Федерацией и Канадой. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901728233> (дата обращения 07.05.2022).

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о сотрудничестве в Арктике и на Севере. 1992. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901724056> (дата обращения 07.05.2022).

и коренным населением Севера. Россия и Канада участвовали в нескольких многосторонних встречах, объединяющих приарктические государства. В 1993 г. в Норвегии прошли две конференции, по итогам которых были приняты декларации.

Первая декларация посвящена сотрудничеству в Баренцевом / Евроарктическом регионе. Данная декларация была призвана закрепить отход от прежнего идеологического противостояния в Европе и объединить приполярные страны в их стремлении к стабильному развитию Севера. Также была выражена поддержка развития рыночных отношений и демократии в Российской Федерации, способствующих общей интеграции в регионе. Декларация Тромсё является второй декларацией⁵, принятой в Норвегии в том же году. В ее основе лежат приверженность стран к общему контролю над состоянием окружающей среды, готовность к оперативному ответу на чрезвычайные ситуации, а также развитие Северного морского пути.

Следующей декларацией, участниками которой являются Канада и Россия, является Нуукская декларация, принятая в 1993 г. в Гренландии⁶. Данной декларацией страны-участницы, в число которых также входят Дания, Норвегия, Швеция, Исландия, США и Финляндия, подтвердили свои намерения по защите окружающей среды и социально-экономическому развитию региона. Важным аспектом является принятие программы по арктическому мониторингу (АМАР). Участие России в подобных встречах и подтверждение своих намерений в виде конкретных шагов по снижению загрязнения и улучшения общего экологического состояния Арктики дали надежду мировому сообществу на сохранение природных условий и стабильное развитие региона.

Данные международные встречи и соглашения создали прочную основу для формирования Арктического совета. Эта организация была создана в 1996 г. по инициативе канадского правительства. Она является местом взаимодействия приполярных государств, международных институтов, а также представителей коренных народов Севера. Арктический совет является основным инструментом взаимодействия приарктических государств. На площадках форума было заключено множество соглашений, укрепляющих российско-канадское сотрудничество в Арктике.

⁵ Декларация Тромсё. 1993. URL: https://bellona.ru/assets/sites/4/2015/06/fil_tromse1.pdf (дата обращения 07.05.2022).

⁶ Нуукская декларация, 1993. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16071#Gqigl6TE9K3pVQ2n> (дата обращения 07.05.2022).

На протяжении 1990-х гг. между Российской Федерацией и Канадой формировался существенный перечень юридических соглашений, посвященных как экономическому, так и экологическому развитию арктического региона. Близость географического положения и схожесть климатических условий благоприятно сказывались на поиске политических решений, удовлетворяющих интересы обеих сторон.

Развитие сотрудничества между странами в 2000-х гг.

Очередной этап развития российско-канадских отношений произошел с приходом к власти Владимира Путина в 2000 г. Во время официального визита в декабре этого года состоялась встреча президента РФ и канадского премьер-министра в столице Канады. В ходе переговоров были заключены два соглашения, регулирующие отношения между правительствами двух стран. Первым является «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о принципах и основах сотрудничества между субъектами Российской Федерации и провинциями и территориями Канады»⁷. В его основе заключается стремление обеих стран наладить взаимовыгодные отношения между отдельными регионами, в том числе и по вопросам торговли, что является одним из ключевых аспектов, улучшающих отношения между странами. Второй документ имеет название «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о воздушном сообщении»⁸. Его суть заключается в принятии условий авиаперевозок, удовлетворяющих экономическим интересам обеих сторон.

Данные соглашения являются актуальными в связи с совместной деятельностью двух стран по освоению Арктики. В 2000 г. состоялась инициатива канадского правительства по оказанию финансовой поддержки коренным народам Севера, проживающим на территории РФ, в общей сложности было выделено порядка 5 млн

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о принципах и основах сотрудничества между субъектами Российской Федерации и провинциями и территориями Канады, 2000. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901789249> (дата обращения 09.05.2022).

⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о воздушном сообщении. 2000. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901790720> (дата обращения 09.05.2022).

канадских долларов. В 2001 г. Россия и Канада начали реализовывать совместный план по «Обмену опытом управления северными территориями». Данная программа была направлена на использование успешного опыта управления территориями, на которых проживают коренные народы арктического региона.

В 2003 г. прошли очередные выборы в Канаде, в ходе которых Либеральная партия осталась у власти, а на посту премьер-министра Жана Кретьена сменил Пол Мартин. Новый лидер партии продолжил курс по развитию взаимодействия с Российской Федерацией по вопросам освоения Арктики. В этот период продолжалось активное взаимодействие в рамках Арктического совета. Были подписаны Инарийская⁹ и Рейкьявическая¹⁰ декларации. В рамках этих документов арктические страны подтверждают свою приверженность к устойчивому развитию региона, а также необходимости охранять и поддерживать окружающую среду. Отдельное внимание уделяется вопросам улучшения условий проживания человека в этом суровом климате.

В этот период Арктический совет выступает не только как площадка для вопросов развития Севера, но и как организация, способствующая выстраиванию позитивных международных отношений между странами-участницами в целом. Однако П. Мартину не удалось полностью реализовать свои планы, намеченные на первый срок премьерства. Коррупционный скандал, связанный с его правительством, заставил премьер-министра подать в отставку.

В ходе досрочных выборов 2006 г. в Канаде победу одержали консерваторы во главе со Стивеном Харпером. Данное событие предопределило дальнейший вектор развития отношений между Россией и Канадой. Несмотря на то что торговые отношения между странами оставались актуальными, программы по совместному освоению Арктики и помощи коренному населению стали постепенно сворачиваться. При новом правительстве канадская сторона стала претендовать на доминирующую роль в регионе и рассматривала остальные страны в качестве конкурентов.

Новый премьер-министр стремился сплотить канадцев как северную нацию, которой исторически принадлежат права на арктические территории. В связи с этим риторика С. Харпера разительно отличалась от миротворческих высказываний его предшественника. В 2007 г. в Британской Колумбии прозвучала официальная

⁹ Inari Declaration. 2002. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/88> (дата обращения 10.05.2022).

¹⁰ Reykjavik Declaration. 2004. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/89> (дата обращения 10.05.2022).

речь, в ходе которой были заявлены устремления на приобретение новых кораблей, развитие военной инфраструктуры и увеличение количества войск в регионе.

Изначально правительство С. Харпера было настроено весьма настороженно по отношению к действиям США в Арктике, учитывая возросшую активность последних в водах Северо-Западного прохода. Канада рассматривала данный судоходный маршрут как часть своих внутренних вод. Однако водружение флага Российской Федерации на дне Северного Ледовитого океана в 2007 г. привело к сближению позиций Канады и США. Изменилась и риторика российского правительства. В том же году В. Путин выступил со знаменитой Мюнхенской речью. Стало очевидным, что новое руководство России готово отстаивать территории, которые оно рассматривает как часть российской Арктики.

В новых условиях деятельность Арктического совета рассматривалась как некое ущемление канадского суверенитета в Арктике. Глобальные изменения климата и активность США и России в регионе дали консервативному правительству возможность проведения более ограниченной политики в рамках Арктического совета. Данная организация, созданная при существенной инициативе и поддержке Канады, стала терять свою значимость в вопросах регулирования тех или иных вопросов Арктики. В 2006 г. была упразднена должность приполярного посла Канады, в функции которого входило взаимодействие с Арктическим советом и рабочими группами, занимающимися проблемами Севера.

Стоит отметить, что, несмотря на определенное охлаждение в отношениях между Россией и Канадой, стороны продолжали поддерживать диалог по арктическим вопросам и участвовали в подписании некоторых совместных деклараций, в том числе Салехардской декларации¹¹ и декларации Арктического совета, посвященной проблемам Северного Ледовитого океана¹², в 2008 г.

Заключение

В период с начала 1990-х гг. и вплоть до второй половины 2000-х между Канадой и Российской Федерацией формировалось устойчивое взаимодействие по вопросам Арктики. Был заключен

¹¹ Salekhard Declaration. 2006. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/handle/11374/90> (дата обращения 13.05.2022).

¹² The Ilulissat Declaration. 2008. URL: <https://arcticportal.org/images/stories/pdf/Ilulissat-declaration.pdf> (дата обращения 13.05.2022).

целый ряд как двусторонних, так и многосторонних международных документов, регулирующих совместную деятельность двух крупнейших северных государств. Арктический совет приобрел статус весомой международной организации, в рамках которой появилась возможность отвечать на серьезные вызовы XXI в.

Однако после 2006 г. наметилась тенденция к снижению контактов между двумя государствами по вопросам совместного освоения арктических территорий. Политика нового консервативного правительства являлась односторонней и неизбежно вступала в противоречие с естественным стремлением России к обеспечению своего суверенитета в Арктике.

Анализируя сотрудничество двух стран по вопросам освоения арктического региона, можно выделить два этапа. Первый этап длился на протяжении 1989–2006 гг. Начался он с реформ, прошедших во времена М. Горбачева и официального визита Б. Малруни в СССР. Несмотря на дальнейшую смену политического ландшафта государств, на данном этапе сотрудничество продолжало активно развиваться. Второй этап начался с приходом к власти консервативного премьер-министра С. Харпера в 2006 г. и ознаменовался снижением уровня взаимодействия с Российской Федерацией. Окончанием данного этапа можно рассматривать 2014 г., после которого отношения между двумя странами ухудшились в большей степени в связи с введением экономических санкций.

Анализируя межправительственные соглашения, а также ключевые тенденции в сотрудничестве двух стран, данная работа выступает в качестве резюмирующего исследования в сфере российско-канадских отношений в Арктике.

Литература

- Володин 2015 – *Володин Д.А.* Участие Канады в милитаризации Арктики // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 6. С. 47–53.
- Коньшев, Сергунин 2012 – *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Канадская стратегия в Арктике и Россия: возможно ли понимание? // Арктика и Север. 2012. № 8. С. 4–26.
- Кузьмина 2017 – *Кузьмина Т.Р.* Новый министр иностранных дел Канады: новый курс? // Канадский ежегодник. 2017. № 21. С. 170–199.
- Кузьмина 2019 – *Кузьмина Т.Р.* Эволюция взглядов канадских политических элит на арктический вопрос // Россия и Канада: арктические гиганты. СПб.: СКИФИЯ-принт, 2019. С. 120–135.
- Burke 2019 – *Burke D.* Diplomacy and the Arctic Council. Montreal (Quebec); Kingston (Ontario): McGill-Queen's University Press, 2019. 208 p.

- Byers 2010 – *Byers M.* Who owns the Arctic? Understanding sovereignty disputes in the North. Vancouver: Douglas & McIntyre, 2010. 179 p.
- Lackenbauer 2010 – *Lackenbauer W.* Mirror images? Canada, Russia, and the circumpolar world // *International Journal*. 2010. No. 4. P. 879–897.

References

- Burke, D. (2019), *Diplomacy and the Arctic Council*, McGill-Queen's University Press, Montreal, Kingston, Canada.
- Byers, M. (2010), *Who owns the Arctic? Understanding sovereignty disputes in the North*, Douglas & McIntyre, Vancouver, Canada.
- Kuz'mina, T.R. (2017), "The new Canadian minister for foreign relations: A new course?", *Kanadskii ezhegodnik*, no. 21, pp. 170–199.
- Kuz'mina, T.R. (2019), "Evolution of Canadian political elites' position toward the Arctic issue", in *Rossiya i Kanada: arkticheskie giganty* [Russia and Canada: the Arctic Giants], SKIFIA-Print, Saint Petersburg, Russia.
- Konyshchev, V.N. and Sergunin, A.A. (2012), "The strategy of Canada in the Arctic and Russia: is it possible to find mutual understanding?", *Arktika i Sever*, no. 8, pp. 4–26.
- Lackenbauer, W. (2010), "Mirror images? Canada, Russia, and the circumpolar world", *International Journal*, no. 4, pp. 879–897.
- Volodin, D.A. (2015), "Canada and militarization of the Arctic", *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'turaa*, no. 6, pp. 47–53.

Информация об авторе

Василий И. Касенков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kasenkov_basil@mail.ru

Information about the author

Vasilii I. Kasenkov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kasenkov_basil@mail.ru

Политическое и экономическое измерения китайско-европейских отношений на современном этапе: основные тенденции и перспективы

Анна И. Лупальцова
*Московский государственный институт
международных отношений, Москва, Россия,
a.i.lupaltsova@my.mgimo.ru*

Аннотация. Отношения между КНР и ЕС, являющиеся одним из определяющих треков дальнейшего развития международного порядка, в последние несколько лет характеризуются заметным нарастанием напряженности. Наряду с активным торгово-экономическим развитием в политической плоскости взаимодействия наблюдаются конфронтационные тенденции. Помимо этого, влияние на взаимоотношения оказывают третьи стороны. В рамках статьи делается попытка определить текущее состояние китайско-европейских отношений и на его основе составить прогноз дальнейшего их развития, для чего используются методы ретроспективного и сравнительного анализа для системного сопоставления и оценки отношений в их развитии, а также выявления характеризующих их паттернов. В качестве вспомогательного механизма применяется дискурс-анализ высказываний европейских и китайских политических деятелей. Автор выделяет такие тенденции, как деградация отношений – в первую очередь в политической плоскости, усиление экономической взаимозависимости, внимание развитию двусторонних связей со странами–членами ЕС, а не с наднациональными органами интеграционного объединения. Кроме того, выдвигается предположение, что влияние различных структурных факторов приводит к значительному усилению соперничества между Китаем и Европейским союзом. В заключение автор приходит к выводу, что дальнейшее развитие китайско-европейских отношений будет детерминироваться в большей степени их взаимоотношениями с третьими сторонами, а текущие тенденции продолжают развиваться, усиливая деградацию политического взаимодействия между Пекином и Брюсселем.

Ключевые слова: КНР, ЕС, китайско-европейские отношения, соперничество, США, Россия

Для цитирования: Лупальцова А.И. Политическое и экономическое измерения китайско-европейских отношений на современном этапе: основные тенденции и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 73–87. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-73-87

Political and economic dimensions of the Sino-European relations at the present stage: The main trends and prospects

Anna I. Lupaltsova

*Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia,
a.i.lupaltsova@my.mgimo.ru*

Abstract. The relations between China and the EU are one of the defining tracks for the further development of the international order. In the last few years, they are characterized by an increasing tension, since there are confrontational trends in the political interaction, along with the robust trade and economic development. In addition, the third parties have a decisive influence on the China-EU relations. The article attempts to determine the current state of the Sino-European relations, as well as to consequently make a forecast of their further development. The methods of the retrospective and comparative analysis are used to systematically compare and evaluate the Sino-European relations in their development, and also to identify the patterns characterizing them. A discourse analysis of the statements of the European and Chinese political figures is used as an auxiliary mechanism. The author highlights such tendencies as the degradation of the relations, primarily in the political sphere, the strengthening of economic interdependence, the development of the bilateral relations with the EU member states, rather than with the supranational bodies of the integration association. In addition, it is suggested that the influence of the various structural factors leads to a significant increase in the rivalry between China and the European Union. The author concludes that the Sino-European relations will be determined to a greater extent by their relationship with the third parties, and the current trends will continue to develop, increasing the degradation of the political interaction between Beijing and Brussels.

Keywords: PRC, EU, Sino-European relations, rivalry, USA, Russia

For citation: Lupaltsova, A.I. (2024), "Political and economic dimensions of the Sino-European relations at the present stage: The main trends and prospects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 73–87, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-73-87

Введение

Китайско-европейские отношения, несомненно, являются одним из основных элементов становления нового международного порядка. Их развитие можно охарактеризовать как динамичное и противоречивое, так как от партнерства и диалога стороны постепенно переходят ко все более конфронтационному взаимодействию.

Последние события в рамках китайско-европейских отношений существенно усиливают интерес исследователей к изучению данной тематики. При этом большая часть существующей литературы сосредоточена либо на китайском векторе европейской политики, либо посвящена отдельным областям взаимоотношений [Maher 2016; Godement, Vasselier 2017; Fardella, Prodi 2017]. Анализ европейского направления внешней политики КНР, а также комплексное рассмотрение китайско-европейского взаимодействия по большей части не являются предметами исследования, хотя нельзя не отметить работы ряда авторов [Виноградов, Лущик 2017; Зайцев, Кашин 2021; Feng 2019]. Таким образом, новизна представленной работы определяется актуальностью данных направлений, ввиду, во-первых, усилившейся роли Китая в международных делах и, во-вторых, усложняющегося характера отношений между КНР и ЕС. Кроме того, отдельного внимания заслуживает изучение влияния других стран на взаимоотношения Пекина и Брюсселя.

Учитывая вышеперечисленное, целью настоящей работы является выявление текущих тенденций и перспектив отношений КНР–ЕС с упором на анализ китайской внешней политики, а также влияния различных структурных факторов, в первую очередь таких, как деятельность США и РФ.

Характеристика и основные тенденции современного этапа китайско-европейских отношений

Говоря о китайско-европейских отношениях, в первую очередь стоит отметить, что они прошли путь от активного развития до текущей деградации. В основном это связано с ростом Китая и активизацией его деятельности в международных отношениях: если в начале 2000-х гг. взаимодействие КНР–ЕС можно охарактеризовать как слегка патерналистические (Европейский союз и Китай ставят

себя на место старшего и младшего партнеров¹), то уже к 2019 г. для Брюсселя Пекин приобретает статус системного соперника². Усиление деградации – ключевой тренд китайско-европейских отношений на текущем этапе, инициатором которой выступает преимущественно европейская сторона, но и КНР, несмотря на традиционно более мягкую позицию, все чаще прибегает к различным стратегиям давления. Наиболее четко данную тенденцию можно проследить в политической плоскости: показательным примером являются как высказывания обеих сторон³, так и расхождение позиций по принципиальным вопросам (например, по российской СВО)⁴. Более того, паттерном становится практика применения санкций: впервые стороны прибегли к ней после отказа Европарламента ратифицировать всеобъемлющее инвестиционное соглашение (китайские меры носили сугубо ответный характер)⁵, обсуждалось введение нового пакета санкций против китайских компаний⁶

¹ Building a comprehensive partnership with China // Commission of the European Communities. Communication from the commission. 1998. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:1998:0181:FIN:EN:PDF> (дата обращения 15.05.2023).

² EU-China – A strategic outlook // European Commission Contribution to the European Council. 2019. p. 1. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (дата обращения 15.05.2023).

³ См., например: Speech by president von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre // European Commission official website. 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063 (дата обращения 15.05.2023); МИД КНР пригрозил ЕС контрмерами за возможные санкции против семи компаний Китая из-за РФ // ТАСС. 2023. 8 мая. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17699653> (дата обращения 15.05.2023).

⁴ EU Solidarity with Ukraine // European Commission official website. URL: https://eu-solidarity-ukraine.ec.europa.eu/index_en (дата обращения 15.05.2023); Китай опубликовал предложения по урегулированию кризиса на Украине // ТАСС. 2023. 24 февр. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17131241> (дата обращения 15.05.2023).

⁵ MEPs refuse any agreement with China whilst sanctions are in place // European Parliament. 2021. 20 May. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210517IPR04123/meps-refuse-any-agreement-with-china-while-sanctions-are-in-place> (дата обращения 15.05.2023).

⁶ Brussels plans sanctions on Chinese companies aiding Russia's war machine // FT. 2023. URL: <https://www.ft.com/content/dc757bea-d7eb-487b-b5d1-1d4360cfb9d5> (дата обращения 15.05.2023).

(Пекин также отметил возможность применения ответных мер⁷).

Важно отметить, что подобная тенденция тесно связана с другим трендом – на характер китайско-европейских отношений влияют действия третьих сторон, в особенности США. Проследим его развитие во временном разрезе. Первые, косвенные признаки взаимозависимости внутри данного треугольника стали заметны еще в 2003 г.: параллельно с установлением всеобъемлющего стратегического партнерства между КНР и ЕС⁸ наметились разногласия между европейскими странами по вопросу американского вторжения в Ирак – против выступали Германия и Франция [Талайко 2005] (лидеры которых стремились развивать отношения с Китаем). В период 2006–2008 гг. ситуация кардинально поменялась: смена политического руководства вышеуказанных стран, имевшего противоположные своим предшественникам взгляды, привела к тому, что отношения между европейскими странами и Китаем резко ухудшились. Это было связано как с визитом Далай-ламы в Европу [Виноградов, Лущик 2017, с. 361], так и с растущим недовольством по поводу соблюдения прав человека в КНР [Боков 2009]), в результате чего в 2007 г. по инициативе китайской стороны был отменен ежегодный саммит КНР–ЕС [Wang 2008]. Окончательное оформление данного паттерна получил к 2017 г., когда на китайско-европейские отношения начали влиять не только динамика американско-европейских, но и китайско-американских связей. Сейчас можно наблюдать следующую картину: со сменой лидерства в США и налаживанием взаимодействия с европейскими государствами пришла и деградация диалога между Брюсселем и Пекином. Нынешний этап китайско-европейских отношений однозначно можно охарактеризовать как соперничество и конкуренцию, в рамках которой ЕС полагается на Вашингтон.

В настоящий момент влияние на взаимоотношения КНР и ЕС также оказывает деятельность РФ. Именно позиция Китая по российской СВО является определяющим фактором развития отношений между двумя сторонами. Китайская нейтральная позиция в отношении действий России в данной ситуации является триггером для Евросоюза, вплоть до того, что китайско-российским связям пытаются приписать совершенно иной характер, чем есть

⁷ МИД КНР пригрозил ЕС контрмерами за возможные санкции против семи компаний Китая из-за РФ // ТАСС. 2023. 8 мая. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17699653> (дата обращения 15.05.2023).

⁸ China's EU policy paper // People's Daily. 2003. URL: http://en.people.cn/200310/13/eng20031013_125906.shtml (дата обращения 15.05.2023).

в действительности. Ввиду этого можно утверждать, что китайско-европейские отношения подвергаются воздействию структурных факторов, главным из которых является влияние третьих сторон, которое вписывается в общемировой тренд по усилению конфронтации между западными и незападными государствами.

Помимо вышеперечисленного, на ухудшение взаимоотношений между Пекином и Брюсселем влияет как ряд традиционных «камней преткновения», например вопрос о соблюдении прав человека или тайваньский вопрос, так и совершенно новых проблем, среди которых особенно выделяются последствия пандемии новой коронавирусной инфекции. Указанный ранее тренд на деградацию китайско-европейских отношений в особенности усилился именно в непростой период 2020–2021 гг., когда на фоне распространения COVID-19 в сторону Пекина неоднократно звучали обвинения в дезинформации и попытке оказывать влияние на правительства государств ЕС различных уровней с целью улучшения образа КНР⁹ в глазах европейского общества, мнение которого в отношении Китая ухудшилось [Turcsányi 2021]. На подобные высказывания, к слову, КНР реагировала достаточно жестко, что также не способствовало нормализации взаимоотношений. Более того, на фоне проводимой РФ на востоке Украины СВО значительно выросла озабоченность европейских стран относительно разрешения тайваньского вопроса. При этом по большей части Европейский союз ограничивается официальными заявлениями предупреждающе-умиротворяющего характера¹⁰, параллельно развивая взаимоотношения с Тайбэем в основном в тех рамках, которые дозволяемы Пекином, но иногда и выходя за их пределы¹¹.

Напряженность в отношениях побуждает КНР к корректировке своего европейского курса внешней политики, хотя тенденция к необходимости таких изменений наметилась достаточно давно. Однако в нынешних условиях единственным выходом для Китая остается упор на развитие двусторонних взаимоотношений с заинтересованными в сотрудничестве государствами ЕС, которых

⁹ Coronavirus: EU strengthens action to tackle disinformation // European Commission. 2020. 10 June. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1006 (дата обращения 16.05.2023).

¹⁰ См., например: European Parliament resolution of 15 September 2022 on the situation in the Strait of Taiwan // European Parliament. 2022. 15 Sept. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0331_EN.html (дата обращения 15.05.2023).

¹¹ Tracking EU visits to Taiwan // ChinaObservers. 2022. URL: <https://chinaobservers.eu/tracking-eu-visits-to-taiwan/> (дата обращения 15.05.2023).

немного (в основном представленные частью государств Южной, Центральной и Восточной Европы, а также основными торгово-экономическими партнерами Китая). Важно отметить, что попытка наладить с европейскими странами стабильный политический диалог не увенчалась успехом, хотя Пекин продолжает открыто проявлять готовность к сотрудничеству¹². Особую роль играет разница восприятия отношений и принципов, на основе которых эти взаимоотношения должны быть построены: те нормы и ценности, которые считает уместным продвигать Брюссель, совершенно по-другому воспринимаются Китаем. Этим же фактором объясняется и ограниченный круг европейских государств, готовых сотрудничать с китайскими партнерами по широкому кругу вопросов: в угоду в первую очередь экономическим выгодам поступиться общеевропейскими политическими (и не только) ценностями готово крайне малое количество стран. Тем не менее ЕС для КНР – важная сторона ее конфронтационных отношений с США, поэтому Пекин продолжает свою относительно «мягкую линию».

Большой интерес для обеих сторон представляет экономическое сотрудничество: так, в 2022 г. товарооборот практически достиг отметки в 1 трлн долларов¹³. Серьезной проблемой является дефицит торгового баланса, однако главным камнем преткновения представляется асимметрия возможностей у европейских и китайских компаний: рынок ЕС открыт для китайских инвесторов, в то время как Китай жестко контролирует потоки иностранных инвестиций и запрещает инвестировать в ряд жизненно важных областей [Godement, Vasselier 2017]. При этом в преддверии заключения Всеобъемлющего инвестиционного соглашения Пекин был готов пойти на уступки¹⁴. Тем не менее ЕС продолжил предпри-

¹² Xi Jinping meets with president of the European Commission Ursula von der Leyen // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 04.06.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202304/t20230409_11056443.html (дата обращения 15.05.2023); Xi Jinping holds an informal meeting with French president Emmanuel Macron in Guangzhou // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 04.07.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202304/t20230409_11056456.html (дата обращения 15.05.2023).

¹³ China-EU – international trade in goods statistics // Eurostat. 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (дата обращения 15.05.2023).

¹⁴ EU and China reach agreement in principle on investment // European Commission. 2020. 30 Dec. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_2541 (дата обращения 15.05.2023).

нимать различные усилия по ограничению деятельности китайских инвесторов на европейском рынке¹⁵. Ввиду этого можно говорить об активной политизации экономического сотрудничества. Однако оно по-прежнему остается столпом китайско-европейских отношений, что подчеркивается не только растущими объемами торговли, но и заинтересованностью бизнеса – в ходе последних визитов европейских лидеров сопровождали представители ряда крупных компаний¹⁶. На фоне нынешней деградации политического взаимодействия рост торгово-экономических контактов является приоритетом для Китая, который старается не допустить выступления ЕС на стороне США в китайско-американской конфронтации.

Резюмируя все вышеперечисленные тенденции, можно говорить о том, что китайско-европейские отношения в политической плоскости деградируют, подвергаясь воздействию внешних структурных факторов и отвечая тренду на раскол по линии «коллективный Запад – незападные государства». При этом обе стороны делают упор на развитие экономических взаимоотношений, в то время как КНР, осознавая определенную бесперспективность попыток наладить диалог с наднациональной верхушкой ЕС, сфокусирована на развитии отношений с отдельными государствами Европейского союза, проявляющими готовность к сотрудничеству в тех или иных областях.

Перспективы развития китайско-европейских отношений

Несмотря на все попытки, предпринимаемые для поддержания высокого уровня взаимоотношений, перспективы их развития осложнены рядом вышеперечисленных факторов. Ввиду этого в ближайшие 5–10 лет будет наблюдаться дальнейшее усиление соперничества, исходя из чего наиболее реалистичным представляется следующий сценарий.

Политический диалог, вероятнее всего, будет сведен к минимуму. Стороны не могут игнорировать накопившиеся за 20 лет взаимодействия противоречия. В особенности остро на данную

¹⁵ EU foreign investment screening mechanism becomes fully operational // European Commission. 2020. 9 Oct. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1867 (дата обращения 15.05.2023).

¹⁶ Macron's China visit embodies the value of strategic autonomy: Global Times editorial // Global Times. 2023. 6 Apr. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1288592.shtml> (дата обращения 15.05.2023).

ситуацию реагируют представители ЕС, критикующие Китай как за его внутреннюю, так и за внешнюю политику: ярким примером является недавнее выступление Урсулы фон дер Ляйен¹⁷. Пекин, несмотря на общее ужесточение его дипломатической риторики (достаточно упомянуть дипломатию волков-воинов), на европейскую критику реагирует сдержанно, мягко напоминая ЕС о том, что хотел бы видеть его более конструктивным и независимым от США¹⁸. Жестким языком китайская сторона отвечает только в случае попыток навязывания ей определенного поведения в рамках чувствительных вопросов внутренней политики или в случае реальных действий – например, санкций. Учитывая контекст, политический диалог будет поддерживаться на минимально возможном уровне, ограничиваясь декларативными договоренностями.

При этом КНР продолжит делать упор на двусторонние отношения со странами–членами ЕС. В особенности для Китая важна Венгрия, правительство которой действует максимально автономно в вопросах своей внешней политики (и готово поступиться общеевропейскими ценностями), являющаяся главным бенефициаром китайских инвестиций¹⁹. Не случайно в ходе своего европейского турне заведующий Канцелярией Комиссии ЦК КПК по иностранным делам посетил Венгрию наряду с ведущими европейскими государствами²⁰. Интерес к взаимодействию у Пекина есть и с Францией, и с Германией, так как эти страны являются неформальными лидерами ЕС, однако на практике сотрудничество возможно лишь по отдельным вопросам, в основном экономического характера. Заинтересованность в китайских инве-

¹⁷ Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre // European Commission official website. 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063 (дата обращения 15.05.2023).

¹⁸ 中法欧三方会晤 [Трехсторонняя встреча между КНР, Францией и ЕС] // CCTV Weibo official account. 2023. URL: https://weibo.com/2656274875/MAKV1hAvA?refer_flag=1001030103_ (дата обращения 15.05.2023).

¹⁹ 2020年度中国首次成为匈牙利最大外资来源国 [В 2020 г. Китай впервые стал крупнейшим источником иностранных инвестиций Венгрии] // 中华人民共和国商务部 [Министерство торговли Китайской Народной Республики]. 2021. URL: <http://hu.mofcom.gov.cn/article/tzzn/202104/20210403056683.shtml> (дата обращения 15.05.2023).

²⁰ Лавров и Ван И обсудят мирный план Китая по Украине и защиту интересов России и КНР // ТАСС. 2023. 22 февр. URL: <https://tass.ru/politika/17112463> (дата обращения 15.05.2023).

стициях проявляет Польша, а также Греция и другие страны Южной Европы. Однако активная политизация различных областей сотрудничества затрудняет развитие в том числе и двусторонних отношений. Поэтому основой китайско-европейского взаимодействия по-прежнему будет торговля.

Торгово-экономическая взаимозависимость, судя по темпам роста взаимной торговли, будет только усиливаться (хотя нельзя не учесть взятый европейской стороной курс на так называемый *de-risking*²¹). При этом увеличивается дефицит торгового баланса: китайский экспорт в ЕС растет гораздо быстрее, чем европейский в Китай. Так, в период с 2018 по 2022 г. экспорт КНР в страны Европейского союза вырос практически на 300 млрд евро (в 6 раз больше, чем экспорт ЕС)²², что можно объяснить тем, что приостановление китайских производств из-за пандемии COVID-19 привело к усилению спроса со стороны других государств (и страны-члены ЕС не являются исключением) к изготавливаемым в Китае товарам. Такая ситуация, с одной стороны, невыгодна Европейскому союзу, но, с другой – полностью устраивает КНР. При этом европейская сторона не предпринимает активных шагов по ее ликвидации: Брюссель не присоединился к торговой войне Вашингтона против Пекина и, более того, на данный момент не планирует ограничивать товарный поток из Китая, контролируя и затрудняя деятельность лишь китайским инвесторам. КНР же будет прилагать максимально возможные усилия для того, чтобы экономическая взаимозависимость, как минимум, поддерживалась на достаточно высоком уровне и, как максимум, усиливалась, так как, во-первых, это позволит ей и дальше сдерживать скептически и даже конфронтационно настроенные европейские государства (стоит отметить, что такая стратегия работает не совсем эффективно); во-вторых, учитывая тот факт, что ЕС – крупнейший торговый партнер Китая, развитие торгово-экономических взаимоотношений способствует поддержанию роста китайской экономики.

Наконец, события последних лет – деградация отношений на фоне укрепления американско-европейского союза, а также позитивной динамики в российско-китайском партнерстве – доказывают,

²¹ Statement by president von der Leyen at the joint press conference with president Michel following the EU–China Summit // European Commission. 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_23_6409 (дата обращения 15.05.2023).

²² China-EU – international trade in goods statistics // Eurostat. 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (дата обращения 15.05.2023).

что политика США и России будет оказывать влияние на развитие китайско-европейского взаимодействия. К тому же, вероятнее всего, данное влияние будет иметь негативный характер: для Соединенных Штатов КНР – вызов, которому они призывают противостоять европейские государства (впрочем, такие попытки относительно безуспешны)²³, и, независимо от результатов грядущих американских выборов, Вашингтон так или иначе будет в определенной степени давить на ЕС, побуждая последний к более активному сдерживанию КНР. Что же касается сотрудничества Китая с Россией, оно также вызывает у ЕС множество опасений, в особенности учитывая тот факт, что позиция КНР по российской СВО – нейтральная, что в корне расходится с мнением европейской стороны.

Очевидно, что инициатором раскола в отношениях выступает Брюссель, с одной стороны, реагирующий на усиление позиций Пекина на международной арене, а с другой – так или иначе действующий в фарватере американской внешней политики. Пекин, в свою очередь, использует все возможные инструменты для недопущения дальнейшей деградации отношений, но и не позволяет вмешиваться в свою внешнеполитическую деятельность и отстаивает свои позиции по тем или иным вопросам. Резюмируя, можно говорить о том, что в китайско-европейских отношениях сложилась и продолжает развиваться ситуация, как выразился Жозеп Боррель, «диалога глухих»²⁴, то есть не только несовпадения позиций по принципиальным вопросам, но и отсутствия желания к поиску компромиссов.

Составляя более конкретный прогноз, можно говорить о том, что отношения между КНР и ЕС будут складываться по принципу минимизации политического взаимодействия и развития торгово-экономического сотрудничества, а динамику будет определять в большей степени деятельность внешних игроков. Одновременно с этим будет происходить приоритизация двустороннего взаимодействия с отдельными странами-членами ЕС по вопросам, представ-

²³ US asks Europe to consider export controls on China // Bloomberg. 2022. 31 Oct. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2022-10-31/us-asks-europe-to-consider-export-controls-on-china> (дата обращения 15.05.2023).

²⁴ EU–China Summit: Speech by high representative / vice-president Josep Borrell at the EP plenary // European Union External action. 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-china-summit-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-ep-plenary_en (дата обращения 15.05.2023).

ляющим взаимный интерес, преимущественно экономического характера.

Конечно, нельзя отрицать существования и целого ряда других факторов, изменение ситуации вокруг которых может существенно повлиять на вышеизложенный прогноз, причем в первую очередь в худшую сторону. Например, особенное значение приобретает решение тайваньского вопроса, так как в последние годы наблюдается тренд на усиление взаимодействия Брюсселя и Тайбэя. Как отмечают европейские эксперты, подобная тенденция вызвана не только текущей открытой конфликтностью в отношениях между РФ и Украиной (именно с данной ситуацией часто сравнивают тайваньскую проблему), но и с усилением внимания европейских чиновников и к индо-тихоокеанскому региону, и к Тайваню, как одному из «демократических» его представителей [Le Corre 2024]. При этом в случае обострения ситуации в Тайваньском проливе нельзя однозначно говорить о том, что китайско-европейские отношения перерастут в откровенную вражду (все-таки тайваньский вопрос для европейской стороны не так критически важен, как для США), хотя, несомненно, стоит ожидать негативной реакции со стороны ЕС и, соответственно, дальнейшей деградации взаимоотношений, сопровождаемой возможностью наложения ограничений и санкций.

Заключение

В рамках представленного исследования были проанализированы текущие тенденции и перспективы развития китайско-европейских отношений. Автором выделено несколько главных трендов, а именно: деградация политического диалога, упор на развитие двустороннего взаимодействия со странами-членами ЕС, активное влияние внешних факторов, среди которых выделяется влияние политики США и РФ, тайваньский вопрос и пандемия новой коронавирусной инфекции, а также активное развитие торгово-экономических связей. Отмечается, что в перспективе ожидается дальнейшее развитие данных тенденций, что, в свою очередь, определяет общий трек китайско-европейских отношений. В целом можно говорить о том, что негативные тенденции будут преобладать ввиду, во-первых, влияния, оказываемого политиками США и РФ на международной арене, и, во-вторых, нежелания достигать компромиссов, что в первую очередь определяет европейский подход, нежели китайский.

Литература

- Боков 2009 – Боков М. ЕС–Китай: незрелое стратегическое партнерство // Вся Европа. 2009. № 5. URL: <http://alleuropa.ru/?p=2566> (дата обращения 15.05.2023).
- Виноградов, Лущик 2017 – Виноградов А.О., Лущик М.О. К истории формирования отношений КНР–ЕС // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. 2017. Т. 22. № 22. С. 352–358.
- Зайцев, Кашин 2021 – Зайцев А., Кашин В. Китайский успех в борьбе за Европу // Россия в глобальной политике. 2021. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kitajskij-uspeh-v-borbe-za-evropu/> (дата обращения 05.05.2023).
- Талайко 2005 – Талайко Т. Война в Ираке и трансатлантические отношения // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 2. URL: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2005-2/2005-2-talayko> (дата обращения 11.05.2023).
- Fardella, Prodi 2017 – Fardella E., Prodi G. The “Belt and Road” initiative impact on Europe: An Italian perspective // China & World Economy. 2017. Vol. 25. No. 5. P. 125–138.
- Godement, Vasselier 2017 – Godement F., Vasselier A. China at the gates: a new power audit of EU-China relations // The European Council on Foreign Relations. 2017. URL: https://ecfr.eu/publication/china_eu_power_audit7242/ (дата обращения 14.05.2023).
- Le Corre 2024 – Le Corre P. The “rebirth” of Europe–Taiwan relations: Explaining Europe’s new balance between Beijing and Taipei // ASPI. 2024. 10 Jan. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/rebirth-europe-taiwan-relations-explaining-europes-new-balance-between-beijing-and-taipei> (дата обращения 08.05.2023).
- Maier 2016 – Maier R. The elusive EU – China strategic partnership // International Affairs. 2016. Vol. 92. No. 4. P. 959–976.
- Turcsányi 2021 – Turcsányi R.Q., Gledić J., Rühlig T., Bērziņa-Čerenkova U.-A. European public united on China: selective cooperation in spite of negative perceptions // CIERN Policy Brief. 2021. No. 1. URL: <https://china-in-europe.net/wp-content/uploads/2021/02/CHERN-Policy-Brief-European-public-united-on-China.pdf> (дата обращения 07.05.2023).
- Feng 2019 – 冯仲平 [Фэн Чжунпин]. 改革开放40年的中欧关系 [40 лет политике реформ и открытости в отношениях КНР и ЕС] // 中国现代国际关系研究院, 《国际论坛》. 2019年. 第3期 [Международный форум. 2019. № 3]. URL: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/opinion.html?id=392432cb-e47f-4801-9cfc-42ba6988e437> (дата обращения 16.05.2023).
- Wang 2008 – 王雅平 [Ван Янпин]. 中欧关系波折 [Перипетии отношений КНР–ЕС] // 《卡内基中国透视》 [Карнеги: китайская перспектива]. 2008. URL: <https://carnegieendowment.org/2008/12/01/zh-pub-47468> (дата обращения 12.05.2023).

References

- Bokov, M. (2009), "EU – China: immature strategic partnership", *Vsya Evropa*, no. 5, URL: available at: <http://alleuropa.ru/?p=2566> (Accessed 15 May 2023).
- Fardella, E. and Prodi, G. (2017), "The 'Belt and Road' initiative impact on Europe: An Italian perspective", *China & World Economy*, vol. 25, no. 5, pp. 125–138.
- Feng, Zhongping (2019), "40 years of reforms and openness in China – EU relations", 中国现代国际关系研究院, 《国际论坛》。 [International forum], no. 3, available at: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/opinion.html?id=392432cb-e47f-4801-9cfc-42ba6988e437> (Accessed 16 May 2023).
- Godement, F. and Vasselier, A. (2017), *China at the Gates a New Power Audit of EU-China relations*, The European Council on Foreign Relations, available at: https://ecfr.eu/publication/china_eu_power_audit7242/ (Accessed 14 May 2023).
- Le Corre, P. (2024), "The 'rebirth' of Europe–Taiwan relations: Explaining Europe's new balance between Beijing and Taipei", *ASPI*, available at: <https://asiasociety.org/policy-institute/rebirth-europe-taiwan-relations-explaining-europes-new-balance-between-beijing-and-taipei> (Accessed 8 May 2023).
- Maher, R. (2016), "The elusive EU – China strategic partnership", *International Affairs*, vol. 92, no. 4, pp. 959–976.
- Talaiko, T. (2005), "War in Iraq and transatlantic relations", *Zhurnal mezhdunarodno prava i mezhdunarodnikh otnosheniy*, no. 2, available at: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2005-2/2005-2-talayko> (Accessed 11 May 2023).
- Turcsányi, R.Q., Gledić, J., Rühlig, T. and Bērziņa-Čerenkova, U.-A. (2021), "European public united on China: selective cooperation in spite of negative perceptions", *CIERN Policy Brief*, no. 1, available at: <https://china-in-europe.net/wp-content/uploads/2021/02/CHERN-Policy-Brief-European-public-united-on-China.pdf> (Accessed 7 May 2023).
- Vinogradov, A.O. and Lushik, M.O. (2017), "To the history of the formation of China-EU relations", *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], vol. 22, no. 22, pp. 352–358.
- Wang, Yaping (2008), "中欧关系波折 [China-EU relations difficulties]", 中国现代国际关系研究院, 《国际论坛》。 [Carnegie: Chinese perspective], available at: <https://carnegieendowment.org/2008/12/01/zh-pub-47468> (Accessed 12 May 2023).
- Zaytsev, A. and Kashin, V. (2021), "China's success in struggle for Europe", *Rossiya v global'noi politike*, no. 3, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kitajskij-uspeh-v-borbe-za-evropu/> (Accessed 5 May 2023).

Информация об авторе

Анна И. Лупальцова, Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия; Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76; a.i.lupaltsova@my.mgimo.ru

Information about the author

Anna I. Lupaltsova, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia; 76, Vernadskogo Av., Moscow, Russia, 119454; a.i.lupaltsova@my.mgimo.ru

Приоритеты развития энергетической политики США в 2012–2023 гг.

Елизавета С. Сидорова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, sidorova.elizaveta@list.ru*

Аннотация. Сланцевая революция начала XXI в. кардинальным образом изменила энергетический облик США, превратив страну в одного из крупнейших экспортеров углеводородов. Столь существенные трансформации не могли не сказаться на том, как Вашингтон позиционирует себя на глобальном рынке энергетики и как подходит к определению своих национальных интересов в данной области. Статья посвящена сопоставлению подходов трех последних администраций к этому вопросу.

Несмотря на то что значительный пласт отечественных и зарубежных исследований сфокусирован на настойчивом стремлении каждого нового политического руководства максимально дистанцироваться от своих предшественников, последовательный анализ документов стратегического планирования, затрагивающих проблемы развития топливно-энергетического комплекса США, а также специфику выстраивания отношений с другими акторами международной энергетической системы, позволяет сделать вывод о том, что в основе соответствующей политики Вашингтона лежит неизменный императив достижения ресурсной самодостаточности, обретения доминирующих позиций на мировом рынке. Данное обстоятельство свидетельствует об эволюционном характере изменений в энергетической доктрине США в 2012–2023 гг. в соответствии с характерной для страны ментальностью глобального лидерства.

Ключевые слова: США, Б. Обама, Д. Трамп, Дж. Байден, энергетическая политика, сланцевая революция, энергетическая независимость, энергетическое доминирование, сжиженный природный газ, возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Сидорова Е.С. Приоритеты развития энергетической политики США в 2012–2023 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 88–99. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-88-99

Priorities for the development of U.S. energy policy in 2012–2023

Elizaveta S. Sidorova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
sidorova.elizaveta@list.ru*

Abstract. The shale revolution of the early 21st century has radically changed the energy image of the United States, turning the country into one of the largest exporters of hydrocarbons. Such significant transformations could not but affect how Washington positions itself in the global energy market and how it defines its national interests in this sphere. The article is dedicated to the juxtaposition between the approaches of the last three administrations to this issue.

Despite the fact that a significant body of domestic and foreign research focuses on the persistent desire of each new political leadership to maximally distance itself from its predecessors, a consistent analysis of the strategic documents on the development of the U.S. fuel and energy complex, as well as on the specifics of building relations with other actors of the international energy system, allows us to make a conclusion that Washington's policy is based on the constant imperative of achieving resource self-sufficiency and gaining a dominant position in the global market. Such a circumstance indicates the evolutionary nature of the changes in the 2012–2023 US energy doctrine, and it occurred in full compliance with the global leadership mentality which is typical for the country.

Keywords: USA, B. Obama, D. Trump, J. Biden, energy policy, shale revolution, energy independence, energy dominance, liquefied natural gas, renewable energy sources

For citation: Sidorova, E.S. (2024), "Priorities for the development of the U.S. energy policy in 2012–2023", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 88–99, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-88-99

Введение

В условиях, когда углеводороды становятся все более политизированным товаром стремительно глобализирующихся рынков, порожденное нефтяным кризисом 1973 г. острое чувство уязвимости перед дефицитом энергоносителей на протяжении более сорока лет выступало в качестве одной из основных мировоззренческих установок, определяющих ключевые направления и приоритеты эко-

номической и политической деятельности США. Захлестнувшая страну в начале XXI в. сланцевая революция не только привела к общемировой трансформации единого энергетического пространства, но и породила эпоху относительного изобилия энергоресурсов в самих Соединенных Штатах, что подтолкнуло правящие элиты к переосмыслению парадигмы, на основе которой выстраивался экономический и политический курс дальнейшего развития.

Обилие публикаций, связанных с данной проблематикой, наглядно демонстрирует попытки анализа научным сообществом столь фундаментальных трансформаций. Ответ на вопрос, насколько в концептуальном отношении менялись приоритеты энергетического курса Вашингтона за последнее десятилетие, поможет сформировать более целостное представление об особенностях энергетической политики трех последних администраций Белого дома, а также заложить основу для возможных прогнозов, что обуславливает теоретическую и практическую значимость данной работы.

Таким образом, цель настоящего исследования – на основе анализа документов стратегического планирования и заявлений официальных представителей соответствующих ведомств охарактеризовать основные подходы США к обеспечению национальных интересов в области энергетики в 2012–2023 гг.

Концепция «энергетической независимости» администрации Б. Обамы

Идея «энергетической независимости» не является новой для американского политического дискурса: ее возникновение было связано с острым чувством уязвимости перед дефицитом энергоносителей после введения членами ОАПЕК нефтяного эмбарго в 1973 г. и во многом являлось выражением изоляционистской позиции роли США на глобальном энергетическом рынке.

Однако американская сланцевая революция конца 2000 – начала 2010-х гг. повлекла за собой парадигмальную трансформацию геополитических установок: энергетические ресурсы перестали рассматриваться в качестве «источника уязвимости ввиду их национального дефицита»; оформлявшаяся ресурсная самодостаточность позволила Вашингтону переосмыслить содержание понятий энергетической безопасности и независимости, задуматься о взятии на себя принципиально новой роли стабилизатора либерального энергетического порядка.

В результате сланцевой революции при президенте Б. Обаме добыча сырой нефти в США увеличилась на 80%, в отношении газа

этот показатель составил 35%¹. Кроме того, были сделаны первые шаги по трансформации существующей СПГ-инфраструктуры в экспортную, хоть активных мер, которые упростили бы получение соответствующих разрешений на экспорт газа, так и не было предпринято. Тем не менее Т. Донилон, советник по национальной безопасности США в 2010–2013 гг., отмечал, что «новая энергетическая политика США дает Вашингтону преимущества при реализации своих целей в сфере международной безопасности»².

О том, что страна может и должна использовать свой изменившийся статус в этой глобальной цепочке, писали американские аналитики Р. Блэквилл и М. О'Салливан, рассматривая вопросы реализации американского сжиженного газа (СПГ) на новых для США региональных газовых рынках. В частности, они отмечали, что такие поставки могут выступать в качестве инструмента экономического давления на Россию в связи с кризисными явлениями на юго-востоке Украины, а также способствовать выстраиванию более тесного сотрудничества с европейскими и азиатскими странами [Blackwill, O'Sullivan 2014, pp. 102–114]. К аналогичным выводам пришли и исследователи из Института мировой экономики Петерсона³.

В целом западные работы того периода, анализирующие энергетический курс администрации Б. Обамы, преимущественно апеллируют к таким понятиям, как «гегемония через взаимозависимость» [Raphael, Stokes 2014, pp. 183–206], «энергоресурсы как инструмент экономического и политического давления», «захват энергетических рынков»⁴. Иными словами, старому термину независимости придается более расширительная трактовка, предпо-

¹ См.: *Clemente J.* President Obama's support for America's shale oil and natural gas // *Forbes*. 2019. December 31. URL: <https://www.forbes.com/sites/judeclemente/2020/12/31/president-obamas-support-for-americas-shale-oil-and-natural-gas/?sh=4cbdd6961883> (дата обращения 15.12.2023).

² См.: *Donilon T.* Energy and American power. Farewell to declinism // *Foreign Affairs*. 2013. June 15. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ru/articles/united-states/2013-06-15/energy-and-american-power> (дата обращения 15.12.2023).

³ См.: *Cimino-Isaacs C., Hufbauer G.C.* US policies toward liquefied natural gas and oil exports: An update. Peterson Institute for International Economics. 2014. July. P. 1.

⁴ См.: *Xuming Q.* The US sustainable energy policy during Obama Administration // IOP Conference series: Earth and environmental science. 2020. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/565/1/012023/pdf> (дата обращения 20.12.2023).

лагающая не только достижение энергетической самодостаточности, но и наличие реального суверенитета в энергетике, который позволит использовать энергоносители в качестве эффективного инструмента по реализации внешнеполитических задач.

О том, что старое понимание рассматриваемого понятия больше не отвечает интересам Вашингтона в новых экономических реалиях, говорится в аналитическом докладе об энергетической безопасности, подготовленном Бюджетным управлением Конгресса США в 2012 г. В документе подчеркивается, что независимость страны от мирового рынка нефти потребует такой степени изоляции, которая не будет являться ни достижимой, ни желаемой для американской экономики в условиях роста взаимосвязи и взаимозависимости в цепочке поставщик–потребитель энергоносителей⁵.

Де-факто отказ от изоляционизма в международных энергетических отношениях был закреплен в Стратегии национальной безопасности 2015 г.⁶: документ констатирует превращение США в глобального лидера по производству газа и нефти, что должно было создать дополнительную преграду для использования энергетики в качестве инструмента давления другими странами. Кроме того, в Стратегии выражается намерение принимать более активное участие в обеспечении энергетической безопасности Европы, а также в механизмах предотвращения конфликтов, связанных с энергетикой, в Азии и Африке.

Важно, однако, отметить, что на практике «энергетическая независимость» в той трактовке, которую ей придала демократическая администрация Б. Обамы, предполагала не столько увеличение темпов добычи углеводородов, сколько стремление к технологическому совершенствованию ТЭК страны. Об этом свидетельствует утвержденный президентом в 2015 г. план «Чистой энергии», призывающий к декарбонизации сектора электрогенерации, а также к принятию стандартов по выбросам метана при добыче углеводородов. То есть развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) оставалось одним из главных императивов энергетического развития страны. Стремясь превратить США в мирового лидера «чистой» энергетики, Б. Обама подписал и рати-

⁵ См.: Energy Security in the United States. Congressional Budget Office. May 2012. P. 46. URL: <https://www.cbo.gov/sites/default/files/112th-congress-2011-2012/reports/05-31-1colenergysecurity.pdf> (дата обращения 18.12.2023).

⁶ См.: National Security Strategy. Washington, February 2015. P. 16. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> (дата обращения 10.12.2023).

фицировал в 2016 г. Парижское соглашение по климату. Однако С.С. Дмитриев, ведущий научный сотрудник Группы экономических исследований США, справедливо отмечает несоответствие между риторикой об американской исключительности, распространившейся на программные заявления Белого дома касательно вопросов развития ТЭК, и отсутствием реального лидерства в энергетике на тот момент [Дмитриев 2014, с. 142–145].

«Энергетическое доминирование» при администрации Д. Трампа

Возникновение понятия энергетического доминирования в американском политическом дискурсе связывают с приходом к власти республиканской администрации Д. Трампа. Президент неоднократно подчеркивал взаимосвязь вопросов энергетики с геополитикой, рассматривая изменения на международной арене через призму игры с нулевой суммой [Stiglitz 2018, p. 520]. Именно его экспансионистский курс в отношении углеводородов привел к закреплению в научной среде представления о США как о жестком игроке на энергетическом поле, склонном к использованию принудительных средств для обеспечения конкурентных преимуществ.

В отличие от «энергетической независимости» Б. Обамы, трактовка понятия «энергетическое доминирование» не допускает принципиальных разночтений и была ясно изложена Р. Перри, на тот момент действующим министром энергетики: «Энергетическое доминирование Америки означает независимость и уверенность в себе, безопасность от геополитических потрясений в тех странах, которые стремятся использовать энергетику в качестве экономического оружия. Энергетическое доминирование означает экспорт <углеводородов> на рынки по всему миру, тем самым увеличивая наше глобальное влияние и укрепляя наши лидерские позиции»⁷.

Объемы проданного страной сжиженного природного газа в 2017–2020 гг. увеличились более чем втрое⁸, был значительно расширен список стран–потребителей американского СПГ: выда-

⁷ См.: DiChristopher T. Trump wants America to be 'energy dominant'. Here's what that means // CNBS. 2017. July 1. URL: <https://www.cnbc.com/2017/06/28/trump-america-energy-dominant-policy.html> (дата обращения 16.12.2023).

⁸ См.: U.S. natural gas exports and re-exports by country // U.S. Energy Information Administration. URL: https://www.eia.gov/dnav/ng/ng_move_expc_s1_a.htm (дата обращения: 17.12.2023).

ны разрешения на экспорт в более двадцати государств, с которыми нет действующих соглашений о свободной торговле. Старший сотрудник Центра стратегических и международных исследований С. Ладислав (S. Ladislav) отмечала, что наступательная политика по расширению рынков сбыта для газа из США привела к формированию атмосферы более высокой глобальной геоэкономической конкуренции в области энергетики [Ladislav 2021, pp. 39–41].

Превращение в энергетического нетто-экспортера впервые за семьдесят лет во многом связано с упрощением процедур в отношении получения разрешений на развитие инфраструктуры (так, например, было в три раза увеличено количество заявок на бурение на государственных землях⁹), а также снятием ряда экологических ограничений (к началу 2021 г. было отменено более ста соответствующих законодательных инициатив, принятых администрацией Б. Обамы, прекращено участие в Парижском соглашении по климату).

Столь прагматический подход Белого дома, по мнению некоторых исследователей, вел к размыванию институциональных основ либерального глобального энергетического порядка посредством его возрастающей фрагментации, подрывая лидерский потенциал США в данной области [Guliyev 2020]. О том, что политика Д. Трампа поставила страну в положение, находящееся за пределами общего тренда глобального энергетического развития последних лет, писал и доцент кафедры американских исследований при РГГУ О.А. Хлопов [Хлопов 2021, с. 38–39], что резонирует с мнением о «фундаментальном изменении облика» энергетической политики США, высказанным профессором Института экономики РАН В.И. Волошиным [Волошин 2018, с. 59].

Несомненно, экстравагантная манера проведения Д. Трампом мероприятий в области энергетики поставила страну в беспрецедентное положение на международной арене, однако она во многом является наследием того вектора развития, который был обозначен предшествующими администрациями. Для этого достаточно ознакомиться со Стратегией национальной безопасности 2017 г. Энергетическое доминирование здесь понимается как центральное положение США в глобальной энергетической системе в качестве ведущего производителя, потребителя и инноватора, которое гарантирует свободу рынков, а также устойчивость и безопасность инфраструктуры страны. В документе подчеркивается важность развития экспортного потенциала в отношении не только углево-

⁹ См.: Trump Administration accomplishments // The Trump White House. 2021. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/trump-administration-accomplishments/> (дата обращения 02.12.2023).

дородов, но и технологий с услугами, использование которых позволит союзникам Вашингтона диверсифицировать поставки энергоносителей, что резонирует с положениями Стратегии Б. Обамы. Особое внимание в документе уделяется внешнеполитическому сотрудничеству с третьими странами. Стратегия также отражает стремление к технологическому совершенствованию ТЭК страны, особенно отрасли ядерной энергетики, при этом констатируется намерение сохранить лидерские позиции в сфере борьбы с выбросами парниковых газов. Данные положения соотносятся с отдельными пунктами предшествующей редакции документа.

Таким образом, несмотря на столь часто отмечаемую разность приоритетов в модернизации отдельных секторов ТЭК, оба периода – и второй президентский срок Б. Обамы, и нахождение у власти Д. Трампа – характеризуются стремлением достигнуть энергетической самодостаточности и лидерских позиций на глобальном рынке энергетики.

Курс «экологической справедливости» Дж. Байдена

Приход к власти демократической администрации Дж. Байдена ознаменовал смену вектора энергетической политики Вашингтона. В ходе избирательной кампании действующий президент США заявил о приоритете борьбы с изменением климата и развития ВИЭ. В частности, Дж. Байден крайне негативно высказывался об использовании технологии гидравлического разрыва пласта, бурения скважин в прибрежных зонах и на федеральных землях¹⁰, а потому вскоре после вступления в должность отменил ряд инициатив своего предшественника (в частности, США вновь присоединились к Парижскому соглашению по климату).

Несмотря на кажущееся очевидным непризнание энергетического наследия предыдущего президента, примечательна общая преемственность тезиса о растущей глобальной конкуренции в области энергетики, а также стремление США занять лидирующее положение, но в этот раз фокус внимания вновь сместился в сторону чистой энергетики. Обратимся к документам стратегического планирования.

¹⁰ См.: *Hayes J.* A Biden-Harris presidency would largely end oil and gas production // The Hill. 2020. August 22. URL: <https://thehill.com/opinion/energy-environment/512601-a-biden-harris-presidency-would-largely-end-oil-and-gas-production> (дата обращения 18.12.2023).

Общие программные положения энергетического курса США были сначала сформулированы в Плане революции чистой энергии и экологической справедливости (Plan for climate change and environmental justice)¹¹, который наравне с целью по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. провозгласил в качестве одного из внешнеполитических приоритетов работу по декарбонизации ключевых игроков мировой политики, которая допускает использование инструментов экономического давления. Таким образом, в документах новой администрации старая климатическая повестка демократов приобретает черты агрессивного экспансионизма, столь характерного для энергетического курса, проводимого Д. Трампом.

Примечательна и Стратегия национальной безопасности 2022 г., которая не только подчеркивает лидерские позиции США в борьбе с изменением климата и роль страны в мобилизации усилий международного сообщества в этой сфере, но и акцентирует внимание на противостоянии с традиционными поставщиками углеводородов (в особенности с Россией)¹². Со ссылкой на геополитические императивы основным приоритетом провозглашается построение «безопасной энергетики, независимой от ископаемого топлива», а также создание условий для осуществления «ускоренного, справедливого и ответственного глобального энергетического перехода». Вашингтон открыто заявляет о готовности координации усилий с другими странами, разделяющими его подход к вопросам экологии, с целью борьбы с государствами, использующими поставки углеводородов в качестве инструмента политического давления.

Однако реальные шаги, предпринимаемые администрацией Дж. Байдена в сфере энергетики, находятся в противоречии с декларируемыми намерениями. Так, например, на фоне энергетического кризиса США неоднократно обращались к странам ОПЕК+ с просьбой увеличить объемы добычи нефти для стабилизации внутреннего рынка. В ходе климатического саммита COP26, проходившего в ноябре 2021 г., президент был вынужден признать невозможность полного отказа от природных ископаемых в системе внутреннего потребления, что явно противоречило намерениям

¹¹ См.: The Biden plan for climate change and environmental justice. URL: <https://joebiden.com/climate-plan/> (дата обращения 18.09.2023).

¹² См.: U.S. National Security Strategy. Washington, October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения 24.12.2023).

в рамках «Нового зеленого курса» (“Green New Deal”)¹³ – резолюции от демократов, вновь выдвинутой несколькими месяцами ранее. Кроме того, было принято решение распечатать стратегические запасы нефти для того, чтобы сдержать рост цен на топливо. Примечательно и то, что Дж. Байден отказался от участия в саммите COP28.

В сложившихся условиях неудивительно, что критике подвергается также недостаточный уровень кодификации экологических инициатив, которые остаются преимущественно основанными на разрозненных исполнительных указах¹⁴, и непоследовательность предпринимаемых в области энергетики шагов. В то время как отдельные мероприятия, проводимые действующим президентом, в определенной степени свидетельствуют о возрождении курса Б. Обамы, попытки столь резкого поворота от углеводородов в сторону ВИЭ воспринимаются американскими экспертами как угроза глобальному влиянию США¹⁵.

Заключение

Сланцевая революция в США привела к фундаментальной перестройке основополагающих концептов энергетической политики страны. Сначала на смену острому чувству уязвимости перед дефицитом энергоносителей пришло понимание, что ресурсная самодостаточность – вполне достижимая цель в условиях стремительного роста добычи нефти и газа, что позволило пересмотреть место и роль страны в международной энергетической системе, отказаться от господствовавших ранее изоляционистских установок.

Однако свойственная для американской политической культуры ментальность глобального лидерства в полной мере распро-

¹³ См.: Resolution recognizing the duty of the Federal Government to create a Green New Deal. 116th Congress, 1st Session. URL: <https://s3.documentcloud.org/documents/5729033/Green-New-Deal-FINAL.pdf> (дата обращения 08.12.2023).

¹⁴ См.: *Czapla E.* The Biden Administration’s energy and climate policies in its first year // American Action Forum. 2022. URL: <https://www.americanactionforum.org/insight/the-biden-administrations-energy-and-climate-policies-in-its-first-year/> (дата обращения 12.12.2023).

¹⁵ См.: *Eberhart D.* Biden energy policies reducing America’s global influence // Forbes. 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/daneberhart/2023/10/28/biden-energy-policies-reducing-americas-global-influence/> (дата обращения 22.12.2023).

странилась на сферу энергетики лишь при республиканской администрации Д. Трампа, когда была сформулирована цель по достижению энергетического доминирования. Так как сланцевая революция сыграла ключевую роль в изменении облика энергетики США, неудивительно, что в центре внимания в тот период оказалась добыча углеводородов.

Императив по превращению в мирового лидера сохранился и при Дж. Байдене, однако его непоследовательные попытки перевести отрасль на «рельсы» чистой энергетики не привели к желаемым результатам, заставив смягчить риторику в отношении климатической повестки.

Таким образом, сланцевая революция выступила в качестве точки бифуркации в развитии энергетической системы США, изменившей вектор геополитических установок на глобальном рынке энергетики. Несмотря на то что три последние администрации отдавали предпочтение развитию разных отраслей ТЭК страны, цель по достижению общемирового лидерства в рассматриваемой сфере прошла путь эволюционного развития от идеи обретения ресурсной самодостаточности до глобального доминирования. Мероприятия, проводимые администрацией Дж. Байдена, со всей очевидностью показывают, что достижение этой задачи наиболее вероятно при сохранении внимания к добыче углеводородов.

Литература

- Волошин 2018 – *Волошин В.И.* Энергетическая политика США и сотрудничество Россия–ЕС в нефтегазовом обеспечении // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 9. С. 58–75.
- Дмитриев 2014 – *Дмитриев С.С.* Энергетическая стратегия Б. Обамы: опора на инновации и технологическое лидерство. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 162 с.
- Хлопов 2021 – *Хлопов О.А.* Итоги энергетической политики администрации Д. Трампа // The Scientific Heritage. 2021. № 61. С. 38–42.
- Blackwill, O'Sullivan 2014 – *Blackwill R., O'Sullivan M.* America's energy edge. The geopolitical consequences of the shale revolution // Foreign Affairs. 2014. No. 2 (93). March – April. P. 102–114.
- Guliyev 2020 – *Guliyev F.* Trump's "America first" energy policy, contingency, and the reconfiguration of the global energy order // Energy policy. 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7118641/pdf/main.pdf> (дата обращения 16.12.2023).
- Ladislav 2021 – *Ladislav S.* Lessons from a strategy of energy dominance // Forum. The geopolitics of energy: out with the old, in with the new? The Oxford Institute for Energy Studies. 2021. Iss. 126. February. P. 39–41.

- Raphael, Stokes 2014 – *Raphael S., Stokes D.* US oil strategy in the Caspian Basin: Hegemony through interdependence // *International Relations*. 2014. No. 2 (28). P. 183–206.
- Stiglitz 2018 – *Stiglitz J.* Trump and globalization // *Journal of Policy Modelling*. 2018. Vol. 40. No. 3. P. 515–528.

References

- Blackwill, R. and O'Sullivan, M. (2014), "America's energy edge. The geopolitical consequences of the shale revolution", *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 2, pp. 102–114.
- Dmitriev, S.S. (2014), *Energeticheskaya strategiya B. Obamy: opora na innovatsii i tekhnologicheskoe liderstvo* [Obama's energy strategy: Relying on innovation and technological leadership], IMEMO RAN, Moscow, Russia.
- Guliyev, F. (2020), "Trump's 'America first' energy policy, contingency, and the reconfiguration of the global energy order", *Energy policy*, available at <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7118641/pdf/main.pdf> (Accessed 16 December 2023).
- Khlopov, O.A. (2021), "The results of the energy policy under the D. Trump Administration", *The Scientific Heritage*, no. 61, pp. 38–42.
- Ladislav, S. (2021), "Lessons from a strategy of energy dominance", *Forum. The geopolitics of energy: out with the old, in with the new? The Oxford Institute for Energy Studies*, iss. 126, February, pp. 39–41.
- Raphael, S. and Stokes, D. (2014), "US oil strategy in the Caspian Basin: Hegemony through Interdependence", *International Relations*, no. 28 (2), pp. 183 – 206.
- Stiglitz, J. (2018), "Trump and globalization", *Journal of Policy Modelling*, vol. 40, no. 3, pp. 515–528.
- Voloshin, V.I. (2018), "US energy policy and Russia – EU cooperation in oil and gas supply", *Russian Foreign Economic Journal*, no. 9, pp. 58–75.

Информация об авторе

Елизавета С. Сидорова, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; sidorova.elizaveta@list.ru

Information about the author

Elizaveta S. Sidorova, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; sidorova.elizaveta@list.ru

Место Грузии на шкале современных внешнеполитических приоритетов США

Гия Г. Голава

*Средняя общеобразовательная школа № 50, Екатеринбург, Россия,
giaforever1@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюцию роли Грузии во внешнеполитической стратегии США в 2012–2022 гг. Статья нацелена на осмысление значимости Грузии во внешней политике США, а также на выявление зон сотрудничества и конфликта, установление характера отношений Грузии и США. Методология исследования построена на основе системного подхода, благодаря которому удалось установить наиболее значимые факторы, оказывающие влияние на двусторонние отношения. Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного анализа логики и динамики грузино-американских отношений 2012–2022 гг., исследовании антизападной риторики современного грузинского правительства, а также в привлечении актуальных групп источников, которые ранее не были использованы в отечественных исследованиях по грузино-американским отношениям (американские отчеты о состоянии демократии в Грузии, полный список законодательных материалов Конгресса США по Грузии, данные по внешней торговле Грузии с 2014 по 2022 г., заявления официальных лиц США с критикой «Грузинской мечты» и др.). Автор приходит к выводу, что правительство Байдена, в отличие от предыдущих администраций, столкнулось с дополнительной проблемой в связи с определением значимости Грузии: с момента окончания президентских полномочий Буша у американской стороны не было четкой стратегической региональной политики, к которой Тбилиси мог бы иметь отношение. Таким образом, предпринятое исследование актуально для формирования внешнеполитической стратегии России в контексте ужесточившейся геополитической конкуренции на Южном Кавказе с целью эффективной защиты собственной национальной безопасности.

Ключевые слова: грузино-американские отношения, «Грузинская мечта», Грузия, стратегическое партнерство, США, USAID

Для цитирования: Голава Г.Г. Место Грузии на шкале современных внешнеполитических приоритетов США // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 100–115. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-100-115

Georgia's place on the scale of modern U.S. foreign policy priorities

Gia G. Golava

*Secondary school no. 50, Ekaterinburg, Russia,
giaforever1@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the evolution of Georgia's role in the US foreign policy strategy in 2012–2022. The article is aimed at understanding the degree of importance of Georgia in the U.S. foreign policy, identifying the areas of cooperation and conflict, and establishing the nature of the relations between Georgia and the United States. The methodology of the study is based on a systematic approach, thanks to which it was possible to determine the most significant factors influencing the bilateral relations. The scientific novelty of the research consists in conducting a comprehensive analysis of the logic and dynamics of the 2012–2022 Georgian-American relations, the study of the anti-Western rhetoric of the modern Georgian government, as well as in attracting the relevant groups of sources that have not been used previously in the domestic studies on the Georgian-American relations (the U.S. reports on the state of democracy in Georgia, a complete list of the legislative materials of the U.S. Congress for Georgia, the data on the Georgia's foreign trade from 2014 to 2022, the U.S. officials' statements criticizing the "Georgian Dream", etc.). The author comes to the conclusion that the Biden administration, unlike the previous administrations, faced an additional problem in determining the significance of Georgia: since the end of Bush's presidential term, the American side had not had a clear strategic regional policy to which Tbilisi could have related. Thus, the undertaken research is relevant for the formation of Russia's foreign policy strategy in the context of the toughened geopolitical competition in the South Caucasus in order to effectively protect its own national security.

Keywords: Georgian-American relations, "Georgian dream", Georgia, strategic partnership, USA, USAID

For citation: Golava, G.G. (2024), "Georgia's place on the scale of modern U.S. foreign policy priorities", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 100–115, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-100-115

Введение

Настоящая статья представляет собой попытку определения значимости Грузии во внешнеполитической стратегии США посредством исследования логики эволюции отношений этих двух стран, рассмотрения военной, экономической и гражданско-

правовой составляющих американо-грузинского сотрудничества. Эта тема до сих пор остается на периферии как отечественных, так и западных исследователей, несмотря на то, что регион Южного Кавказа имеет особое значение в свете ужесточившейся геополитической конкуренции между Россией и США, а Грузия в этом регионе занимает центральное место.

Американский вектор во внешней политике Грузии получил освещение в работах грузинских исследователей. Например, К. Какачия и С. Минесашвили рассматривают внешнюю политику Грузии в свете политики идей и идентичности [Kakachia, Minesashvili 2015, pp. 171–180]. В силу своего исторического опыта Грузия может идентифицировать себя с целым рядом регионов: постсоветским пространством, Кавказом, Ближним Востоком. Однако, игнорируя все эти варианты, Грузия сосредоточилась на своей европейской идентичности, которая стала основным культурным фокусом ее политического дискурса. И. Мачитидзе полагает, что Запад должен предоставить гарантии безопасности Грузии, если заинтересован в сохранении стратегического партнерства с ней [Machitidze 2022]. По мнению Э. Авдалиани, каких бы успехов ни добивалась Грузия на пути к вступлению в НАТО и ЕС, география страны остается неизменной [Avdaliani 2022]. Грузии следует использовать свою «центральность» на Кавказе, потому что в регионе начинается настоящая «многополярная» эпоха: исключительное российское доминирование заменено элементами турецкого, западного, иранского и китайского влияния. Таким образом, Грузия должна выстраивать многовекторную дипломатию, но с учетом геополитических тенденций, которые говорят о том, что НАТО и ЕС готовятся к расширению в Черноморском регионе.

Среди англоязычных исследователей сложилось два направления: ревизионистское и ценностное. Ревизионисты констатируют, что «амбициозные усилия» США на Южном Кавказе не оправдали надежд на демократизацию региона [Sokolsky, Stronski 2017], в частности потому, что демократический имидж Грузии не является убедительным в глазах американских партнеров [Mor 2010, p. 394]. В связи с этим Вашингтону необходимо пересмотреть свою политику на Южном Кавказе: США следует не обещать того, чего она не может дать странам региона, потому что Россия по-прежнему готова использовать больше активов и ресурсов для укрепления своего влияния. Сторонники ценностного подхода убеждены, что США не должны ставить отношения с Кремлем во главу угла, если речь идет об их союзниках и партнерах [Kelly 2021] (зафиксированное в соглашениях) обязательство помочь в формировании демократических институтов [Mitchell, Cooley 2010, p. 18].

На этом фоне наблюдается дефицит академических работ, посвященных грузино-американским отношениям. В основном они рассматриваются либо с точки зрения американской внешней политики, либо с точки зрения военно-политической ситуации на Южном Кавказе, либо с точки зрения взаимоотношений между Россией и США. Поэтому настоящее исследование опирается на широкий круг источников, основными из которых стали:

1. Конституционные и законодательные материалы (конституция Грузии, резолюции парламента Грузии, правовые акты Конгресса США) – с их помощью были проанализированы нормативно-правовые основания грузино-американских отношений, определен юридический фундамент евроатлантического курса внешней политики Грузии, а также выявлена степень поддержки Грузии со стороны законодательной власти США.

2. Внешнеполитические доктрины Грузии и США (Стратегический оборонный обзор Грузии¹, Концепция национальной безопасности Грузии² и др.) – благодаря этой подгруппе источников было рассмотрено место Грузии и США во внешнеполитических стратегиях друг друга.

3. Международно-правовые акты (соглашения между Грузией и США и их совместные заявления) – дали возможность комплексно проанализировать грузино-американские отношения не только на двустороннем уровне, но и в контексте отношений Грузии со странами Запада.

4. Выступления официальных лиц Грузии и США – они позволили изучить логику и определить приоритеты людей, принимающих внешнеполитические решения.

5. Статистические данные, международные индексы и рейтинги.

6. Социологические опросы.

Однако, прежде чем перейти к анализу источников, необходимо вкратце охарактеризовать эволюцию сотрудничества Грузии и США, чтобы оценить масштаб перемен, наметившихся в двусторонних отношениях в последние годы.

¹ თავდაცვის სტრატეგიული მიმოხილვა 2021–2025 [Стратегический обзор обороны] // საქართველოს თავდაცვის სამინისტრო [Министерство обороны Грузии]. URL: https://mod.gov.ge/uploads/upload_new/tavdacvis_strategiuli_mimoxilva.pdf (дата обращения 02.11.2023).

² საქართველოს ეროვნული უსაფრთხოების კონცეფცია [Концепция национальной безопасности Грузии] // საქართველოს პარლამენტი. იანვარი [Парламент Грузии. Январь], 2011. URL: <https://www.matsne.gov.ge/ka/document/view/1555410?publication=0> (дата обращения 02.11.2023).

Эволюция отношений Грузии и США

В 2022–2023 гг. отношения между Грузией и США стали заметно ухудшаться. В условиях обострения геополитической обстановки на постсоветском пространстве грузинское правительство избрало стратегию проведения взвешенной политики, отвечающей интересам стабилизации Грузии и сохранения нейтралитета. Такой подход не нашел одобрения со стороны западных партнеров Грузии, что нашло свое отражение в обоюдных претензиях, критике и обвинениях. США обвиняют Грузию в отходе от демократических ценностей и нарушении санкционного режима в отношении России. «Грузинская мечта» заявляет, что США пытаются втянуть Грузию в конфликт с Россией и вмешиваются во внутренние дела Грузии. В связи с этим возникает вопрос будущего грузино-американских отношений. Но поскольку доминирующей стороной в них являются США (в силу их военного, экономического и геополитического потенциала), важно понять, насколько Грузия актуальна для американской внешнеполитической повестки.

В период с 2009 по 2013 г. США перенаправили средства с Южного Кавказа на Ближний Восток и в Среднюю Азию, а также на урегулирование внутренних социально-экономических проблем, вызванных мировым финансовым кризисом 2008 г. Основная деятельность США в регионе Южного Кавказа свелась к энергетическим проектам. Начиная с 2013 г. фокус американской внешней политики окончательно перешел на Ближний Восток и Восточную Европу (особенно в связи с началом конфликта на востоке Украины). Несмотря на то что президент Грузии М. Саакашвили был единственным региональным политиком, твердо следовавшим прозападному курсу, Б. Обама отказался как минимум от его публичной поддержки; встреча Б. Обамы и М. Саакашвили состоялась в 2012 г. – на третьем году президентства Б. Обамы. Кроме того, США отказались предоставлять Грузии конкретные планы и обещания по ее вступлению в НАТО.

1 октября 2012 г. в Грузии завершились парламентские выборы. Оппозиционная коалиция «Грузинская мечта» одержала победу, а ее лидер, Б. Иванишвили, стал премьер-министром Грузии. Под пересмотр попала не только внутренняя, но и внешняя политика, однако военно-политическое партнерство с США не претерпело изменений. 25 октября 2012 г. парламент утвердил Программу «Для сильной, демократической, единой Грузии»³. Европейская

³ სამთავრობო პროგრამა «ძლიერი, დემოკრატიული, ერთიანი საქართველოსთვის» [Правительственная программа «За сильную, демо-

и евроатлантическая интеграция по-прежнему оставалась приоритетом. Заметным изменением стало смягчение антироссийской риторики. Главным союзником были и остаются США. Связи с США представляют особую значимость для Грузии в силу многих причин: долгосрочный характер; наличие общего врага; наличие нормативно-правовой базы; обоюдная заинтересованность друг в друге; общие ценности; наличие устоявшихся механизмов сотрудничества. Помимо этого, в документе 2012 г. много внимания уделяется политизации всех государственных и общественных институтов при предыдущем правительстве, а также разрастанию «элитарной» коррупции. Акцентирование внимания на ошибках предыдущей правящей партии было сознательным политическим ходом в рамках электоральной конкуренции, потому что после победы «Грузинской мечты» М. Саакашвили продолжал оставаться президентом, и Грузия столкнулась с ситуацией коабитации (когда президент и премьер-министр принадлежат разным политическим силам).

В соответствии с Хартией 2009 г. отношения Грузии и США определяются как стратегическое партнерство. С самого начала краеугольными камнями этого партнерства были демократия и государственное управление (не в последнюю очередь это было ответом на критику в адрес Вашингтона из-за того, что он долгое время не обращал внимания на проблемы демократии в Грузии при М. Саакашвили). Согласно Хартии сотрудничество основано на общих ценностях, включая демократию и верховенство закона, и направлено на их укрепление в Грузии. Верховенство закона – это один из главных интересов США, создающий сильную асимметрию в партнерстве за счет односторонней ориентации на выявление и преодоление внутривнутриполитических проблем в Грузии [Mitchell, Cooley 2010, p. 18]. Подтверждением этому служит принятие Совместной декларации о стратегическом партнерстве США и Грузии в 2019 г., которая обозначает содействие независимой судебной системе, демократическим выборам, плюрализму СМИ и системе сдержек и противовесов в Грузии в качестве целей сотрудничества⁴. В ней также отмечается, что США и Грузия будут сотрудничать

кратическую, единую Грузию»] // საქართველოს პარლამენტი. ოქტომბერი [Парламент Грузии. Октябрь], 2012. URL: https://www.gov.ge/files/68_35092_403443_programa.pdf (дата обращения 02.11.2023).

⁴ 10th anniversary Joint declaration on the U.S.-Georgia strategic partnership // U.S. Department of State. 2019. June 11. URL: <https://2017-2021.state.gov/10th-anniversary-joint-declaration-on-the-u-s-georgia-strategic-partnership/> (дата обращения 02.11.2023).

по этим вопросам со «всеми заинтересованными сторонами». Как справедливо отмечает З.З. Бахтуридзе, прозападный курс нужен Грузии для устойчивого демократического развития и обеспечения безопасности страны, он не направлен против какого-либо государства [Бахтуридзе 2016, с. 114].

Когда Д. Трамп был избран 45-м президентом под лозунгом “America first”, многие страны задались вопросом о своих будущих отношениях с США. Этот вопрос был актуальным и для Грузии. Несмотря на предполагаемую незаинтересованность в Грузии при Д. Трампе и впечатление, что «Грузинская мечта» – это пророссийская партия, отношения между Тбилиси и Вашингтоном вышли на новый уровень. Это относится прежде всего к политике безопасности и обороны, примером чего является продажа Грузии противотанковых ракет “Javelin” (о чем грузинское правительство просило еще администрацию Б. Обамы). Причем Грузия их закупила через программу “Foreign Military Assistance”, т. е. на американские деньги. Ранее военная поддержка США была сосредоточена, прежде всего, на подготовке грузинских войск к борьбе с международным терроризмом (как во время миссии в Афганистане) и совместимости со стандартами НАТО. Теперь поддержка направлена также на укрепление потенциала территориальной обороны. Как отмечает Ф. Смольник, с мая 2018 г. «Грузинская программа готовности к обороне» (GDRP) включает в себя подготовку грузинских сил к сценарию вторжения [Smolnik 2020]. Основа для этой программы была заложена в 2016 г.

Зимой 2019/20 г. высокопоставленные конгрессмены направили правительству Грузии серию критических писем, вызванных конфликтом между правительством и оппозицией по поводу условий проведения парламентских выборов в октябре 2020 г. Эти письма важны в силу нескольких причин. Во-первых, они указывают на то, что Грузию не забыли в Конгрессе США. Во-вторых, возросло влияние Конгресса на внешнюю политику (это является следствием непоследовательности администрации Д. Трампа). Например, Д. Трамп предлагал сократить финансирование Грузии, но Конгресс воспрепятствовал этому посредством принятия закона об ассигнованиях на иностранную помощь на 2021 г. В-третьих, в США не считают убедительным имидж Грузии в области демократии и государственного управления, который она создала или пытается создать (Бен Д. Мор называет это «имиджевым диссонансом») [Mor 2010, p. 394].

Военное сотрудничество

Самой важной сферой в грузино-американских отношениях является сотрудничество в области обороны и безопасности. Оно встроено в более широкий контекст отношений Грузия–НАТО, но простирается намного дальше, чем двустороннее сотрудничество Грузии с другими членами Альянса. С 2000 по 2022 г. по различным механизмам военной помощи Грузии было выделено 1,42 млрд долл. [Энтина 2022, с. 26]. На территории Грузии находятся четыре военно-инфраструктурных объекта США – Центр управления морскими операциями в Супсе, Центр боевой подготовки в Вазияни, Центр подготовки горных стрелков в Сачхере и учебно-тренировочный центр НАТО в Крцаниси.

Сотрудничество в области безопасности ориентировано на территориальную оборону Грузии. США по-прежнему участвуют в Женевских международных дискуссиях, начатых после российско-грузинской войны 2008 г., чтобы обеспечить регулярный обмен мнениями между представителями Грузии, России, Абхазии и Южной Осетии. Растущее внимание к территориальной обороне еще больше затрудняет выход США из Женевских дискуссий. Украинский кризис, в частности, привел к изменению терминологии США: если ранее использовалась нейтральная формулировка «затяжные конфликты», то теперь применительно к Абхазии и Южной Осетии устоявшимся является термин «оккупированные территории». В первые годы стратегического партнерства американские эксперты по Грузии – Л. Митчелл, А. Кули, С. Чарап и К. Уэлт – рекомендовали Вашингтону разработать собственную стратегию в отношении Абхазии и Южной Осетии, независимую от политики Тбилиси [Mitchell, Cooley 2010, p. 25]. Однако решения последних лет демонстрируют, что позиции Вашингтона и Тбилиси по этим территориям совпадают [Jaksa 2019, p. 220].

Отношения с США закреплены также и во внутренних нормативно-правовых актах Грузии. В 2018 г. в конституцию Грузии была внесена поправка, обязывающая органы власти предпринять все усилия по интеграции страны в ЕС и НАТО (ст. 78), что также предполагает сотрудничество с США как главным лоббистом интересов Грузии в Организации Североатлантического договора⁵.

⁵ Конституция Грузии от 24 августа 1995 г. // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения 02.11.2023).

«Официальная помощь в целях развития»

В экономическом плане Грузия выступает в роли реципиента, а США – донора. США входят в пятерку крупнейших доноров для Грузии (институты ЕС, Франция, США, Германия, МВФ). Расходы на иностранную помощь берутся из федерального бюджета, который устанавливается Конгрессом ежегодно в виде законов об ассигнованиях. Помощь распределяется более чем через 20 правительственных учреждений США, основными из которых являются Агентство США по международному развитию (USAID), Министерство обороны, Госдепартамент, Министерство финансов, Министерство здравоохранения и социальных служб. Кроме того, немаловажную роль играют Корпорация «Вызовы тысячелетия», Агентство США по торговле и развитию, Американская корпорация международного финансового развития, Корпус мира и др. Регулирует практику иностранной помощи Закон об иностранной помощи 1961 г., в соответствии с которым и было создано USAID⁶. USAID – часть федерального правительства США.

В Грузии Агентство появилось в 1992 г. Оно распределяет деньги как напрямую, так и через локальные НКО. Основные целевые группы, на которые направлены программы USAID, – журналисты, молодые политики, гражданское общество, молодые предприниматели. Таким образом, главная цель Агентства – воспитание проамериканской прослойки населения в Грузии (и в остальных странах, с которыми работает USAID). За 23 года ведомство вложило в Грузию около 1,8 млрд долл. На сегодняшний день USAID финансирует более 30 программ в Грузии.

В общей сложности с 2001 по 2022 г. США вложили в Грузию около 4 млрд долл. Из них около 1,8 млрд были распределены через USAID, 311 млн было выделено Госдепартаментом, 818 млн – Министерством обороны, 102 млн – Министерством сельского хозяйства⁷.

Наиболее приоритетные сектора, на которые выделяются средства: экономическое развитие – 1,408,000,000 долл.; мир и безопасность – 1,026,000,000; демократические реформы – 443,000,000; образование и социальная сфера – 249,935,000; оперативно-функциональная поддержка программ (ОФПР) –

⁶ Foreign assistance act of 1961 // U.S. government publishing office. September 4, 1961. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1071/pdf/COMPS-1071.pdf> (дата обращения 02.11.2023).

⁷ Georgia // ForeignAssistance.gov. URL: <https://www.foreignassistance.gov/> (дата обращения 02.11.2023).

217,000,000; гуманитарная помощь – 189,835,000; медицина – 126,040,000; окружающая среда – 18,173,000; межотраслевая помощь – 15,930,000 долл.⁸

Экономическое сотрудничество

На фоне «официальной помощи в целях развития» организованная торговля между Грузией и США выглядит более чем скромно. Наибольшую долю в торговых отношениях занимает импорт. Импортируемые товары: легковые автомобили; сельскохозяйственный жмых и другие твердые отходы; бинокли и другие оптические трубки и их арматура; мороженная рыба, мясо птицы, пищевые субпродукты, продукты питания; смешанные товары; б/у одежда; брезент, тенты и жалюзи; лекарственные средства. Экспортируемые товары: ферросплавы; диоды, транзисторы и аналогичные полупроводниковые приборы; натуральные виноградные вина; детали для самолетов; фруктовые и овощные соки; фрукты и орехи; пластмассовые изделия для перевозки или упаковки товаров; минеральные и пресные воды; профильные бесшовные трубы.

За первые пять месяцев 2022 г. общий внешнеторговый оборот Грузии составил около 6 млрд долл. США находятся на пятом месте в списке важнейших торговых партнеров: первое место – Турция, второе – Китай, третье – Россия (несмотря на отсутствие дипломатических отношений), четвертое – Азербайджан. Несмотря на то что товарооборот Грузии и США растет, его доля в общем объеме составляет всего лишь 6%, он несопоставим с торговыми отношениями Грузии с Турцией, Китаем и Россией. Даже при условии заключения соглашения о свободной торговле грузинской продукции будет сложно попасть на высококонкурентный американский рынок.

Несмотря на большие масштабы американских финансовых вливаний в грузинскую экономику, российский экономист Л.А. Буракова опровергает распространенное мнение о том, что «грузинское экономическое чудо» состоялось исключительно благодаря США и странам Запада. Она приводит следующие данные: с 1992 по 2007 г. Грузия получила 4,3 млрд долл.: первые 3 млрд – с 1992 по 2003 г.; в 1994–2003 гг. размеры помощи составляли 7,7% годового ВВП, а с 2004 по 2007 г. они снизились до 4,7% [Буракова 2011, с. 16]. Таким образом, в дореформенное время Грузия получила больше средств, чем в период реформ. Еще большие суммы за это время по-

⁸ Ibid.

лучили 44 страны, но только в Грузии темпы прироста ВВП на душу населения оказались самыми быстрыми, уступая лишь показателям Армении. Средства предоставлялись в качестве официальной помощи в целях развития (ОПР) – льготных кредитов и грантов.

Самым амбициозным проектом грузино-американского сотрудничества на Черном море является строительство глубоководного порта Анаклия. Этот порт способен не только облегчить торговлю между Европой и Китаем [Starr, Cornell 2018, p. 78], но и стать звеном единого транспортного коридора, связывающего Кавказ и Центральную Азию [Гегелашвили 2020, с. 93]. Анаклия станет первым портом Грузии, способным получать крупногабаритные контейнеровозы (что позволит обойти порт в Новороссийске), а также станет одним из весомых факторов евроатлантической интеграции Грузии.

В отличие от предыдущих администраций, правительство Дж. Байдена столкнулось с дополнительной проблемой в связи с определением значимости Грузии: с момента окончания президентских полномочий Дж. Буша-мл. у американской стороны не было четкой стратегической региональной политики, к которой Тбилиси мог бы иметь отношение. Политика США в отношении Грузии и при Б. Обаме, и при Д. Трампе характеризовалась (и во многом продолжает характеризоваться) инертностью. Такой подход помог сохранить влияние США, но не привнес ничего нового в двусторонние отношения. Исключением является сфера безопасности и обороны: США четко и недвусмысленно поддерживают территориальную целостность Грузии. Это означает, что качественные изменения в грузино-американском сотрудничестве возможны там, где существует институциональный интерес. Другими словами, если во времена Дж. Буша-мл. и М. Саакашвили основой грузино-американских отношений были личные связи двух президентов, то последующие администрации США, начиная с Б. Обамы, стали разделять политический и институциональный уровни.

Заключение

Грузино-американские отношения можно охарактеризовать как стратегическое партнерство. Для США стратегическое партнерство – это нечто большее, чем просто демонстрация солидарности. С самого начала Вашингтон рассматривал это как инструмент активной поддержки политических событий внутри Грузии. Хотя, как заявлено в Хартии 2009 г., стратегическое партнерство уже основано на общих ценностях, оно предоставляет Вашингтону ры-

чаги для реализации внутренних реформ в Грузии в области демократии и государственного управления (или, по крайней мере, возможность мониторинга). Таким образом, центральным элементом стратегического партнерства является императив демократизации.

Аспект общих ценностей важен и для Грузии в процессе двустороннего диалога. Однако этот аспект постоянно обнажает сохраняющуюся асимметрию между двумя партнерами. Несмотря на то что Тбилиси декларирует свои демократические успехи, Вашингтон и Брюссель наблюдают расхождения между риторикой и практикой. С одной стороны, «Грузинская мечта» активно работает над повышением стратегической значимости Грузии в глазах США, уделяя приоритетное внимание не только безопасности и обороне, но и торгово-экономическому сотрудничеству. С другой стороны, в Конгрессе США относятся с недоверием к «Грузинской мечте» из-за недавней антизападной кампании в Грузии, а также по причине прежних деловых связей в России основателя партии Б. Иванишвили.

Удовлетворяя одну из главных забот Тбилиси в области обороны, США облегчают положение ЕС, чей профиль безопасности в регионе слаб. Но что касается сферы экономики, то ЕС находится на шаг впереди. Одна из главных целей Хартии 2009 г. – заключение соглашения о свободной торговле – до сих пор не выполнена, однако даже возможность ее выполнения в ближайшем будущем ничего не изменит в грузино-американских отношениях. Можно говорить о фактическом «разделении труда» между Вашингтоном и Брюсселем, но без явного согласования этого вопроса. Кроме того, ограничивает сотрудничество Грузии с США и ЕС и тот факт, что в обозримом будущем Грузия не вступит ни в ЕС, ни в НАТО. Это означает, что стратегическое партнерство между Грузией и США (а также между Грузией и ЕС) увековечивает пограничный статус Грузии: на сегодняшний день грузинское правительство придерживается евроатлантического курса, однако западные партнеры не могут быть уверены, что такое положение дел будет сохраняться в отсутствие у США и ЕС стратегического видения для Грузии и региона.

Кроме того, грузинская внешняя политика может быть охарактеризована большей вариативностью, нежели безоговорочное следование евроатлантическому вектору. Несмотря на американские вливания в негосударственный сектор грузинской экономики, ключевыми экономическими партнерами Грузии остаются Россия, Турция и Китай. Если Турция в социокультурном отношении не разделяет большинство тенденций современной западной цивилизационной общности, то Россия и Китай открыто противостоят американоцентричному доминированию в мировой политике.

Политика нынешнего грузинского руководства, направленная на дистанцирование от конфликта между США и Россией, показывает, что трактовка евроатлантизма как безоговорочного подчинения политике США не разделяется, по крайней мере, значительной частью элит и общества Грузии. Наконец, в той или иной степени Южный Кавказ неизбежно будет все более активно вовлекаться в проекты таких расширяющихся форматов межгосударственного взаимодействия, как ШОС и БРИКС, что также может сыграть важную роль в будущих корректировках грузинской политики.

Тем не менее идея евроатлантической интеграции Грузии придумана не сегодня, а больше ста лет назад. 1 декабря 1918 г. председатель правительства Грузинской Демократической Республики Н. Жордания заявил: «сегодня мы можем войти в Европу прямо и непосредственно. Мы уже находимся на этом пути и не сойдем с него»⁹. Опросы Национального демократического института международных отношений¹⁰ и Международного республиканского института (IRI)¹¹ показывают, что подавляющее большинство жителей Грузии выступают за вхождение в НАТО (в первом случае опрос показал 74%, во втором – 59%) и ЕС (в первом случае опрос показал 80%, во втором – 67%). Кроме того, 85% респондентов в опросе IRI заявили, что у Грузии хорошее отношение к США и ЕС, а 69% назвали США важным партнером. Таким образом, интеграция Грузии в евроатлантическое сообщество – и естественный путь ее современной истории, и логическое продолжение ее экономического развития. Потребность в интеграции исходит не от элит, а от народа. Это закреплено в ст. 78 конституции Грузии. Поэтому вряд ли ситуационный кризис в отношениях между Грузией и странами Евроатлантики повлияет на приверженность страны западным идеалам.

⁹ ნოე ჟორდანიას მიმართვა დამოუკიდებლობის ექვსი თვის აღსანიშნავ სადღესასწაულო სხდომაზე [Выступление Ноэ Жордания на праздничном заседании, посвященном шестимесячному юбилею независимости]. Netgazeti.ge. 25 მაისი [мая], 2018. URL: <https://netgazeti.ge/news/280125/> (дата обращения 02.11.2023).

¹⁰ რუსეთის მიმართ საქართველოში არსებული დამოკიდებულება და აღქმა თბილისი [Отношение Грузии к России и восприятие Тбилиси] 2021 // Rondeli Foundation. თბილისი [Тбилиси] 2021. URL: <https://gfsis.org.ge/files/library/pdf/Attitudes-and-Perceptions-Towards-Russia-in-Georgia-3088.pdf> (дата обращения 02.11.2023).

¹¹ Исследование МПИ: общественное мнение по новым выборам разделено пополам; население обеспокоено за-за экономики // Civil.ge. 2021. 4 апр. URL: <https://civil.ge/ru/archives/410770> (дата обращения 02.11.2023).

Литература

- Avdaliani 2022 – ავდალიანი ე. სპეკულაციური ახალი როლის ძიებაში [Авдалиани Э. Грузия в поисках новой роли] // Geocase. 2022. September 26/ URL: <https://geocase.ge/ka/publications/825/saqartvelo-akhali-rolis-dziebashi> (дата обращения 02.11.2023).
- Бахтуридзе 2016 – Бахтуридзе З.З. Внешняя политика Грузии в контексте развития международных отношений на постсоветском пространстве. Дис. ... д-ра полит. наук. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2016. 316 с.
- Буракова 2011 – Буракова Л.А. Почему у Грузии получилось. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. 271 с.
- Гегелашвили 2020 – Гегелашвили Н.А. Подходы США к Украине и Грузии в контексте внешнеполитических приоритетов Вашингтона // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 5. С. 85–99.
- Энтина 2022 – Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Мелоян Т.Х., Наджаров А.М. Военно-политическое присутствие США на Южном Кавказе. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 40 с.
- Jaksa 2019 – Jaksa U. Interpreting non-recognition in de facto states engagement: The case of Abkhazia's foreign relations. Ph.D. Thesis. York: University of York, 2019. 325 p.
- Kakachia, Minesashvili 2015 – Kakachia K., Minesashvili S. Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior // Journal of Eurasian Studies. 2015. Vol. 6. P. 171–180.
- Kelly 2021 – Kelly I. Georgia's NATO aspirations and the Biden administration // Economic Policy Research Center. 2021. URL: https://eprc.ge/wp-content/uploads/2021/12/geonato_eng.pdf (дата обращения 02.11.2023).
- Machitidze 2022 – Machitidze I. What's behind Georgian dream's anti-Western rhetoric and foreign policy behavior // Georgian Institute of Politics. 2022. November 17. URL: <https://gip.ge/wp-content/uploads/2022/11/GIP-Policy-Paper-32-Ivvana-Machitidze.pdf> (дата обращения 02.11.2023).
- Mitchell, Cooley 2010 – Mitchell L.A., Cooley A.A. After the August War: A new strategy for U.S. engagement with Georgia // The Harriman Review. 2010. Vol. 17. No. 3–4. 72 p.
- Mor 2010 – Mor B.D. Credibility talk in public diplomacy // Review of International Studies. 2010. No. 38. P. 393–422.
- Smolnik 2020 – Smolnik F. The strategic partnership between Georgia and the United States: Vision wanted // German Institute for International and Security Affairs. 2020. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2020RP15_Georgia_UnitedStates.pdf (дата обращения 02.11.2023).
- Sokolsky, Stronski 2017 – Sokolsky R., Stronski P. Time to reset US policy in the South Caucasus // Carnegie Endowment for International Peace. June 13, 2017. URL: <https://carnegieendowment.org/2017/06/13/time-to-reset-u.s.-policy-in-south-caucasus-pub-71256> (дата обращения 02.11.2023).
- Starr, Cornell 2018 – Starr S.F., Cornell S.E. The long game of the Silk Road: US and EU strategy for Central Asia and the Caucasus. Lanham: Rowman and Littlefield, 2018. 162 p.

References

- Bakhturidze, Z.Z. (2016), *Vneshnyaya politika Gruzii v kontekste razvitiya mezhdunarodnykh otnoshenii na postsovetском prostranstve* [Georgia's foreign policy in the context of the development of international relations in the post-Soviet space], Ph.D. Thesis, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
- Burakova, L.A. (2011), *Pochemu u Gruzii poluchilos'* [Why did Georgia succeed], Yunaited Press, Moscow, Russia.
- Entina, E.G., Davranova, S.B., Meloyan, T.H. and Najarov, A.M. (2022), *Voenno-politicheskoe prisutstvie SShA na Yuzhnom Kavkaze* [The US military-political presence in the South Caucasus], HSE University, Moscow, Russia.
- Gegelashvili, N.A. (2020), "US approaches to Ukraine and Georgia in the context of Washington's foreign policy priorities", *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 5, pp. 85–99.
- Jaksa, U. (2019), *Interpreting non-recognition in de facto states engagement: The case of Abkhazia's foreign relations*, Ph.D. Thesis, University of York, York, UK.
- Kakachia, K. and Minesashvili, S. (2015), "Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior", *Journal of Eurasian Studies*, vol. 6, pp. 171–180.
- Kelly, I. (2021), "Georgia's NATO aspirations and the Biden administration", *Economic Policy Research Center*, 2021, available at: https://eprc.ge/wp-content/uploads/2021/12/geonato_eng.pdf (Accessed 2 Nov. 2023).
- Machitidze, I. (2022), "What's behind Georgian dream's anti-Western rhetoric and foreign policy behavior", *Georgian Institute of Politics*, November 17, available at: <https://gip.ge/wp-content/uploads/2022/11/GIP-Policy-Paper-32-Ivvana-Matchitidze.pdf> (Accessed 2 Nov. 2023).
- Mitchell, L.A. and Cooley, A.A. (2010), "After the August War: A new strategy for U.S. engagement with Georgia", *The Harriman Review*, vol. 17, no. 3–4, Columbia University, New York, USA.
- Mor, B.D. (2010), "Credibility talk in public diplomacy", *Review of International Studies*, no. 38, pp. 393–422.
- Smolnik, F. (2020), "The strategic partnership between Georgia and the United States: Vision wanted", *German Institute for International and Security Affairs*, available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2020RP15_Georgia_UnitedStates.pdf (Accessed 2 Nov. 2023).
- Sokolsky, R. and Stronski, P. (2017), "Time to reset US policy in the South Caucasus", *Carnegie Endowment for International Peace*, June 13, available at: <https://carnegieendowment.org/2017/06/13/time-to-reset-u.s.-policy-in-south-caucasus-pub-71256> (Accessed 2 Nov. 2023).
- Starr, S.F. and Cornell, S.E. (2018), *The long game of the Silk Road: US and EU strategy for Central Asia and the Caucasus*, Rowman and Littlefield, Lanham, USA.
- "ავედაიანი ე. საქართველო ახალი როლის ძიებაში" [Georgia in search of a new role], *Geocase*, September 26, available at: <https://geocase.ge/ka/publications/825/saqartvelo-akhali-roli-dziebashi> (Accessed 2 Nov. 2023).

Информация об авторе

Гия Г. Голава, средняя общеобразовательная школа № 50, Екатеринбург, Россия; 620050, Россия, Екатеринбург, ул. Минометчиков, д. 48; giaforever1@mail.ru

Information about the author

Gia G. Golava, secondary school no. 50, Ekaterinburg, Russia; 48 Minometchikov St., Ekaterinburg, Russia, 620050; giaforever1@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 316.7(73+410)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-116-133

Контркультурные движения на заре «долгих шестидесятых» в трансатлантическом контексте

Александра С. Роговцева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, al.rogovtseva@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу контркультурных движений в США и Великобритании во второй половине 1950-х гг., когда неконформистские течения развивались в пределах своих национальных границ. Применяя компаративный метод для сравнения американского «разбитого поколения» и британских «разгневанных молодых людей» и дискурс-анализ для выявления репертуаров смыслов, заложенных в их произведениях – поэме «Вопль» Аллена Гинзберга и пьесе «Оглянись во гневе» Джона Осборна, автор выделяет неконформистские контексты, присущие одному из литературных течений, либо характерные для всего поколения «долгих шестидесятых». Выявление последнего позволило автору проверить гипотезу о сходстве этих двух движений, благодаря которому стало возможным культурное взаимовлияние 1960-х гг.

Ключевые слова: неконформисты, битники, «разбитое поколение», «разгневанные молодые люди», трансатлантизм, монизм, контркультура, «долгие шестидесятые»

Для цитирования: Роговцева А.С. Контркультурные движения на заре «долгих шестидесятых» в трансатлантическом контексте // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 116–133. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-116-133

Countercultural movements at the dawn of the “long sixties” in a transatlantic context

Aleksandra S. Rogovtseva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
al.rogovtseva@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the countercultural movements in the United States and Great Britain in the second half of the 1950s, when the nonconformist movements were being developed within their national borders. Applying the comparative method to compare the American “beat generation” and the British “angry young men” and using the discourse analysis to identify the repertoires of the meanings embedded in their works – the poem “Howl” by Allen Ginsberg and the play “Look Back in Anger” by John Osborne – the author determines the nonconformist characteristics inherent both to each separate literary movement and to the entire generation of the “long sixties”. The detection of common characteristic features made it possible for the author to test the hypothesis about the similarities between the two movements, and those similarities allowed for the movements’ mutual cultural influence in the 1960s.

Keywords: nonconformists, beatniks, “beat generation”, “angry young men”, transatlanticism, monism, counterculture, “long sixties”

For citation: Rogovtseva, A.S. (2024), “Countercultural movements at the dawn of the ‘long sixties’ in a transatlantic context”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 116–133, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-116-133

Введение

Транснациональный поворот в американских исследованиях не является чем-то новым, поскольку множество работ по обе стороны Атлантики посвящены изучению рабства, колониализма и миграции. Трансатлантическая перспектива приобрела решающее значение для изучения современности, а новые концепции глобализма расширили понимание трансатлантизма за пределы изучения способов, которыми мигранты и изгнанники «ломают барьеры мысли и опыта» [Said 1984, p. 49].

В XXI в. наблюдается значительный рост академического интереса к трансатлантическим исследованиям культуры, искусства и медиа, что связано с попыткой авторов вписать изучаемые явления в мировые социокультурные движения. Это усилило необходимость

понимания местных и региональных сходств и различий, а также генеалогий культурных форм, свойственных различным странам. Новые медиа и цифровые культуры указывают путь к «постнациональному» дискурсу, бросая вызов представлениям о национальной самобытности.

Ярким примером «постнационального дискурса» является творчество представителей контркультурных движений США в период «долгих шестидесятых», которые стали временем глобальных преобразований в социальной, политической и культурной сферах. Это широко изученная тема нашла отражение в работах Р. Вайнена [Вайнен 2020], А. Марвика [Marwick 1998], Г. Коска [Kosc 2013] и О.Ю. Пленкова [Пленков 2023]. Все они посвящены событиям, произошедшим в период 1960-х гг. в США и в Западной Европе, их сходствам и различиям. Однако основное внимание авторов приковано к социальным движениям «новых левых» от студенческих и антивоенных протестов до рабочих забастовок, в то время как контркультурные движения и все то, что с ними связано – психоделическая и сексуальная революция, движение за свободу сквернословия, – лишь упомянуто вскользь.

Данная статья как раз нацелена на анализ феномена контркультур в трансатлантическом контексте, на сравнение нонконформистских литературных движений 1950-х гг. – «разбитого поколения» (The Beat Generation) в США и «разгневанных молодых людей» (The Angry Young Men) в Великобритании с акцентом на общем и особенном. Автор видит свою задачу в том, чтобы проверить гипотезу о сходстве этих двух движений, поскольку, несмотря на тот факт, что американские и британские писатели на первых порах не знали друг о друге, впоследствии произошло «британское вторжение» в США и американизация культуры Великобритании.

Статья имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, находясь на стыке истории, политологии, социальных и культурологических исследований, что обусловило использование не только традиционных историко-описательных методов, но и компаративного подхода, а также дискурс-анализа для выявления репертуара смыслов, обусловленного нарративами контркультур.

Каким образом контркультурные движения разрушали границы

Понятие «контркультура» обычно относится к молодежному движению 1950–1970-х гг.: к рок-н-роллу, протестам, наркотикам, сексуальной революции. Мы до сих пор можем наблюдать развитие

феноменов, зародившихся еще в середине XX в., например популяризацию музыкальных и арт-фестивалей или «психоделический ренессанс».

Толчком к возникновению контркультур после Второй мировой войны исследователи считают излишний консерватизм, царивший в обществе [Пленков 2023, с. 189] Однако вместе с тем появление контркультурных движений обусловило крах социальных и психологических систем. Экономические и политические правила, по которым жило послевоенное общество, игнорировали человеческие потребности и желания. Эти правила опирались на тиражированные в то время теории, среди которых особое место занимали научный тейлоризм¹ и викторианская семья². Наступивший в результате кризис идентичности продемонстрировал, что связь личности с обществом и с собой была нарушена, а существующие правила требовали изменений.

Если говорить о глобальной цели любого контркультурного движения, то ее можно сформулировать как создание новой, альтернативной, антиуниверсалистской, антирациональной системы для общества, культуры и личности, призванной заменить привычный уклад жизни. Для начала следует разъяснить каждую вышеперечисленную составляющую.

Новизна. Вторая мировая война стала настоящим потрясением для всего мирового сообщества. Вот почему в 1950-х гг. все хотели «вернуться к норме». «Норма» означала отсутствие каких-либо глобальных вызовов и слаженную работу государственной системы. Но присущий 1950-м гг. консерватизм игнорировал ту проблему, которая зародилась еще до войны, а именно кризис идентичности, порожденный городским, индустриальным и социальным контекстом. Вот почему мотивацией неконформистов стало отвращение к лицемерию мейнстрима, желание создать новое общество, так как, по их мнению, в то время общество, культура и личность утратили свои ценностные смыслы.

Альтернативность. Смысл контркультуры состоял в противодействии мейнстриму. Исходя из этого, неконформисты выстраивали свою идентичность не по принципу «за что мы сражаемся», а по принципу «против чего мы боремся» [Вайнен 2020, с. 19]. А боролись они именно с устоявшимся порядком вещей. Фраза «Это

¹ Рабочие – это механизмы, производительность которых может быть оптимизирована с помощью правильного управления.

² Четко определенные гендерные и родительские/детские роли, акцент на разделении между семьей и внешним миром, строгая пожизненная моногамия.

система, чувак!» в то время была объяснением всего того, что было не так с миром. Поэтому «Альтернативный книжный магазин» продавал книги Нью Эйдж – произведения об астрологии, эзотерике, оккультизме; «Альтернативный продуктовый магазин» предлагал покупателям ростки люцерны и тофу; а юристы, принадлежащие к альтернативному течению, поддерживали решения Верховного суда США, такие как «Роу против Уэйда»³ и «Энгель против Витале»⁴.

Антиуниверсализм. Универсализм – утверждение, что правильные вещи верны для всех, везде и всегда. Нонконформисты предлагали свои антиуниверсальные тезисы, они верили в то, что каждый должен избавляться от границ в своем сознании и обретать новый опыт. Именно универсализм губил массовые культурные течения, так как он не предполагал разнообразия и подавлял уникальность людей [Фишман 2012, с. 227–234].

Антирациональность. Представители контркультурных течений отвергали рациональность, которая была основой консервативного образа жизни. Она, как считали нонконформисты, виновата во всех ужасах XX в.: мировых войнах, утрате веры, безудержном материализме, экологической катастрофе, абортах и ядерном оружии.

Огромное значение для контркультур имели новые антирациональные религиозные движения. Контркультуры середины XX в. были монистическими, они брали за основу восточные религии, добавляли к ним немецкий романтический идеализм образца 1800 г., и получилось то, что мы знаем как «Нью Эйдж». Эти новые религии продвигали сверхъестественные практики и преобразующие внутренние переживания («просветление» и «перерождение»), которых можно было достичь с помощью медитаций или запрещенных веществ.

Представители контркультурных движений стремились разрушить границы, исходя из теории, что они были отчуждающими и бесполезно ограничивающими. Примеров такого разрушения было множество: психоделические наркотики, которые стали неотъемлемой частью контркультуры, могли дать ощущение единства со всем

³ «Лицо может сделать аборт до тех пор, пока плод не станет жизнеспособным, на основании права на неприкосновенность частной жизни, содержащегося в пункте о надлежащей правовой процедуре 14-й поправки». См.: Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/> (дата обращения 28.05.2023).

⁴ Решение Верховного суда 1962 г., отменившее молитву в государственных школах. Engel v. Vitale (1962) // Cornell Law School. URL: [https://www.law.cornell.edu/wex/engel_v._vitale_\(1962\)](https://www.law.cornell.edu/wex/engel_v._vitale_(1962)) (дата обращения 28.05.2023).

миром, то есть предполагаемого достижения монистической позиции. Эта связь человека с природой была одной из причин возникновения экологического движения, которое началось с публикации книги Р. Карсон в 1962 г.⁵ Сделав еще один шаг в объединении проблем, теоретик контркультуры Т. Росзак продвигал «экопсихологию», стирая различия между естественным, политическим, психологическим и духовным мирами [Roszak 2003].

Политический универсализм контркультуры – движение за гражданские права, антивоенное движение, феминизм – как раз основывался на этой монистической концепции человеческой общности. Феминистский лозунг «личное политично» также выражал сущность контркультурного монизма. Граница частного и общественного как основополагающий принцип викторианской систематики распадалась. Одновременно исчезло и различие между этикой («должен» себе) и политикой («должен» обществу). Стирание различий между собой и другим способствовало разрушению границ между психологией и религией (или «духовностью»). Монистическая религия полагала, что истинное «Я» человека такое же, как Бог и Вселенная [Гришин 2015, с. 116–122]. Таким образом, исследование собственной психологии может дать ответы на метафизические вопросы. Поскольку личное теперь было и политическим, и духовным, исчезло и различие между религией и политикой. Требования политических изменений рассматривались не только как вопрос продвижения одной социальной группой своих материальных интересов против других, но и как отражение Абсолютной Истины, заданной монистическим принципом вечного порядка. В свою очередь, сексуальная революция размывала границы между сексом и браком, тем самым нарушив правила викторианской семьи. Место семьи, по мнению представителей контркультур, заняла коммуна, члены которой, по заветам монизма, существовали как единое целое.

Наиболее классической темой неонконформистского монизма стал выход контркультур за пределы государств, где они зародились. Р.М. Хендершот в обсуждении культурных подходов к изучению англо-американских отношений объяснял это «формированием мощных международных связей, которые существуют за пределами официального аппарата национальных правительств» [Hendershot 2020, p. 459]. Чаще всего это заключалось в культурной связи между Европой и США, которую принято называть трансатлантической.

⁵ Carson R. Silent spring. Mariner Books Classics, Anniversary edition, 2002.

Зародился трансатлантизм достаточно давно, еще в XIX в., когда писатели и поэты, такие как Джек Лондон, Томас Стернз Элиот и многие другие, совершали путешествия через океан. Причем как европейской, так и американской богеме эти поездки были в равной степени интересны и полезны для поиска вдохновения, новых впечатлений и опыта. Позже отдельные авторы по тем или иным личным причинам стали пересекать Атлантику с целью непосредственной интеграции в инокультурное, а порой и иноязычное пространство. Благодаря этому они совершенствовали литературные подходы и навыки, перенимали культурные традиции принимающей страны, порождая тем самым новые тенденции. Если приводить примеры новых трендов, причиной возникновения которых стало взаимовлияние американских и европейских контркультурных движений в середине XX в., – это психоделический британский рок (симбиоз британского нашествия, ЛСД и культуры хиппи) или «Новый Голливуд» (слияние французской Новой Волны с мировоззрением хиппи).

Однако особый интерес представляет то время, когда трансатлантические контркультурные связи начинали зарождаться, а национальные нонконформистские движения еще развивались параллельно. Одним из таких примеров является «разбитое поколение» в США и «разгневанные молодые люди» в Великобритании – литературные движения первой половины 1950-х гг., которые заложили основы мировоззрения «поколения долгих шестидесятих».

Кто такие битники и «разгневанные молодые люди»?

Оглядываясь назад, в конец 1930-х гг., Фицджеральд сказал, что «под (потерянным. – А. Р.) поколением я понимаю ту реакцию против отцов, которая, кажется, происходит примерно три раза в столетие. Оно отличается набором идей, унаследованных в измененной форме от безумцев и преступников предыдущего поколения; ...у него есть свои лидеры, и оно вовлекает в свою орбиту тех, кто родился непосредственно перед ним и сразу после него, чьи идеи менее четкие и вызывающие»⁶. Определение Фицджеральда также актуально, когда речь идет об анализе мировоззрения битни-

⁶ Fitzgerald F. My lost city; The crack-up; Pasting it together; Handle with care; Afternoon of an author; Early success; My generation. Musicaum Books. 2017. P. 37.

ков – группы писателей и поэтов, появившихся в США в 1950-е гг., когда в обществе царили консервативные идеалы и ценности.

Однажды Г. Снайдер, поэт, которого причисляют к битникам, сказал, что никакого «разбитого поколения» не существует, так как нельзя назвать поколением группу из трех человек⁷. Действительно, у истоков битничества стояли три писателя – студенты Колумбийского университета Аллен Гинзберг, Джек Керуак и выпускник Гарварда Уильям Берроуз. Позже к литературному движению присоединились десятки писателей, поэтов и художников со всего мира, таких как Г. Корсо, П. Орловски, Н. Кэсиди и другие. Особую роль в зарождении движения сыграл Люсьен Карр, который познакомил «троицу битников» (The Beat Trinity) и вдохновил их на создание «Нового видения».

В конце 1950-х гг. Гинзберг описал поколение битников как «измученных, лежащих на дне мира, но смотрящих вверх; прогницательных, но отвергнутых обществом» [Carmona 2012, p. 2]. В 1980-х гг. Снайдер определил бит-поколение как «особое состояние ума в течение определенного периода времени, где-то с начала 1950-х гг. до середины 1960-х гг., когда джаз был заменен рок-н-роллом, а марихуана – ЛСД» [Carmona 2012, p. 2].

Как уже было сказано, битники, и впоследствии хиппи, строили свою идентичность по принципу «мы боремся со всем, что считается системой», поэтому главным элементом их философии было выступление против общества *squares*⁸. Смысл заключался в том, чтобы усилить различие между представителями монистической контркультуры и конформистами, которых можно назвать дуалистами.

Изначально это проявлялось в литературе и было выражено в пропаганде новых, более свободных форм искусства, таких как поэзия свободного стиля и экспериментальная проза. А позже распространилось на другие сферы жизни. Битники полагали, что революционные изменения последуют за личным освобождением и выпадением из основного общества, что отразилось во фразе Т. Лири “Turn On, Tune In, Drop Out” («Включись, Настройся, Выпадай»). Этот социальный побег принимал различные формы: путешествия Керуака по США автостопом абсолютно без денег, забвение алкоголизма и наркотическую зависимость, свободную любовь, где даже ориентация была способом протеста против мира

⁷ *Charters A.* The portable beat reader. N.Y.: Penguin Book. 2003. P. 1.

⁸ “*Squares*” – люди, которые живут в безопасности, которые застряли в своей зоне комфорта, в привычках и иллюзиях и думают, что их жизнь воплощена во всех мыслимых и немыслимых моральных устоях.

белых воротничков и семейной жизни в пригороде⁹. Стоит также сказать о странном смешении божемного гедонизма и аскетической духовности: битники искали своего рода аутентичность в трущобах и ночлежках низшего класса, а также в спонтанности буддизма с его верой в непостоянство человеческого существования.

«Разбитое поколение» – яркий пример взаимовлияния культур, зародившейся в США, и европейских, а также восточных культур. Большая часть творческого пути битников, если говорить о главных его представителях Гинзберге, Берроузе, Корсо и Орловски, прошла не в США, а по другую сторону Атлантического океана – во Франции, в Англии, в Марокко. В Танжере были написаны первые строки «Голого завтрака», а в Париже он был закончен и издан¹⁰; в Лондоне прошли первые чтения поэмы «Бомба», которая вызвала неоднозначную реакцию¹¹; а идея для «Кадиша» пришла в голову Гинзберга во время путешествия через Атлантику¹².

Несмотря на то что движение битников не было долговечным, оно оказало огромное влияние на культуру и искусство в США и за их пределами и считается одним из главных прародителей многих других контркультурных движений, таких как хиппи и панк-культура.

По другую сторону Атлантики молодым писателям, которых впоследствии называли «разгневанными молодыми людьми», также пришлось делать выбор в пользу нонконформизма. По происхождению они принадлежали к среднему классу: об их телах заботилась государственная программа здравоохранения, а их умы питались за счет государственных стипендий в университетах из красного кирпича¹³.

Поскольку они считали себя теми самыми сыновьями, за лучшую жизнь которых боролись их отцы, они решили сражаться против системы. При этом, в отличие от битников, «разгневанные молодые люди» не стремились создать обособленное нонконформистское общество, которое следовало общей цели и было отрезано от *squares*. Они, напротив, хотели стать частью мира богатства и власти.

⁹ Майлз Б. Бит Отель: Гинзберг, Берроуз и Корсо в Париже, 1957–1963. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. С. 92.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Там же. С. 69.

¹³ «Университеты из красного кирпича» – термин, обозначающий шесть университетов Англии, расположенных в крупных промышленных городах: Бирмингем, Бристоль, Ливерпуль, Манчестер, Лидс и Шеффилд.

Если задуматься, термин «разгневанные молодые люди» не слишком подходит данному литературному движению, что неудивительно, поскольку его придумали не представители движения, а журналисты, которые мало знали об обществе писателей того времени. Интересно, что в Англии упоминание о «разгневанных молодых людях» в некоторых литературных кругах говорило о недалекости человека¹⁴. В конце концов, в 1957 г. Осборн отверг «культ разгневанного молодого человека» как «дешевую журналистскую выдумку»¹⁵.

Сам термин, по словам Джона Холлоуэя, происходил от названия книги «Разгневанный молодой человек» Лесли Пола¹⁶. Ирония заключалась в том, что в мемуарах Пола речь шла о другом персонаже 1920-х и 1930-х гг., который стремился создать лучший мир с помощью левых «добрых дел». Если у «разгневанных молодых людей» 1950-х г. и было что-то общее, так это то, что они не принимали никаких действий, чтобы изменить свою жизнь или текущий статус-кво. В литературных произведениях они зачастую выступали антигероями, поскольку в них не было ничего героического или достойного восхищения.

*Новое видение по-английски:
сходства и различия битников
и «разгневанных молодых людей»*

В Великобритании битники приобрели популярность в конце 1950-х гг.: в 1958 г. на полках книжных магазинов Лондона появилась книга Керуака «В дороге»¹⁷, тогда же Гинзберг и Корсо посетили общество Генри Вона в Новом Колледже, где представили поэму «Бомба»¹⁸, а в 1959 г. в Европе вышла книга Берроуза «Голый завтрак»¹⁹. Кроме того, в том же 1959 г. вышел сборник под названием «Протест. Разбитое поколение и разгневанные молодые люди» под редакцией Джина Фельдмана и Макса Гартенберга²⁰, в которую входили произведения Керуака, Гинзберга и других

¹⁴ *Feldman G.* Protest. The beat generation and the Angry Young Men. L.: A Panther Book. 1959. P. 15.

¹⁵ *Carpenter H.* The angry young men: a literary comedy of the 1950s. Allen Lane, 2002. 256 p.

¹⁶ *Paul L.* Angry Young Men. L.: Faber & Faber; First Edition. 1951. 302 p.

¹⁷ *Kerouak J.* On the road. L.: Penguin Classics. 1957. 412 p.

¹⁸ *Corso G.* Bomb. L.: City Lights Books. 1958.

¹⁹ *Burroughs W.* The naked lunch. L.: Grove Press. 1959. 318 p.

²⁰ *Feldman G.* Op. cit.

битников, а также британских «разгневанных» писателей, таких как Джон Уэйн, Кингсли Эмис, Джон Осборн и Колин Уилсон. Впервые битников и «разгневанных молодых людей» поставили в один ряд, подчеркивая их схожесть. Поэтому именно 1958–1959 гг. автор статьи считает началом распространения влияния американских контркультур на Великобританию.

Однако литературная карьера «разгневанных» британских писателей началась до европейского периода битников, причем весьма успешно. Так, в 1953 г. Уэйн написал свой роман «Спешите вниз»²¹, годом позднее был опубликован «Счастливчик Джим»²² Эмиса, в 1956 г. вышла пьеса «Оглянись во гневе»²³ Осборна, которая считается манифестом этого литературного движения. Поэтому гораздо интереснее рассмотреть творчество именно этого периода, когда оба литературных движения развивались в рамках своих национальных границ, не особенно интересуясь друг другом.

Обратимся к сравнительному анализу работ представителей «разгневанных молодых людей» и «разбитого поколения» в поисках общего (характерного для всего поколения «долгих шестидесятых») и особенного (т. е. присущего одному из литературных течений). В центре анализа будут находиться главные герои наиболее известных произведений битников и «разгневанных молодых людей» – поэмы «Вопль» Гинзберга и пьесы «Оглянись во гневе» Осборна. Выбранные произведения, по мнению автора, отражают ключевые идеи нового видения битников и мировоззрения «разгневанных молодых людей» – так называемый неконформистский дискурс. В центре данного дискурса – неприятие системы и всех ее составляющих – института семьи и брака, образования, работы, религии и т. д.

Стоит сразу оговориться, что выбранные произведения являются автобиографичными, лирический герой – проекция писателя, а мысли героя – продукт рефлексии, т. е. если продолжать аллегорическую цепочку, предложенную Р. Бартом, то «все творчество Бодлера – в его житейской несостоятельности, все творчество Ван Гога – в его душевной болезни, все творчество Чайковского – в его пороке» [Барт 1989, с. 384–391], а все творчество представителей контркультур – в их протесте. Поэтому автору статьи придется часто возвращаться к биографии Гинзберга или Осборна.

Главным методом, который будет использован для выявления «общего и особенного» в мировоззрении битников и «разгне-

²¹ *Wain J.* Hurry on down. L.: Valancourt Books. 1953. 244 p.

²² *Amis K.* Lucky Jim. L.: Cleis Press. 1954. 296 p.

²³ *Osborne J.* Look back in anger. L.: Penguin plays: Faber Drama. 1982. 96 p.

ванных молодых людей» является критический дискурс-анализ. Для анализа «Вопля» подходит модель четырех основных тропов Берка – метафоры²⁴, метонимии²⁵, синекдохи²⁶ и иронии²⁷ [Burke 1969, p. 203], а для «Оглянись во гневе» будет использована теория имплицатур [Грайс 1985, с. 223], которая строится на различии между тем «что сказано» и тем, «что имелось в виду».

Гинзберг, родившийся в семье поэта и преподавателя филологии и обучавшийся в Колумбийском университете, в поэме «Вопль» иронизирует над каждой частью общества *squares*, противопоставляя и даже превознося таких, как он сам. «Лучшие умы моего поколения»²⁸ – с этих слов начинается поэма. В конформистском обществе он видел только зависимость и насилие, и, будучи тем, «кто прошел свои университеты с дерзким сиянием в глазах, галлюцинируя о трагедии Арканзаса и знаменитости Блейка среди знатоков войны»²⁹, он стремился к настоящей свободе – «остаться наедине со своим безумием»³⁰. Выражение «знатоки войны» (“the scholars of war”) также представляется автору статьи иронией, особенно если учесть, что в 1960-е гг. преподаватели университетов активно участвовали в демонстрациях против войны во Вьетнаме [Quarter 1972, p. 11].

Для выявления отрицательных характеристик общества *squares* как аут-групп и положительных особенностей битников как ин-групп [Ван Дейк 2013, с. 22] Гинзберг использует в том числе религиозные образы.

В поэме можно проследить четкое разделение религиозных коннотаций Гинзберга по отношению к своим братьям и всему остальному обществу, противостоящему им. Автор часто употребляет слова «святой» и «ангел», описывая битников. Причем если в начале работы он использует метафоры: «ангелоголовые хипстеры»³¹

²⁴ Разновидность образного языка, которая используется как средство сравнения различных образов, принципиально не похожих друг на друга.

²⁵ Фигура речи, в которой предмет или понятие обозначается именем чего-то, тесно связанного с ним.

²⁶ Фигура речи, в которой часть представляет собой целое, или наоборот.

²⁷ Сатирический прием, в котором истинный смысл скрыт или противоречит (противопоставляется) явному смыслу

²⁸ “The best minds of my generation” (*Ginsberg A. Howl and other poems*. San-Francisco: City Lights Pocket Poets, 1957. P. 9).

²⁹ “Who passed through universities with radiant cool eyes hallucinating Arkansas and Blake-light tragedy among the scholars of war” (*Ginsberg A. Op. cit.*)

³⁰ “Who demanded sanity trials accusing the radio of hypnotism & were left with their insanity & their hands & a hung jury” (*Ginsberg A. Op. cit.* P. 15).

³¹ “Angelheaded hipsters” (*Ginsberg A. Op. cit.* P. 9).

или «белокурый, нагой ангел»³², то в послесловии переходит к прямому перечислению: «Святой Питер Святой Аллен Святой Соломон Святой Люсьен Святой Керуак Святой Ханк Святой Берроуз Святой Кэссиди»³³.

Конформистское общество у Гинзберга передано через иудейский образ – Молоха³⁴, который предстает перед читателями «сфинксом из цемента и алюминия»³⁵, который «разворотил им черепа и сожрал их мозги и воображение»³⁶. Слово «Молох» во второй части поэмы повторяется 38 раз. Этим автор демонстрирует, как активно насаждаются консервативные традиции через институт семьи³⁷, институт образования³⁸ и моду на бездумное потребление³⁹. Читатель видит презрение автора к материализму общества того периода, переданное через следующие метафоры: «Молох чей разум идеальный механизм! Молох чья кровь денежные реки! Молох чьи пальцы суть десять армий!»⁴⁰, «Молох чья любовь – нескончаемые нефть и камень! Молох чья душа – электричество и банки!»⁴¹. В этих словах раскрывается отношение Гинзберга к американскому обществу, от которого нужно бежать. И неважно куда, потому что в погоне за американской мечтой можно «переломать себе позвоночники вознося Молоха в Небеса!»⁴².

Главным объектом анализа в пьесе «Оглянись во гневе» является Джимми Портер, который считается собирательным образом

³² “When the blonde & naked angel came to pierce them with a sword” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 12*).

³³ “Holy Peter holy Allen holy Solomon holy Lucien holy Kerouac holy Huneke holy Burroughs holy Cassady” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 21*).

³⁴ Семитское божество, требующее множества человеческих жертв.

³⁵ “What sphinx of cement and aluminum bashed open their skulls and ate up their brains and imagination?” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 17*).

³⁶ *Ginsberg A. Op. cit.*

³⁷ “Moloch who entered my soul early!” (*Ginsberg A. Op. cit.*).

³⁸ “Moloch in whom I am a consciousness without a body! Moloch who frightened me out of my natural ecstasy!” (*Ginsberg A. Op. cit.*).

³⁹ “Moloch! Moloch! Robot apartments! invisible suburbs! skeleton treasuries! blind capitals! demonic industries! spectral nations! invincible mad-houses! granite cocks! monstrous bombs!” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 18*).

⁴⁰ “Moloch whose mind is pure machinery! Moloch whose blood is running money!” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 17*).

⁴¹ “Moloch whose love is endless oil and stone! Moloch whose soul is electricity and banks!” (*Ginsberg A. Op. cit.*).

⁴² “They broke their backs lifting Moloch to Heaven!” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 18*).

всех «разгневанных молодых людей». И образ этот представляется читателю достаточно неприятным, так как с первых строк видна вербальная агрессия Джимми по отношению к Клиффу и Элисон. Стоит сказать, что Джимми не использует обценной лексики. Однако общая стратегия ведения диалога выдает в нем демонстрационного, неврастеничного манипулятора.

Джимми контролирует каждый диалог, который начинает, превращая его не столько в разговор, сколько в прерывистую тираду. Все его вопросы, подразумевающие развернутый ответ (“Wh-questions”), часто являются риторическими. Он использует вопрос «почему» не для того, чтобы узнать мнение людей, а, наоборот, чтобы присвоить себе исключительное право на ответ и привлечь внимание. Идею своей исключительности он доказывает путем оскорбления других, называя Клиффа «невеждой» и расширяя его до термина «крестьянин»⁴³ – в метафорическом смысле человека, которому не хватает знаний и опыта. Затем в вербальную цепочку оскорблений добавляется «валлиец»⁴⁴, что демонстрирует презрительное отношение не только к тем, кто ниже Джимми по статусу, но и к тем, кто не является англичанами.

Стоит сказать о теме, с которой начался этот разговор, – Джимми не чувствует себя достаточно образованным, и это ущемляет его самолюбие. Ударение на “you” в одной из строк⁴⁵ подразумевает, что Джимми сам чувствует себя невеждой из-за рецензий, а принижение окружающих заставляет его чувствовать себя лучше, особенно если они на самом деле выше него по социальному статусу, как Элисон.

В той же строке Джимми использует слово «крестьянин» во второй раз чтобы начать атаку на Элисон⁴⁶. В данном случае – в буквальном смысле: Элисон просят подтвердить, что она не принадлежит к крестьянскому сословию. Это является прямой насмешкой: на протяжении всей пьесы Джимми использует происхождение Элисон против нее. Утверждение, с которого он начинает, заключается в том, что Элисон безмозглая только потому, что она принадлежит к привилегированному классу. Это подразумевается

⁴³ “JIMMY: Well, you are ignorant. You’re just a peasant” (*Osborne J. Op. cit. P. 2*).

⁴⁴ “JIMMY: DO that again, you Welsh ruffian, and I’ll pull your ears off” (*Osborne J. Op. cit. P. 3*).

⁴⁵ “JIMMY: I’ve just read three whole columns on the English Novel. Half of it’s in French. Do the Sunday papers make you feel ignorant?” (*Osborne J. Op. cit. P. 2*).

⁴⁶ “JIMMY: Well, you are ignorant. You’re just a peasant. (To Alison.) What about you? You’re not a peasant, are you?” (*Osborne J. Op. cit.*).

во фразе «У нее уже много лет нет ни одной мысли»⁴⁷ или «бремя белой женщины»⁴⁸, то есть женщины привилегированного сословия не могут иметь своего мнения.

Также Джимми использует еще один важный диалогический прием/импликацию, чтобы расширить рамки своей атаки на Элисон. Он апеллирует к тому, что называют «общими предложениями» [Labov, Waletzky 1997, p. 24]: к убеждениям или моральным принципам, лежащим в основе «конформистского» дискурса, не называя их прямо. Речь идет о том, что жены должны поддерживать своих мужей и быть внимательными к ним. Он обвиняет Элисон в том, что ей скучны его разговоры, а она, как его жена, должна быть всегда заинтересована. Этот намек можно увидеть в именах, которые он выбирает для обращения к себе и к ней, подчеркивая супружеские отношения – «старый Портер/миссис Портер»⁴⁹, уничижительное «моя жена»⁵⁰. Его тон жесток и саркастичен, как будто он считает, что у него есть основания обвинять ее в невыполнении своих обязательств, в то время как он выполняет свои, ведя диалог. Помимо иллюстрации техники подразумеваемых предложений, этот диалог демонстрирует противоречия в идеологии Джимми: он порицает Элисон за нарушение условностей буржуазного института брака, которые он сам постоянно осуждает и порицает. Это порождает двойные стандарты – главную составляющую «неконформистского дискурса» у «разгневанных молодых мужчин». Они не довольны существующим положением дел, но не готовы отречься от конформистских представлений о мире и обществе, они борются с системой, отчаянно желая стать ее частью.

Заключение

«Разбитое поколение» и «разгневанные молодые люди» – первое поколение писателей после Второй мировой войны, когда трансатлантические контркультурные связи только начали разви-

⁴⁷ “JIMMY: Can’t think! (Throws the paper back at him.) She hasn’t had a thought for years! Have you?” (*Osborne J. Op. cit. P. 3*).

⁴⁸ “JIMMY: Well, she can talk, can’t she? You can talk, can’t you? You can express an opinion. Or does the White Woman’s Burden make it impossible to think?” (*Osborne J. Op. cit. P. 2*).

⁴⁹ “Old Porter talks, and everyone turns over and goes to sleep. And Mrs. Porter gets ‘em all going with the first yawn” (*Osborne J. Op. cit.*).

⁵⁰ “JIMMY: Why don’t you get my wife to explain it to you?” (*Osborne J. Op. cit. P. 3*).

ваться. Оба литературных движения существовали в рамках своих национальных границ, и ни о каком влиянии в данном контексте говорить не стоит. С одной стороны, «разгневанные» никогда в своих произведениях не упоминали битников. С другой – существует немало аспектов «идеологии» битников, которые нелегко перенести в Великобританию. Например, их религиозность или увлечение открытыми дорогами.

Главное сходство между «разгневанными молодыми людьми» и «разбитым поколением» заключается в том, что мейнстрим казался представителям этих контркультурных движений бессмысленным и устаревшим, а представления о личности и обществе требовали пересмотра.

Однако сам мейнстрим они видели по-разному. Для битников система была абстрактной, практически неосозаемой. Поэтому Гинзберг сравнил ее с божеством, Молохом. В свою очередь, «разгневанные молодые люди» видели систему прежде всего в людях – в тех, кто женится, в тех, кто ходит в церковь, в тех, кто относится к высшему сословию. Именно поэтому способ борьбы они выбрали разный. Первые, отрицая систему, но будучи безумно влюбленными в людей, стремились создать новое сообщество свободы и самовыражения, а вторые – продолжали искать связь с миром squares, ибо, по их мнению, внутри этого мира находилась истина социальной реальности.

Оба контркультурных движения возникли вследствие послевоенного кризиса идентичности, их появление актуализировало саму идею перемен и помогло подготовить почву для более масштабной культурной и социальной революции 1960-х гг. – в художественной литературе, театре, моде, музыке, СМИ, политике, искусстве, кино, а также гендерных отношениях и сексуальности. В итоге они заложили основы для контркультурных движений, которые впоследствии изменят мир, – хиппи в США и моды в Великобритании. И в этом последующем влиянии также заключалось сходство «разбитого поколения» и «разгневанных молодых людей».

Литература

- Барт 1989 – *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Вайнен 2020 – *Вайнен Р.* Долгий '68: Радикальный протест и его враги. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 625 с.
- Ван Дейк 2013 – *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 340 с.

- Грайс 1985 – *Грайс Г.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 218–228.
- Гришин 2015 – *Гришин М.* Субкультура битников и их рецепция дзэн-буддизма в США (вторая половина 50 – середина 60-х годов XX в.) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67), сентябрь–октябрь. С. 116–122.
- Пленков 2023 – *Пленков О.* «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. СПб.: Владимир Даль, 2023. 473 с.
- Фишман 2012 – *Фишман Л.* Героизм и универсализм // Антиномии: Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2012. Вып. 12. С. 227–234.
- Burke 1969 – *Burke K.* A Rhetoric of motives. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1969. 356 p.
- Carmona 2012 – *Carmona C.* Keeping the beat: The practice of a beat movement. Ph.D. Thesis (Philosophy). College Station: Texas A&M University, 2012. 263 p.
- Hendershot 2020 – *Hendershot R.* 'Reflecting on the "cultural turn": New directions in the study of Anglo-American relations and the special relationship // Journal of Transatlantic Studies. 2020. Vol. 18. No. 4. P. 455–476.
- Kosc 2013 – *Kosc G.* The transatlantic sixties: Europe and the United States in the counterculture decade. Bielefeld: Transcript Verlag, 2013. 322 p.
- Labov, Waletzky 1997 – *Labov W., Waletzky J.* Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Journal of Narrative and Life History. 1997. Vol. 7. No. 1–4. P. 3–38.
- Marwick 1998 – *Marwick A.* The sixties: Cultural revolution in Britain, France, Italy and the United States. N.Y.: Oxford University Press, 1998. 812 p.
- Quarter 1972 – *Quarter J.* The student movement of the sixties. Ontario: The Ontario Institute for studies in education, 1972. 138 p.
- Roszak 2003 – *Roszak T.* Person/planet: The creative disintegration of industrial society. Bloomington, Indiana: iUniverse, 2003. 380 p.
- Said 1984 – *Said E.* The mind of winter: reflections on a life in exile // Harper's Magazine. 1984. Vol. 269. P. 49–55.

References

- Barthes, R. (1989), "The death of the author", in *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika, Progres* [Selected works: Semiotics. Poetics], Fontana, London, UK, pp. 142–148.
- Burke, K. (1969), *A Rhetoric of motives*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, USA.
- Carmona, C. (2012), *Keeping the beat: The practice of a beat movement*, Ph.D. Thesis (Philosophy), Texas A&M University, College Station, USA.
- Fishman, L. (2012), "Heroism and universalism", in *Antinomii: Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Antinomies: Scientific Yearbook of the Institute

- of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], iss. 12, pp. 227–234.
- Grajs, G. (1985), “Logic and verbal communication”, in *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 16: Lingvističeskaya pragmatika [The New in Foreign linguistics, iss. 16: Linguistic pragmatics], Moscow, USSR, pp. 218–228.
- Grishin, M. (2015), “Beatnik subculture and their reception of Zen Buddhism in the United States (second half of the 1950s to mid-1960s)”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstvo*, vol. 67, no. 5, pp. 116–122.
- Hendershot, R. (2020), “Reflecting on the ‘cultural turn’: New directions in the study of Anglo-American relations and the special relationship”, *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 18, no. 4, pp. 455–476.
- Kosc, G. (2013), *The transatlantic sixties: Europe and the United States in the counterculture decade*, Transcript Verlag, Bielefeld, Germany.
- Labov, W. and Waletzky, J. (1997), “Narrative analysis: Oral versions of personal experience”, *Journal of Narrative and Life History*, vol. 7, no. 1–4, pp. 3–38.
- Marwick, A. (1998), *The sixties: Cultural revolution in Britain, France, Italy and the United States*, Oxford University Press, New York, USA.
- Plenkov, O. (2023), “*Revoljutsiya*” 1968-go: *epokha, fenomen, nasledie* [The “revolution” of 1968: epoch, phenomenon, legacy], Vladimir Dal', Saint Petersburg, Russia.
- Quarter, J. (1972), *The student movement of the sixties*, The Ontario Institute for studies in education, Ontario, Canada.
- Roszak, T. (2003), *Person/planet: The creative disintegration of industrial society*, iUniverse, Bloomington, Indiana, USA.
- Said, E. (1984), “The mind of winter: reflections on a life in exile”, *Harper's Magazine*, vol. 269, pp. 49–55.
- Van Dijk, T. (2013), *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power Representation of dominance in language and communication], Knizhnyj dom “Librokom”, Moscow, Russia.
- Vinen, R. (2020), *Dolgi '68: Radikal'nyi protest i ego vragi* [The long '68: Radical protest and its enemies], Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александра С. Роговцева, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; al.rogovtseva@gmail.com

Information about the author

Aleksandra S. Rogovtseva, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; al.rogovtseva@gmail.com

Мировоззренческие приоритеты
будущего греко-католического митрополита
Андрея Шептицкого
в начальный период его общественной активности

Юрий А. Борисенок

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, rodina2001@mail.ru*

Александр М. Пшеничный

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, pshenichniy-michail@mail.ru*

Аннотация. В работе рассмотрены отложившиеся в источниках сведения о юношеском мировоззрении графа Романа Шептицкого, впоследствии греко-католического митрополита Андрея (1865–1944). Предпринята попытка проанализировать информацию по данной теме, начиная с детских лет будущего иерарха. Утверждения, содержащиеся в воспоминаниях матери Романа Зофьи Шептицкой, сопоставлены с фактами, о которых свидетельствует семейная переписка Шептицких рассматриваемого периода. Помимо прямых высказываний молодого графа и его матери, относящихся к его мировоззрению, уделено внимание информации, которая косвенно свидетельствует об этом, в частности данных об участии Романа в различных объединениях учащихся. При описании атмосферы, в которой Шептицкий обучался в университете Бреслау, затронута тема характера структуры «чужого». В связи с этим описаны основы противостояния католиков и социалистов в Великом княжестве Познанском. В частности, проведено сравнение католических и социалистических учений об обществе. Затронут вопрос о характере участия Шептицкого в деятельности братства филаретов в Ягеллонском университете. Выявлено значение публичной смены национальной самоидентификации будущего митрополита в 1885 г. Сделан вывод о мировоззренческих приоритетах Шептицкого в описываемый период.

Ключевые слова: идентичность, ценности, мировоззрение, самосознание, греко-католики

Для цитирования: Борисенок Ю.А., Пшеничный А.М. Мировоззренческие приоритеты будущего греко-католического митрополита Андрея Шептицкого в начальный период его общественной активности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 134–143. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-134-143

Worldview priorities
of the future Greek Catholic Metropolitan
Andrey Sheptytsky
in the initial period of his public activity

Yurii A. Borisenok

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
rodina@mail.ru*

Aleksandr M. Pshenichnyi

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
pshenichniy-michail@mail.ru*

Abstract. The paper examines the information deposited in the sources and connected with the youth worldview of Count Roman Sheptytsky, later the Greek Catholic Metropolitan Andrey (1865–1944). An attempt has been made to analyze the data on this topic, going right back to the childhood of the future hierarch. The statements contained in the recollections of Roman's mother, Zofia Szeptycka, are compared with the facts evidenced by the Sheptytyskys' family correspondence of the period under review. In addition to the direct statements of the young count and his mother relating to his worldview, attention is paid to the information that indirectly proves this, in particular, the data on Roman's participation in various student associations. When describing the atmosphere of Breslau University of which Sheptytsky was a student, the topic of the nature of the "alien" structure is touched upon. In this regard, the foundations of the confrontation between the Catholics and the Socialists in the Grand Duchy of Poznań are outlined. In particular, a comparison was made between the Catholic and the Socialist doctrines of the society. The article explicates the nature of Sheptytsky's participation in the activities of the Philaret brotherhood at Jagiellonian University. The significance of the public change in 1885 of the national self-identification of the future metropolitan is revealed. The conclusion is made about the Sheptytsky's worldview priorities in the described period.

Keywords: identity, values, worldview, self-awareness, Greek Catholics

For citation: Borisenok, Yu.A. and Pshenichnyi, A.M. (2024), "Worldview priorities of the future Greek Catholic Metropolitan Andrey Sheptytsky in the initial period of his public activity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 134–143, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-134-143

Заметная и весьма неоднозначная роль, которую греко-католический митрополит Андрей Шептицкий (1865–1944) играл в истории Галиции в первой половине XX в., во многом обуславливает интерес исследователей к его идентичности.

Это связано еще и с тем, что само принятие им монашества и переход в греко-католический обряд с самого начала вызывали споры в обществе о причинах такого поступка: многие связывали это не с религиозными мотивами юного графа, а со стремлением польской аристократии и иезуитов взять под свой контроль греко-католическую церковь в Галиции с целью ее реформирования в сторону полонизации и латинизации¹.

Точка в разработке этой темы не поставлена до сих пор. Это связано, среди прочего, со сложностью анализа такой сущности, как идентичность личности. Мы никогда не сможем узнать до конца степень полноты и истинности отложившейся в источниках информации о представлении того или иного человека о своем месте в обществе, о принадлежности к различным общностям. Так или иначе, утверждения, напрямую свидетельствующие о личной идентичности, целесообразно сопоставить с косвенными данными, в частности с информацией о деятельности, контактах, увлечениях, круге общения личности. В этом плане особо важен для анализа период юности человека, поскольку в это время, с одной стороны, во многом под воздействием окружения формируется картина мира, а с другой стороны, уже начинают появляться устойчивые убеждения, основанные, среди прочего, на критическом осмыслении фактов и объясняющих их теорий.

Целью данной статьи является анализ отражения в источниках мировоззренческих приоритетов Романа Шептицкого в период до окончания им университета. Это может позволить более полно охарактеризовать идентичность будущего митрополита и в какой-то мере объяснить характер ее изменений.

Личности и деятельности Андрея Шептицкого посвящена довольно обширная литература на польском, украинском и западно-

¹ *Титов Ф.И.* Русское духовенство в Галиции (из наблюдений путешественника). Киев: Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1903. С. 23–26.

европейских языках. Проблематика его идентичности освещена в статьях А. Зембы [Zięba 1994], С. Стемпня [Стемпень 2015], В. Желязного [Żelazny 2001] и М. Новак [Nowak 2009]. Вопросы национальной идентичности митрополита Андрея до 1914 г. комплексно рассмотрены в монографии М. Новак [Nowak 2018]. В российской историографии отсутствуют исследования, посвященные идентичности Андрея Шептицкого.

Основными источниками, использованными в статье, являются тексты личного происхождения, написанные родными и знакомыми Романа Шептицкого. Главный среди них – это воспоминания его матери Зофьи. Одним из его важнейших достоинств, полезных для данной работы, является наличие в нем текстов писем Романа. Также привлекались документы образовательных организаций, в которых сохранились сведения об общественной активности Шептицкого.

Граф Роман Александр Мария Шептицкий родился 29 июля 1865 г. в родовом имении Прилбичи близ Яворова в Восточной Галиции. Род Шептицких выводился из знати Галицкой Руси, однако в течение многовекового процесса инкорпорации в польскую шляхту и нахождения в ней постепенно утрачивал многое из того, что свидетельствовало о его непольском происхождении. К середине XIX в. в публичном пространстве практически ничего не свидетельствовало о какой-либо обособленности Шептицких в рамках польской знати. Да и внутри семьи господствовали польский язык (наряду с французским) и культура, дедом Романа Шептицкого по матери был знаменитый польский драматург Александр Фредро (1793–1876); все родственники будущего униатского иерарха на момент его рождения исповедовали исключительно католичество латинского обряда. Так что сохранение детьми из такой семьи польской идентичности было вполне естественным – стоит упомянуть младшего брата митрополита Андрея – генерала Станислава Шептицкого (1867–1950), видного участника становления независимой Польши, министра военных дел в 1923 г.

В детстве Роман Шептицкий был балагуром, любил лошадей, оружие и охоту. Уехав в Краков учиться в гимназию, каждый день писал родителям письма, в которых интересовался, что происходит дома, чем занимаются родные, домочадцы, выражал свою тоску по Прилбичам. Мать описывала Шептицкого-гимназиста как весьма сознательного в вопросах веры подростка. Польская исследовательница М. Новак склоняется к тому, что это идеализация, характерная для матери, а также связанная с монашеством сына во время написания воспоминаний, ну и, конечно, с прошедшим временем, которое сглаживает впечатления, нередко накладывает одни на

другие, более поздние на более ранние, что может приводить к анахронизмам в описаниях [Nowak 2018, s. 86, 96].

В этом плане более интересны сведения, сообщенные в письмах, близких по времени к тому, о чем в них рассказывается. В 1880 г. после смерти старшего брата Ежи Петра 15-летний Роман в письме к матери утешал ее: «Он счастливый! Ему там лучше на небе, чем в Кракове, и с Богом – чем с людьми»². Роман учился лучше своих братьев, хотя те тоже были не последними в классе по успеваемости³, а от многих ровесников отличался особой религиозностью, причем публичной. Это выражалось, например, в его совместной с товарищами просьбе к директору поставить экзамен по религии первым среди выпускных как самый важный.

Косвенные данные о взглядах будущего митрополита в период его университетского обучения можно получить, рассмотрев его участие в деятельности различных студенческих обществ. Изучая право в университете Бреслау (ныне Вроцлав), Роман Шептицкий и его младший на год брат Александр (1866–1940) вступили в Литературно-Славянское общество. Примечательно, что это произошло уже в 1884 г., т. е. в первые месяцы пребывания здесь Романа, начавшего учебу 23 октября 1884 г. Братья выступили в этом обществе с докладами о произведениях Адама Мицкевича (Роман о «Барских конфедератах», а Александр о пьесе «Якуб Ясинский или две Польши», оба текста написаны по-французски). Что больше всего вызывало интерес Шептицких к творчеству поэта – художественные качества его творений, его ярко выраженная польская идентичность или то, что Мицкевич был знаком с их матерью, – остается дискуссионным вопросом. В том же 1884 г. братья участвовали в создании Общества Гозия⁴, целью которого, по сообщению крестницы Романа Шептицкого монахини Марии Крысты, было обеспечение поддержки польским католическим священникам в условиях германизации [Zięba 1991, s. 109].

² Шептицька С. з *Фредрів*. Молодість і покликання о. Романа Шептицького. Спогади. Львів: Свічачо, 2009. С. 11.

³ Sprawozdanie dyrektora c.k. gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1880. Kraków, 1880. S. 49; Sprawozdanie dyrektora c.k. gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1881. Kraków, 1881. S. 65; Sprawozdanie dyrektora c. k. gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1882. Kraków, 1882. S. 96; Sprawozdanie dyrektora c.k. gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1883. Kraków, 1883. S. 57–63.

⁴ Гозий Станислав (1504–1579) – польский кардинал, активный деятель контрреформации, основал первый в Польше иезуитский коллегиум.

В университете Бреслау, по словам Зофьи Шептицкой, у ее сыновей было совершенно чуждое окружение, а именно: равнодушное в религиозном плане⁵. В студенческой среде там наблюдалось противостояние социалистов и католиков⁶, т. е. в данном случае конфессиональная группа помещается в одну плоскость с политическим движением, ставящим своей целью преобразования в социально-экономической сфере. Это при том, что сами предметы учений находятся в разных плоскостях: католицизм (и шире: христианство) объясняет, как человеку спастись для вечной жизни со Христом, а социализм – как сделать общество справедливым.

Католиков в ситуации 1880-х гг. не устраивало безбожие социалистов, а социалистов – поддержка церковью существующего социального устройства и запрет на революционную деятельность. Другими словами, католики-консерваторы противостояли радикалам-социалистам, но при этом в условиях Германской империи при Бисмарке носители обоих мировоззрений были подозрительны для официальных властей в Берлине. Это обстоятельство придавало особый колорит противостоянию социалистов и католиков.

Атмосфера внутриуниверситетской борьбы нравилась Роману Шептицкому, что видно из письма матери, которое он написал, покидая Бреслау в 1885 г.⁷ М. Новак задается вопросом, шла ли при этом речь о спорах католиков с социалистами или поляков с немцами [Nowak 2018, s. 148]? Представляется, что конфессиональная и национальная составляющие дискуссии были в тот период тесно переплетены, причем среди поляков, обучавшихся в Бреслау, в то время социалистов еще не было.

В Ягеллонском университете в Кракове Роман включился в работу католического братства филаретов, выделившегося из радикального академического читательского клуба. Согласно уставу, главными принципами деятельности организации были: «а) польскость и любовь к национальной традиции; б) уважение религиозных чувств и убеждений; с) почтение к Ягеллонскому университету; d) любовь к науке и добросовестное исполнение университетских обязанностей; е) строгое соблюдение академической чести; f) искреннее товарищество; g) уважение любых убеждений, если они не вредят перечисленным выше принципам» [Nowak 2018, s. 149]. Как видно, на первом месте стоит национальность, на втором – религия,

⁵ Шептицька С. з Фредрів. Указ. соч. С. 35.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Там же.

на третьем – университет и наука, декларируемый плюрализм ограничивается этими принципами⁸ [Ratajska 1987].

Образцом польского патриота для членов братства выступал А. Мицкевич, то есть можно квалифицировать его как национальное. Шептицкого выбрали в 1886 г. председателем братства. Он согласился занять этот пост, как полагает М. Новак, при условии проведения реформ в плане большего внимания к религиозной направленности деятельности филаретов. На студенческих собраниях, которые устраивал в 1886 г. будущий иерарх, обсуждались проблемы, которые затрагивали «церковь и страну»⁹. Шептицкий участвовал в студенческих объединениях за идею, а не за компанию, там впервые проявились его лидерские наклонности. Примечательно, что украинских элементов в его окружении в это время не обнаружено, в частности, не прослеживаются контакты с действовавшим в Ягеллонском университете объединением украинской молодежи «Академическая громада» [Nowak 2018, ss. 145–152].

В 1885 г. в книге «родословных» Ягеллонского университета в графе «национальность» 20-летний граф Шептицкий зачеркивает слово “polska” и записывает: “ruska” [Nowak 2018, s. 222]. Причины этого поступка по-разному представлены в воспоминаниях родных и сторонних наблюдателей. Первые указывали, что таким образом Шептицкий вернулся к старинной семейной традиции, речь шла также о религиозном мотиве. Вторые писали о политических мотивах. Так, мемуарист М. Росцо-Богданович объяснял это текущей конъюнктурой: Станислав Бадени, младший брат будущего наместника Галиции в 1888–1895 гг. польского графа Казимежа Бадени, считал, что нужно поставить нового униатского митрополита из шляхты «русского» происхождения, чтобы противостоять москвофильским тенденциям. При этом автор воспоминаний приводит труднообъяснимое утверждение, что митрополит Сембратович был уже стар. В это время (1885 г.) 63-летний Иосиф Сембратович, отстраненный в 1882 г. от должности галицкого митрополита после скандала в Гниличках¹⁰, уже как три года находился в Риме. Однако

⁸ Rocznik Filarecki. Kraków: Nakł. Bractwa Akademickiego Filaretów, 1886. 719 s.: Kronika Uniwersytetu Jagiellońskiego od r. 1864 do r. 1887 i obraz jego stanu dzisiejszego wraz z rzeczą o rektorach od czasów najdawniejszych. Kraków: Wyd. Senatu Akademickiego, 1887. 344 s.

⁹ Шептицька С. з *Фредів*. Указ. соч. С. 46.

¹⁰ Жители этого села попытались перейти в православие, в чем власти усмотрели проявление антиавстрийской интриги. В связи с этим были проведены следствие и судебный процесс.

кажется маловероятным, что речь может идти о занявшем в том же 1885 г. вакантную митрополичью кафедру 49-летнем племяннике Иосифа Сильвестре Сембратовиче (1836–1898). Так или иначе, по сообщению Росцо-Богдановича, в 1885 г. С. Бадени обратился к князю Адаму Сапеге (1828–1903) насчет его сына Адама, будущего краковского кардинала, но 18-летний Адам (1867–1951) отказался. Затем Бадени обратился к графу Яну Канты Шептицкому, тот согласился и отдал своего сына Романа в греко-католическую семинарию¹¹. В свою очередь, епископ Петр Маньковский отмечал, что выбор Романа был связан с желанием привести Россию к унии с католической церковью¹².

Таким образом, рассмотренные источники не позволяют сделать окончательный вывод о непосредственных причинах изменения идентичности Романа Шептицкого. Тем не менее анализ источников показал, что религиозная сфера с самого начала сознательного периода жизни стала для будущего митрополита Андрея одной из приоритетных. Весьма вероятно, что представители польской аристократии действительно связывали с его деятельностью некоторые политические чаяния, однако следует признать, что выбор именно кандидатуры старшего (из живых на тот момент) сына графа Яна Канты Шептицкого была не случайной в том смысле, что он проявлял неподдельный интерес к церковной жизни. Характерно и то, что смена им национальной идентичности с польской на русинскую совпала по времени с периодом окончательного принятия решения стать греко-католическим монахом. В связи с этим можно предполагать сознательное изменение собственной идентичности с определенными целями, связанными с деятельностью в религиозной сфере.

Литература

Стемпень 2015 – *Стемпень С.* Поляк з походження та виховання, український архієрей і патріот з вибору... Митрополит Андрей Шептицький і Польща та поляки // Ковчег. Науковий збірник з церковної історії. Ч. 7. Львів: Видавництво УКУ, 2015. С. 251–268.

Nowak 2009 – Nowak M. Świadomość narodowa metropolity Andrzeja Szeptyckiego – moment wyboru – 1885 r. // *Pogranicza. Ludzie pogranicza* / Red. W. Brenda,

¹¹ Rosco Bogdanowicz M. Wspomnienia. T. 1 / Przedmowa A. Knot; przygotowanie do druku, przypisy, przekład obcych tekstów J. Gintel. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1959. S. 198.

¹² Mańkowski P. Pamiętniki. Warszawa: DiG, 2002. S. 69.

- J. Kielbik. Olsztyn: Towarzystwo Naukowe; Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 2009. S. 124–134.
- Nowak 2018 – *Nowak M.* Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018. 614 s.
- Ratajska 1987 – *Ratajska K.* Dziedzice filomatyzmu. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. 237 s.
- Zięba 1991 – *Zięba A.A.* Sister Maria Krysta Szembek and her memoirs // Harvard Ukrainian Studies. 1991. Vol. 15. No. 1–2. P. 88–171.
- Zięba 1994 – *Zięba A.A.* W sprawie genezy decyzji Romana Szeptyckiego o zmianie obrządku // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / Red. A.A. Zięba. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1994. S. 43–64.
- Żelazny 2001 – *Żelazny W.* „Konwersje” Metropolity Andrzeja Szeptyckiego jako problem Kościoła katolickiego w Polsce // Przegląd Religioznawczy. 2001. № 1. S. 3–21.

References

- Nowak, M. (2009), “Świadomość narodowa metropolity Andrzeja Szeptyckiego – moment wyboru – 1885 r.”, in Brenda, W. and Kielbik, J., eds., *Pogranicza. Ludzie pogranicza*, Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, Olsztyn, Poland, pp. 124–134.
- Nowak, M. (2018), *Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk, Poland.
- Ratajska, K. (1987), *Dziedzice filomatyzmu*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław, Warszawa, Kraków, Poland.
- Stempen', S. (2015), “Pole by birth and upbringing, Ukrainian bishop and patriot by choice... Metropolitan Andrei Sheptitskii and Poland and the Poles”, in *Kovcheg. Naukovyi zbirnyk z tserkovnoi istorii* [Ark. Collected articles on church history], vol. 7, Vydavnytstvo UKU, L'viv, Ukraine, pp. 251–268.
- Zięba, A.A. (1991), “Sister Maria Krysta Szembek and her Memoirs”, in *Harvard Ukrainian Studies*, vol. 15, no. 1–2, pp. 88–171.
- Zięba, A.A. (1994), “W sprawie genezy decyzji Romana Szeptyckiego o zmianie obrządku”, in Zięba, A.A. (ed.), *Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały*, Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, Kraków, Poland, pp. 43–64.
- Żelazny, W. (2001), “ ‘Konwersje’ Metropolity Andrzeja Szeptyckiego jako problem Kościoła katolickiego w Polsce”, *Przegląd Religioznawczy*, no. 1, pp. 3–21.

Информация об авторах

Юрий А. Борисенок, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; rodina2001@mail.ru

Александр М. Пшеничный, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; pshenichniy-michail@mail.ru

Information about the authors

Yurii A. Borisenok, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia; rodina@mail.ru

Aleksandr M. Pshenichnyi, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia; pshenichniy-michail@mail.ru

Публичная дипломатия как инструмент реализации внешней политики Ватикана: анализ стратегического нарратива папы Франциска I

Павел К. Симонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dps250184@rambler.ru*

Аннотация. Современные научные исследования показывают, что религия все больше определяет образ жизни обществ, в которых получили распространение традиционные конфессии. В качестве причин называются социальные трансформации в развивающихся и развитых государствах, вызванные экономической модернизацией и миграционными процессами, а также неэффективность управленческих моделей, используемых политическими элитами. Мировые религии адаптируются к современной ситуации и стремятся влиять на общественно-политические процессы. Это характерно и для Ватикана, города-государства, осуществляющего руководство Римско-католической церковью. Важной задачей политики Ватикана в последние десять лет является стремление повысить значимость католической церкви за пределами ее традиционной сферы влияния. В статье рассматривается публичная дипломатия Ватикана как инструмент реализации его внешней политики посредством анализа стратегического нарратива папы Франциска I. Цель исследования – определить уникальность стратегического нарратива публичной дипломатии Ватикана в период начала понтификата Франциска I, направленного на трансформацию образа Римско-католической церкви и укрепления ее отношений с верующими за рубежом. Подчеркивая двойную функцию понтифика как лидера суверенного государства и Римско-католической церкви, в исследовании используется фрейм-анализ для определения ключевых идей, артикулируемых в выступлениях понтифика. Результаты анализа демонстрируют, что в основе выступлений папы Франциска I перед представителями общественности в первые годы его понтификата лежали идеи коллективной ответственности, универсальных ценностей, призыва к действиям. Комплексное осмысление этих трех фреймов указывает на то, что усилия РКЦ в контексте публичной дипломатии нацелены в том числе за рамки католической аудитории.

Ключевые слова: публичная дипломатия, Ватикан, Римско-католическая церковь, папа римский

Для цитирования: Симонов П.К. Публичная дипломатия как инструмент реализации внешней политики Ватикана: анализ стратегического нарратива папы Франциска I // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 144–162. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-144-162

Public diplomacy as a tool for implementing the foreign policy of the Vatican: an analysis of the strategic narrative of Pope Francis I

Pavel K. Simonov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dps250184@rambler.ru*

Abstract. Modern scientific research shows that religion increasingly determines the way of life of the societies where traditional confessions have become widespread. The social transformations in the developing and developed states caused by economic modernization and migration processes, as well as the ineffectiveness of the governance models used by the political elites are mentioned as reasons. The world religions adapt to the modern situation and try to influence the socio-political processes. This is also characteristic of the Vatican, the city-state that administers the Roman Catholic Church. An important goal of the Vatican policy over the past decade is to raise the profile of the Catholic Church beyond its traditional sphere of influence. Through the analysis of the strategic narrative of Pope Francis I, the article considers the public diplomacy of the Vatican as a tool to implement its foreign policy. The purpose of the research is to determine the uniqueness of the strategic narrative of the Vatican's public diplomacy during the early pontificate of Francis I, aimed at transforming the image of the Roman Catholic Church and strengthening its relations with the faithful abroad. Emphasizing the pontiff's dual role as head of a sovereign state and head of the Roman Catholic Church, the study uses the frame analysis to identify the key ideas articulated in the pontiff's rhetoric. The results of the analysis show that Pope Francis I's speeches to the public in the early years of his pontificate were based on the ideas of collective responsibility, universal values, and a call to action. An integrated reflection on these three frameworks suggests that the RCC's public diplomacy efforts go far beyond the Catholic audiences.

Keywords: public diplomacy, Vatican, Roman Catholic Church, Pope

For citation: Simonov, P.K. (2024), "Public diplomacy as a tool for implementing the foreign policy of the Vatican: an analysis of the strategic narrative of Pope Francis I", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 144–162, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-144-162

Введение

Институт Римско-католической церкви (Далее – РКЦ) столкнулся в период понтификата Бенедикта XVI с кризисом доверия в том числе по причине многочисленных скандалов на почве сексуального насилия и финансовых махинаций. В связи с этим католическая церковь начала терять своих прихожан [Лункин 2018]. Несмотря на уменьшение числа верующих, католицизм, согласно данным социологических опросов, сохранил позицию ведущей религиозной конфессии Европы¹. Католическая вера является важным фактором самоидентификации европейцев, несмотря на нежелание большинства посещать церковь. Для населения развивающихся стран в настоящий момент, напротив, характерен ренессанс веры. Снижение числа верующих в Европе и в Северной Америке не означает снижение числа христиан и религиозности во всем мире. По последним данным, число атеистов в мире стабильно находится на отметке примерно в 3%, а агностиков – около 10%². Важно отметить, что в ближайшее время прогнозируется смещение регионального распределения религиозных групп, в частности христиан. Увеличение населения в Африке южнее Сахары за счет стабильно высоких темпов рождаемости увеличит долю представителей этого региона в числе всех христианских конфессий до 42% с текущих 26%³.

В этой связи избрание в марте 2013 г. аргентинского кардинала Хорхе Марио Бергольо новым понтификом Франциском I можно рассматривать в качестве стратегического шага РКЦ. Франциск I быстро стал лицом обновленной католической церкви, направив политику Ватикана в сторону открытости и публичности: совершение громких международных визитов, направленных как на привлечение иностранной общественности, так и на улучшение имиджа католической церкви; активное использование социальных сетей для непосредственного донесения посланий понтифика до массовой аудитории.

¹ Hackett C., Stonawski M., McClendon D. The changing global religious landscape // Pew Research Center. April 5, 2017. URL: www.pewresearch.org/religion/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/ (дата обращения 15.01.2024).

² Воротников В.В., Пареньков Д.А. Церковь и политика: испытание новой реальностью / Институт международных исследований. 2022. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/031/wvn2ijxtec9eb4nqv490ayus4d0pgjj/church-politics.pdf> (дата обращения 15.01.2024).

³ Там же.

В 2015 г. папа Франциск I был назван самым влиятельным лидером в социальной сети «Твиттер», поскольку его сообщения репостили в семь и более раз чаще, чем сообщения президента США Барака Обамы (10 000 репостов против 1400)⁴. По данным на 2018 г., на аккаунт понтифика в социальной сети «Инстаграм», созданный как раз при Франциске I, было подписано более 44 млн человек – главным образом молодых людей в возрасте от 25 до 34 лет⁵, а по данным на 2023 г., аудитория Святого Престола на видеохостинге «YouTube» составляла 750 тыс. человек. Активность церкви в цифровой среде носит систематический характер: в рамках просветительского проекта «Соблюдай пост» был создан аккаунт папы Франциска в «Телеграм», где, помимо сообщений с цитатами из Евангелия, пользователям предлагались также стикеры с папой и прочий релевантный контент⁶. Активность Святого Престола в Интернете не осталась незамеченной: его называл «интернет-рок-звездой» журнал «Vogue»⁷, он неоднократно появлялся в списке 10 лучших мировых лиц публичной дипломатии⁸.

Таким образом, избрание папы Франциска I стало продуманным шагом со стороны РКЦ, направленным на создание нового более современного образа РКЦ, основанного на выстраивании взаимного доверия с католической и не католической аудиторией. Избрание неевропейского члена ордена францисканцев, который отличается обетами бедности и тесным взаимодействием между членами общины, отвело Франциску I ключевую роль в транс-

⁴ *Bradshaw S.* Digital diplomacy – #notdiplomacy // Canadian Government Executive, 07 Apr. .2015. URL: <https://www.cigionline.org/articles/digital-diplomacy-notdiplomacy/> (дата обращения 15.01.2024).

⁵ *Шебалина Е.О., Шебалин Д.Д.* «Модная» дипломатия Святого Престола // Портал МГИМО. 2018. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/modnaya-diplomatiya-svyatogo-prestola/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com#1 (дата обращения 15.01.2024).

⁶ Ватикан изучает SMM в попытке привлечь миллениалов // Sostav. 17 Мар. 2016. URL: <https://www.sostav.ru/publication/vatikan-izuchaet-smm-v-popytke-privlech-millennialov-21480.html> (дата обращения 15.01.2024).

⁷ *Ruiz M.* #Blessed: How Pope Francis became an Internet rock star // Vogue. 15 Sept. 2015. URL: <https://www.vogue.com/article/pope-francis-internet-rock-star-social-media> (дата обращения 15.01.2024).

⁸ *Amiri S.* The public diplomacy of Pope Francis [Blog post] // USC Center for Public Diplomacy. 15 Sept. 2015. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-pope-francis> (дата обращения 15.01.2024).

формации церкви как института, стремящегося соответствовать поведенческим стандартам, установленным католической доктриной. Будучи первым неевропейским папой, Франциск I смог пересмотреть публичное восприятие католической церкви, поведение которой зачастую не соответствовало публичной риторике. Этот сдвиг особенно актуален для аудитории стран Южной Америки и Африки. Именно на населении этих стран понтифик сделал особый акцент в своих публичных выступлениях в исследуемый период.

В данном исследовании проанализированы основные выступления Франциска I перед иностранной аудиторией. Признавая двойную функцию папы как лидера суверенного государства и Римско-католической церкви, глобальная деятельность понтифика рассматривалась сквозь призму его стратегического нарратива как инструмента публичной дипломатии, направленного на привлечение РКЦ новой аудитории. В этом отношении мы исходим из распространенного в области политических коммуникаций утверждения, что ценности актора должны быть отражены не только в программных документах, но и в его перманентной коммуникативной практике, которая включает этические стандарты в организационное поведение [Bowen 2004]. Исходя из этого цель исследования – определить уникальность стратегического нарратива публичной дипломатии Ватикана в период начала понтификата Франциска I, направленного на трансформацию образа РКЦ и укрепления ее отношений с верующими за рубежом.

Методология исследования

В последние десятилетия появляется все больше научных работ, посвященных публичной дипломатии. Несмотря на различия в определениях, публичная дипломатия представляет способ формирования общественного мнения у зарубежной целевой аудитории для достижения внешнеполитических целей посредством использования на практике активов «мягкой силы» [Nye 2004; Gilboa 2008]. В научной литературе сложился консенсус относительно того, что государства или иные акторы мировой политики могут извлекать выгоду из «мягкой силы» при условии наличия доступа к диверсифицированным каналам коммуникаций и использования разнообразных подходов и практик [Nye 2008; Snow, Taylor 2009]. Традиционные исследования в области публичной дипломатии обычно рассматривают такие практики публичной дипломатии, как образовательные обмены [Cull 2008], культурные обмены [Nye 2004], проведение кратко- или долгосрочных информационных

кампаний, направленных на изменение отношения целевой аудитории к актору-инициатору [Kelley 2009], инициативы по созданию транснациональных сетей [Zaharna 2009]. В последнее время в научных исследованиях стали рассматриваться вопросы использования правительствами массовых медиаплатформ для продвижения своей «мягкой силы» и завоевания доверия мировой общественности [Golan, Himelboim 2016; Цветкова 2020]. Заметный пробел в этих исследованиях существует в отношении следующей практики публичной дипломатии: официальные визиты глав государств. В этом отношении можно выделить только исследование Р. Захарна, которая, характеризуя специфику реализации реляционной структуры публичной дипломатии к одной из трех укрупненных групп отнесла, помимо культурных и образовательных программ обменов, в том числе визиты лидеров. Основным недостатком инструментов этой группы является зависимость успеха от конкретных действующих лиц [Zaharna 2009].

Современные исследователи также используют термины «народная дипломатия» [Handelman 2012] и «корпоративная дипломатия» [White 2015] для идентификации влияния на общество целевой страны частных физических и юридических лиц. То есть классические дефиниции публичной дипломатии определяют в качестве актора-инициатора государство, тогда как последние трактовки этой концепции расширительно толкуют перечень акторов-инициаторов, включая в их число негосударственных субъектов [Gilboa 2008]. В частности, показательным субъектом «народной дипломатии» выступают семьи. Принимая участников культурных и образовательных программ в своем доме, выстраивая с ними доверительные межличностные отношения, они напрямую способствуют передаче культурных ценностей принимающей страны. Результаты такого взаимодействия впоследствии используются официальными лицами для решения конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений [Mueller 2009].

Несмотря на отнесение в научных исследованиях к акторам публичной дипломатии негосударственных субъектов, в литературе, посвященной взаимодействию с иностранной общественностью, основное внимание уделяется транснациональным корпорациям [Kochhar, Molleda 2015 и неправительственным организациям [Лебедева 2015]. Роли религиозных организаций в публичной дипломатии посвящено лишь ограниченное число рецензируемых статей. В этих исследованиях, в частности, рассматривается использование религии исключительно как источника «мягкой силы» государства [Gutkowski 2016]. В свою очередь, идея, что религиозные организации, являясь транснациональными акторами, сами по себе играют

важную роль в международном взаимодействии, недостаточно проработана в научной литературе. Учитывая, что институт церкви по-прежнему обладает нравственным и моральным авторитетом [Язькова 2023], системой ценностей, основанной на религиозном учении, основным инструментом для расширения влияния РКЦ для Ватикана выступает именно публичная дипломатия.

Как утверждается в научной литературе, доверие является одним из основных условий успешного взаимодействия между правительствами и иностранной общественностью [Brewer 2005]. Так, традиционным инструментом взаимодействия папы римского с аудиторией являются публичные послания, призванные укрепить доверие между инициатором и адресатом. Таким образом, в данном исследовании основное внимание уделено усилиям католической церкви по реализации публичной дипломатии. В центре исследовательского внимания находятся такие инструменты публичной дипломатии, как международные визиты папы римского и публичные выступления, представленные в ходе этих визитов.

В соответствии с концепцией «мягкой силы» инструменты публичной дипломатии направлены на получение актором выгод через кооперацию с обществом-реципиентом, формирование повестки, создание привлекательного узнаваемого образа [Nye 2011]. Независимо от того, является ли актор правительством, корпорацией или религиозной организацией, построение взаимовыгодных отношений с зарубежной общественностью является ключевым фактором для достижения цели и задач публичной дипломатии. Однако выстраивание таких отношений может быть сопряжено с определенными трудностями, учитывая абстрактную природу акторов публичной дипломатии. В связи с этим в некоторых исследованиях, посвященных публичной дипломатии, высказывается предположение о существовании двух типов посредников, которые могут помочь преодолеть разрыв между целевой аудиторией и актором, связывая последнего с определенными устойчивыми атрибутами. Первый тип таких посредников – это новостные СМИ и иные медиаплатформы, функционирующие как в традиционном, так и в цифровом формате [Kelley 2009]. Вторым типом являются политические лидеры.

Процесс персонализации политики изменил характер коммуникативных практик [Van Aelst 2012]. Элемент персонализации, в частности, предполагает смещение фокуса освещения в СМИ с организации на ее лидера, чтобы сформировать более конкретное и персонифицированное присутствие в противовес безликости крупных организаций или институтов [Balmas 2017]. В эпоху глобальной политики харизматичные лидеры способны позитивным образом олицетворять политические и культурные ценности своих

стран. В эмпирических исследованиях было найдено подтверждение так называемого «эффекта Обамы», когда положительные оценки деятельности президента трансформируются в позитивные оценки США [Rinke 2015].

Таким образом, идентификация актора с его лидером может повышать убедительность риторики. По этой причине современные государства активно используют официальные государственные визиты в качестве инструмента публичной дипломатии [Zaharna 2009] для культивирования общественного мнения в других странах; взаимодействия с частными группами другой страны и для иных видов межкультурных коммуникаций [Cull 2010]. Поскольку выступления представителей акторов в рамках государственных визитов, как правило, освещаются СМИ, они являются, во-первых, инструментом прямого взаимодействия с представителями общественности, во-вторых, инструментом формирования повестки дня в СМИ.

Основываясь на теории фрейминга, можно утверждать, что представители акторов стремятся построить отношения с иностранной аудиторией посредством распространения целенаправленно разработанных сообщений, состоящих из отдельных фреймов, стержневых идей, раскрывающих суть и содержание основного сюжета информационного сообщения [Gamson 1989]. Цель таких сообщений – представление актора в желаемом контексте. Признавая стратегический характер государственных визитов, в данном исследовании осуществлен фрейм-анализ речей папы Франциска I, произнесенных им перед различной аудиторией, с целью понимания особенностей стратегического нарратива РКЦ.

Выборка для анализа была получена с официального интернет-портала Ватикана, официальной вещающей службы Святого Престола «Радио Ватикана», а также с католического онлайн-портала «Алетейя». В качестве временных рамок были выбраны первые три года понтификата Франциска I (2013–2015 гг.). Такое решение обусловлено, с одной стороны, обновлением стратегических приоритетов публичной дипломатии Ватикана сразу после интронизации Франциска I [Симонов 2023], с другой стороны, методикой формирования репрезентативной выборки данных для последующего анализа. Данные были отобраны так, чтобы затронуть широкий спектр аудиторий и тематических направлений, а не только религиозные проповеди. Выступления, содержащие менее 1000 слов, были исключены из выборки. В выборку вошли речи, произнесенные Франциском I в период с марта 2013 по декабрь 2015 г. в латиноамериканских (Боливия, Парагвай, Эквадор, Куба), африканских (ЦАР, Кения, Уганда), а также в Европе и в США. Границы фреймов были установлены индуктивным путем.

Результаты

Фрейм-анализ текстов показал, что в различных выступлениях папы Франциска I прослеживаются закономерности. Несмотря на разнообразие аудиторий и тем выступлений, понтифик использовал схожие риторические приемы и, следовательно, фреймы для обращения к представителям общественности по всему миру. В целом можно выделить три уникальных фрейма в рамках стратегического нарратива папы Франциска I: фрейм коллективной ответственности, фрейм универсальных ценностей, фрейм призыва к действию.

Фрейм коллективной ответственности

Во многих своих выступлениях перед зарубежными аудиториями Франциск I затрагивал важные проблемы, стоящие перед современным миром: внимание к правам женщин, вопросам экологии и защиты окружающей среды, к технологическому прогрессу и медицине, к проблемам бедности [Симонов 2023]. В каждом выступлении понтифик отмечал, что ответственность за решение этих проблем лежит не на отдельном человеке, не на отдельной социальной группе, не на отдельной нации, а на всем человечестве. В качестве риторических приемов, используемых для артикуляции этой идеи, можно отметить слова «вместе», фразы «мы должны», «мы разделяем коллективную ответственность», а также предложения «давайте рассматривать общество через социальные ценности, которые мы воспитываем в семье: безвозмездность, солидарность и субсидиарность»⁹. Идея коллективной ответственности отчетливо проявилась также в обращениях Франциска I к национальным лидерам и представителям. В выступлениях перед Генеральной Ассамблеей ООН, перед Советом Европы и перед Конгрессом США понтифик несколько раз упомянул о необходимости коллективных усилий для решения глобальных проблем: «Если мы хотим подлинного всеобъемлющего развития человечества, мы должны работать без

⁹ Apostolic Journey of his Holiness Pope Francis to Ecuador, Bolivia and Paraguay. Meeting with political, economics and civic leaders // The Holy See. 2015. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2015/july/documents/papa-francesco_20150707_ecuador-societa-civile.html (дата обращения 15.01.2024).

устали, чтобы избежать войны между странами и народами»¹⁰; «Мы должны обеспечить, чтобы наши институты были действительно эффективны в борьбе со всеми этими бедствиями... мы представляем совесть Европы в отношении этих прав»¹¹; «Мы должны двигаться вперед все вместе, как один, в обновленном духе братства и солидарности, щедро сотрудничая ради общего блага»¹².

Продвижение идеи о коллективной ответственности характерно и для обращений папы римского к рядовым гражданам. Выступая перед студентами и представителями общественности на Кубе, папа Франциск I отметил: «Мы не должны замыкаться в своих маленьких идеологических или религиозных “мирах”»¹³. Во время апостольской поездки в Кению, Уганду и ЦАР Франциск I выступил с обращением, в котором отметил, что как представители христианства, так и представители мусульманства обязаны отказаться от насилия: «Вместе мы должны сказать “нет” ненависти, “нет” мести и “нет” насилию, особенно тому, которое совершается во имя религии и самого Бога»¹⁴. В рамках той же поездки понтифик, выступая перед представителями кенийской общественности, заявил о коллективной ответственности человечества по защите окружающей среды: «Мы несем ответственность за передачу красоты природы будущим поколе-

¹⁰ Greetings of Pope Francis to United Nations Organization Personnel. New York City // The Holy See. 2015. URL: <https://aleteia.org/2015/09/25/pope-at-united-nations-echoes-paul-vi/> (дата обращения 15.01.2024).

¹¹ Address of Pope Francis to the Council of Europe. Strasbourg // The Holy See. 2014. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2014/november/documents/papa-francesco_20141125_strasburgo-consiglio-europa.html (дата обращения 15.01.2024).

¹² Pope to congress. United States of America // Aleteia. 2015. URL: <https://aleteia.org/2015/09/24/pope-to-congress-love-people-like-its-your-job-because-it-is/> (дата обращения 15.01.2024).

¹³ Address of Pope Francis to Students. Cuba // The Holy See. 2015. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2015/september/documents/papa-francesco_20150920_cuba-giovani.html (дата обращения 15.01.2024).

¹⁴ Apostolic Journey of his Holiness Pope Francis to Kenya, Uganda and the Central African Republic. Meeting with the Muslim Community. Bangui // The Holy See. 2015. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2015/november/documents/papa-francesco_20151130_repubblica-centrafricana-musulmani.html (дата обращения 15.01.2024).

ниям и обязаны справедливо распоряжаться полученными нами дарами»¹⁵.

Подчеркивая необходимость коллективной ответственности, Франциск I дает понять аудитории, что политика Ватикана и РКЦ в отношении основных глобальных проблем совпадает с их личными установками и что католическая вера вносит посильный публичный вклад в их решение. Хотя основной целью публичной дипломатии Святого Престола является сохранение и распространение католицизма, признание коллективной ответственности человечества за решение глобальных проблем позволяет РКЦ, с одной стороны, привлечь внимание широких слоев общественности и политиков, с другой стороны, создать позитивные ассоциации с понтификом и католической верой в целом.

Фрейм универсальных ценностей

Во многих своих выступлениях перед зарубежной общественностью Франциск I использовал риторические приемы, направленные на объединение идентичности аудитории с идентичностью РКЦ. Для этого он использовал такие риторические приемы, как местоимения «мы», «наш», «ваш»: «Это наше настоящее и наше будущее, вместе. Это наша идентичность...»¹⁶. В своих выступлениях понтифик стремился донести до слушателей мысль, что, несмотря на индивидуальные различия, они являются частью большого целого. В частности, в своем обращении к Европейскому парламенту понтифик заявил: «Девиз Европейского союза – “Единство в многообразии”. Единство, однако, не означает единообразие... Действительно, всякое подлинное единство черпается из богатого разнообразия, которое его составляет: в этом смысле оно подобно семье... Я рассматриваю Европу как семью народов»¹⁷. Точно так же в своем обращении к официальным представителям Центрально-

¹⁵ Apostolic Journey of His Holiness Pope Francis to Kenya, Uganda and the Central African Republic. Visit to the U.N.O.N // The Holy See. 2015. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2015/november/documents/papa-francesco_20151126_kenya-unon.html (дата обращения 15.01.2024).

¹⁶ Address of Pope Francis to the European Parliament. Brussels // The Holy See. 2014. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2014/november/documents/papa-francesco_20141125_strasburgo-parlamento-europeo.html (дата обращения 15.01.2024).

¹⁷ Ibid.

африканской Республики Франциск I заявил: «Сначала единство. Это, как мы знаем, ключевая ценность для гармонии народов»¹⁸.

Вероятно, посредством этих заявлений понтифик делает попытки преодолеть или сократить разрыв с ценностной точки зрения между зарубежной некаатолической общественностью и католической церковью, подчеркивая пересечение ценностей понтифика и его аудитории. Учитывая, что институт церкви по-прежнему обладает высоким нравственным авторитетом, системой ценностей, основанной на христианской морали, акцент понтифика в выступлениях на универсальной идентичности и ценностях представляется оправданным: «Наши различные религиозные традиции... призывают людей и сообщества поклоняться Богу, источнику всей жизни, свободы и счастья. Они напоминают нам о трансцендентном измерении человеческого существования и о нашей неизбежной свободе перед лицом любых претензий на абсолютную власть... Они призывают к обращению, примирению, заботе о будущем общества, самопожертвованию во имя общего блага и сострадания к тем, кто в этом нуждается»¹⁹. Даже если взгляды Святого Престола отличаются от взглядов тех или иных представителей зарубежной общественности, артикуляция точек соприкосновения может дать понять аудитории, что и понтифик, и РКЦ едины в своих ценностях.

Таким образом, в своих выступлениях папа Франциск I демонстрирует желание находить общий язык с людьми из разных социальных групп и культур. Такой подход может способствовать формированию среди представителей иностранной общественности более благоприятного мнения о католической церкви и вере, что со временем может привести к усилению «мягкой силы» Ватикана.

Фрейм призыва к действию

Наиболее распространенным фреймом, встречающимся в различных выступлениях папы Франциска I, является призыв к действию. В основе этого фрейма лежат глаголы в повелительном

¹⁸ Address of His Holiness Pope Francis: Bangui, Central African Republic // The Holy See. 2015. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2015/november/documents/papa-francesco_20151129_repubblica-centrafricana-autorita.html (дата обращения 15.01.2024).

¹⁹ Pope at "Birthplace of America": Defend religious liberty. United States of America // Aleteia. 2015. URL: <https://aleteia.org/2015/09/26/pope-at-birthplace-of-america-defend-religious-liberty/> (дата обращения 15.01.2024).

наклонении, используемые для побуждения аудитории понтифика к действию для реализации целей Святого Престола. С момента избрания понтификом Франциск использовал многие свои визиты для обсуждения глобальных конфликтов, прав человека и других проблем, пытаясь вдохновить иностранную общественность на решение вопросов, стоящих перед их странами и миром в целом. В частности, на встрече с представителями общечеловечности в Парагвае Франциск I призвал аудиторию и весь мир «обсуждать, думать и вместе находить лучшее решение для всех»²⁰. Его призывы к действию наиболее заметны при рассмотрении серьезных глобальных проблем, в том числе экологической: «Я призываю к смелым и ответственным усилиям, чтобы перенаправить наши шаги и предотвратить самые серьезные последствия ухудшения состояния окружающей среды, вызванного деятельностью человека»²¹. Аналогичным образом Франциск I призывал стремиться к миру: «Посвятите эти дни миру, молясь о нем и углубляя нашу решимость достичь его»²².

Интересным наблюдением является сочетание в выступлениях Франциска I фреймов коллективной ответственности и призыва к действию. В своем послании к Конгрессу США понтифик отметил: «Давайте помогать другим расти, как мы хотели бы, чтобы нам помогали... Давайте обеспечим безопасность; давайте дадим жизнь; давайте предоставим возможности»²³; «Давайте вести диалог, просвещать и поддерживать друг друга и, когда необходимо, очищать друг друга от идеологических крайностей»²⁴. Примечания

²⁰ Meeting with representatives of civil society. Paraguay // The Holy See. 2015. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2015/july/documents/papa-francesco_20150711_paraguay-societa-civile.html (дата обращения 15.01.2024).

²¹ Pope to congress: Love people like it's your job, because it is. United States of America // Aleteia. 2015. URL: <https://aleteia.org/2015/09/24/pope-to-congress-love-people-like-its-your-job-because-it-is/> (дата обращения 15.01.2024).

²² Pope to Korean leaders: Honour our ancestors, treasure youth. South Korea // Vatican Radio. 2014. URL: http://www.archivioradiovaticana.va/storico/2014/08/14/pope_to_korean_leaders_honour_our_ancestors_treasure_youth/en-1104520 (дата обращения 15.01.2024).

²³ Pope to Congress: Love people like it's your job, because it is. United States of America // Aleteia. 2015. URL: <https://aleteia.org/2015/09/24/pope-to-congress-love-people-like-its-your-job-because-it-is/> (дата обращения 15.01.2024).

²⁴ Ibid.

тельным является призыв к действию, высказанный в поддержку мира в Сирии: «С этой целью, братья и сестры, я решил провозгласить для всей Церкви 7 сентября, в день рождения Марии, Царицы Мира, день поста и молитвы за мир в Сирии, на Ближнем Востоке и во всем мире, и я также приглашаю каждого человека, включая наших собратьев христиан, последователей других религий и всех людей доброй воли, принять посильное участие в этой инициативе»²⁵. При помощи использования этих двух фреймов в связке понтифик предлагает аудитории конкретные решения обозначенных проблем, что делает его риторику более артикулированной на результат.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что проведенное исследование позволило идентифицировать ключевые составляющие стратегического нарратива Франциска I в первые годы его понтификата: фрейм коллективной ответственности, фрейм универсальных ценностей, фрейм призыва к действию.

Фрейм коллективной ответственности является основной идеей публичной дипломатии Святого Престола. Артикуляция внимания Франциском I во многих выступлениях перед зарубежными аудиториями на важнейших глобальных проблемах, стоящих перед человечеством, в виде защиты прав женщин, вопросов экологии и защиты окружающей среды, проблем бедности и на необходимости их решения коллективным путем позволяет РКЦ, с одной стороны, привлечь внимание широких слоев общественности и политиков, с другой стороны, создать позитивные ассоциации с понтификом и католической верой в целом.

Практика использования понтификом в выступлениях фрейма универсальных ценностей позволяет сформировать общность с целевой аудиторией, а также с представителями других религиозных конфессий, что является стратегической целью РКЦ в период понтификата Франциска I. Как и для любого другого актора, соответствие ценностей РКЦ ценностям целевой аудитории является фундаментальным требованием для построения продуктивных отношений с последней [Grunig 2013].

²⁵ Pope Francis. Angelus. St. Peter's Square // The Holy See. 2013. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/angelus/2013/documents/papa-francesco_angelus_20130901.html (дата обращения 15.01.2024).

Наконец, призыв папы Франциска I к действиям можно трактовать как предложение аудитории конкретных решений обозначенных проблем. Это делает риторику понтифика более артикулированной на результат. Как показывают исследования в области политических коммуникаций, эффективная реализация такой тактики позволяет актору выстроить эффективное взаимодействие с целевой аудиторией посредством ее вовлечения в конкретные действия, отвечающие интересам актора [Lim 2015].

Таким образом, выявление и комплексное осмысление этих трех фреймов указывают на то, что усилия РКЦ в контексте публичной дипломатии нацелены в том числе за рамки католической аудитории. Можно отметить, что стратегический нарратив Франциска I в первые годы его понтификата был ориентирован на продвижение универсальных ценностей, коллективной ответственности и призыва к действиям, результаты которых могут принести пользу всему человечеству.

Литература

- Лебедева 2015 – *Лебедева М.М.* Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // *Международные процессы*. 2015. № 4 (43). С. 45–56.
- Лункин 2018 – *Лункин Р.Н.* Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность // *Контурсы глобальных трансформаций*. 2018. № 4. С. 46–64.
- Симонов 2023 – *Симонов П.К.* Трансформация публичной дипломатии Ватикана: новые вызовы и обновление стратегических приоритетов // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2023. № 4. С. 143–153.
- Цветкова 2020 – *Цветкова Н.А.* Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2020. № 2. С. 37–47.
- Язькова 2023 – *Язькова В.Е.* «Мягкая сила» папы Франциска // «Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе. М.: Ин-т Европы РАН, 2023. С. 118–131.
- Balmas 2017 – *Balmas M.* Bad news: The changing coverage of national leaders in foreign media of Western democracies // *Mass Communication and Society*. 2017. Vol. 20. No. 5. P. 663–685.
- Bowen 2004 – *Bowen S.A.* Expansion of ethics as the 10th generic principle of public relations excellence: A Kantian theory and model for managing ethical issues // *Journal of Public Relations Research*. 2004. Vol. 16. No. 1. P. 65–92.
- Brewer 2005 – *Brewer P. R., Aday S. and Gross K.* Do Americans trust other nations? A panel study // *Social Science Quarterly*. 2005. No. 1. P. 36–51.

- Cull 2008 – *Cull N.J.* Public diplomacy: Taxonomies and histories // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 31–54.
- Cull 2010 – *Cull N.J.* Public diplomacy: Seven lessons for its future from its past // Place branding and public diplomacy. 2010. Vol. 6. P. 11–17.
- Gamson 1989 – *Gamson W.A., Modigliani A.* Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructivist approach // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 95. No. 1. P. 1–37.
- Gilboa 2008 – *Gilboa E.* Searching for a theory of public diplomacy // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 55–77.
- Golan, Himelboim 2016 – *Golan G.J., Himelboim I.* Can world system theory predict news flow on twitter? The case of government-sponsored broadcasting // Information, Communication and Society. 2016. Vol. 19. No. 8. P. 1150–1170.
- Grunig 2013 – Excellence in public relations and communication management / Ed. by J.E. Grunig. L.: Routledge, 2013. 680 p.
- Gutkowski 2016 – *Gutkowski S.* We are the very model of a moderate Muslim state: The Amman messages and Jordan's foreign policy // International Relations. 2016. Vol. 30. No. 2. P. 206–226.
- Handelman 2012 – *Handelman S.* Two complementary settings of peace-making diplomacy: Political-elite diplomacy and public diplomacy // Diplomacy and Statecraft. 2012. Vol. 23. P. 162–178.
- Kelley 2009 – *Kelley J.R.* Between 'Take-offs' and 'Crash Landings': Situational aspects of public diplomacy // Routledge handbook of public diplomacy / Ed. by N. Snow, Ph.M. Taylor. N.Y.: Routledge, 2009. P. 72–85.
- Kochhar, Molleda 2015 – *Kochhar S.K., Molleda J.C.* The evolving links between international public relations and corporate diplomacy // International public relations and public diplomacy: Communication and engagement / Ed. by G.J. Golan, S.-U. Yang, D.F. Kinsey. N.Y.: Peter Lang Publishing, 2015. P. 51–72.
- Lim 2015 – *Lim J.S., Yang S.U., Chung A.* 'Will you join us?' Use of the Partake-in-Our-Cause (PIOC) message in light of negative news // International Journal of Strategic Communication. 2015. Vol. 9. No. 1. P. 44–61.
- Mueller 2009 – *Mueller S.L.* The nexus of U.S. public diplomacy and citizen diplomacy // Routledge handbook of public diplomacy / Ed. by N. Snow, Ph.M. Taylor. N.Y.: Routledge, 2009. P. 101–110.
- Nye 2008 – *Nye J.S.* Public diplomacy and soft power // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No. 1. P. 94–109.
- Nye 2004 – *Nye J.S.* Soft power: The means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 208 p.
- Nye 2011 – *Nye J.S.* The future of power. 1st ed. N.Y.: Public Affairs, 2011. 320 p.
- Rinke 2015 – *Rinke E.M., Willnat L., Quandt T.* The Obama factor: Change and stability in cultural and political anti-Americanism // International Journal of Communication. 2015. No. 1. P. 2954–2979.
- Snow, Taylor 2009 – Routledge handbook of public diplomacy / Ed. by N. Snow, Ph. Taylor. N.Y.: Routledge, 2009. 382 p.

- Van Aelst 2012 – *Van Aelst P., Sheaffer T., Stanyer J.* The personalization of mediated political communication: A review of concepts, operationalizations and key findings // *Journalism*. 2012. Vol. 13. No. 2. P. 203–220.
- White 2015 – *White C.L.* Exploring the role of private-sector corporations in public diplomacy // *Public Relations Inquiry*. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 305–321.
- Zaharna 2009 – *Zaharna R.S.* Mapping out a spectrum of public diplomacy initiatives: Information and relational communication frameworks // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / Ed. by N. Snow, Ph.M. Taylor. N.Y.: Routledge, 2009. P. 86–100.

References

- Balmas, M. (2017), “Bad news: The changing coverage of national leaders in foreign media of Western democracies”, *Mass Communication and Society*, vol. 20, no. 5, pp. 663–685.
- Bowen, S.A. (2004), “Expansion of ethics as the 10th generic principle of public relations excellence: A Kantian theory and model for managing ethical issues”, *Journal of Public Relations Research*, vol. 16, no. 1, pp. 65–92.
- Brewer, P.R., Aday, S. and Gross, K. (2005), “Do Americans trust other nations? A panel study”, *Social Science Quarterly*, no. 1, pp. 36–51.
- Cull, N.J. (2008), “Public diplomacy: Taxonomies and histories”, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, pp. 31–54.
- Cull, N. (2010), “Public diplomacy: Seven lessons for its future from its past”, *Place Branding and Public Diplomacy*, vol. 6, pp. 11–17.
- Gamson, W. A., Modigliani, A. (1989), “Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructivist approach”, *American Journal of Sociology*, vol. 95, no. 1, pp. 1–37.
- Gilboa, E. (2008), “Searching for a theory of public diplomacy”, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, pp. 55–77.
- Golan, G. J. and Himelboim, I. (2016), “Can world system theory predict news flow on twitter? The case of government-sponsored broadcasting”, *Information, Communication & Society*, vol. 19, no. 8, pp. 1150–1170.
- Grunig, J.E., ed. (2013), *Excellence in public relations and communication management*, Routledge, London, UK.
- Gutkowski, S. (2016), *We are the Very Model of a Moderate Muslim State: The Amman Messages and Jordan's Foreign Policy*, International Relations. 2016. vol. 30 (2). pp. 206–226.
- Handelman, S. (2012), “We are the very model of a moderate Muslim state: The Amman messages and Jordan's foreign policy”, *Diplomacy & Statecraft*, vol. 23, pp. 162–178.
- Kelley, J.R. (2009), “Between ‘Take-offs’ and ‘Crash Landings’: Situational aspects of public diplomacy”, in Snow, N. and Taylor, Ph.M., eds., *Routledge handbook of public diplomacy*, Routledge, New York, USA, pp. 72–85.

- Kochhar, S.K. and Molleda, J.C. (2015), "The evolving links between international public relations and corporate diplomacy", in Golan, G., Yang, S.-U. and Kinsey, D.F., *International public relations and public diplomacy: Communication and engagement*, Peter Lang Publishing, New York, USA, pp. 51–72.
- Lebedeva, M., (2015), "Public diplomacy in conflict resolution", *International Trends/ Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 13, no. 4 (43), pp. 45–56.
- Lim, J.S., Yang, S.U. and Chung, A. (2015), " 'Will you join us?' Use of the Partake-in-Our-Cause (PIOC) message in light of negative news", *International Journal of Strategic Communication*, vol. 9, no. 1, pp. 44–61.
- Lunkin, R.N. (2018), "The social and political role of religion in Europe: the demand for Christian identity", *Kontury global'nykh transformatsii*, vol. 11, no. 4, pp. 46–64.
- Mueller, S.L. (2009), "The nexus of U.S. public diplomacy and citizen diplomacy", in Snow, N. and Taylor, Ph.M., eds., *Routledge handbook of public diplomacy*, Routledge, New York, USA, pp. 101–110.
- Nye, J.S. (2008), "Public diplomacy and soft power", in *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, no. 1, pp. 94–109.
- Nye, J.S. (2004), *Soft power: The means to success in world politics*, Public Affairs, New York, USA.
- Nye, J.S. (2011), *The future of power*, 1st ed., Public Affairs, New York, USA.
- Rinke, E.M., Willnat, L. and Quandt, T. (2015), "The Obama factor: Change and stability in cultural and political anti-Americanism", *International Journal of Communication*, no. 1, pp. 2954–2979.
- Simonov, P.K. (2023), "Transformation of Vatican public diplomacy. New challenges and renewed strategic priorities", *RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 4, pp. 143–153.
- Snow, N. and Taylor, P., eds. (2009), *Routledge handbook of public diplomacy*, Routledge, New York, USA.
- Tsvetkova, N.A. (2020), "The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology", *RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 2, pp. 37–47.
- Van Aelst, P., Sheafer, T. and Stanyer, J. (2012), "The personalization of mediated political communication: A review of concepts, operationalizations and key findings", *Journalism*, vol. 13, no. 2, pp. 203–220.
- White, C.L. (2015), "Exploring the role of private-sector corporations in public diplomacy", *Public Relations Inquiry*, vol. 4, no. 3, pp. 305–321.
- Yazkova, V.E. (2023), " 'Soft power' of Pope Francis", in Entina, E.G., ed., *Soft power in the Black Sea, Institute of Europe*, Moscow, Russia, pp. 118–131.
- Zaharna, R.S. (2009), "Mapping out a spectrum of public diplomacy initiatives: Information and relational communication frameworks", in Snow, N. and Taylor, Ph.M., eds., *Routledge handbook of public diplomacy*, Routledge, New York, USA, pp. 86–100.

Информация об авторе

Павел К. Симонов, соискатель ученой степени, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dps250184@rambler.ru

Information about the author

Pavel K. Simonov, degree candidate, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dps250184@rambler.ru

Книжная полка

УДК 327.39(=81)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-163-167

Феноменология панславизма:

рождение и эволюция идеи славянского единства
Рецензия на книгу: *Павленко О.В.* Панславизм реальный
и воображаемый: 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.

Велихан С. Мирзеханов

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
lum62@yandex.ru*

Для цитирования: Мирзеханов В.С. Феноменология панславизма: рождение и эволюция идеи славянского единства: [Рец.] Павленко О.В. Панславизм реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 163–167. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-163-167

Phenomenology of Pan-Slavism:
the birth and evolution of the idea of Slavic unity
Book review: *Pavlenko O.V.* Panslavism. Real and Imaginary.
1830–1860s. Moscow: RSUH, 2023. 404 p.

Velikhan S. Mirzekhanov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, lum62@yandex.ru*

For citation: Mirzekhanov, V.S. (2024), “Phenomenology of Pan-Slavism: the birth and evolution of the idea of Slavic unity. [Book review] Pavlenko O.V. Panslavism. Real and Imaginary. 1830–1860s. Moscow: RSUH, 2023. 404 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 163–167, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-163-167

Термин «панславизм» впервые появился в грамматике словака Яна Геркеля, изданной в Буде в 1826 г. Тогда под ним понимался некий код культурного единства австрийских славян. Но уже вскоре

© Мирзеханов В.С., 2024

термин начал наполняться новым содержанием, а впоследствии, вплоть до наших дней, проделал еще немало интеллектуальных метаморфоз. Трудно не согласиться с мнением, что для историков до сих пор крайне трудно выстроить четкие объяснительные конструкции к теме «Россия и славянство» (с. 337). Тем не менее О.В. Павленко сделала такую попытку, и сделала ее, как представляется, в полной мере успешно.

Первая глава книги посвящена вопросам изучения славянского фактора (причем не только с точки зрения панславистской концепции) в российской и зарубежной историографии. Такой подход кажется в полной мере оправданным, ведь указанной проблематике уже посвящено бесчисленное количество исследований самых разных направлений. Это обстоятельство требует строгого историографического структурирования, дабы ясно обозначить актуальные исследовательские направления. Автор книги прекрасно справляется с этой сложной задачей. Она выделяет главные проблемы и затем всесторонне рассматривает их. К таковым относится, например, дискуссия о причинах кризиса Австро-Венгрии и роли славянского фактора в этом процессе. Что касается зарубежных национальных историографий, то вполне оправданно сделан упор на разбор чешской и словацкой исторической традиции, представители которой оставили едва ли не самый заметный след в осмыслении проблем панславизма. Естественно, что автор детально рассматривает российскую дореволюционную, советскую и современную отечественную историографии. И в этом тоже есть своя глубинная логика, связанная не только с тем, что исследование создано российским автором, в России и опубликовано на русском языке. Именно опыт отечественной историографии наглядно демонстрирует серьезное воздействие на концепции славянского единства идеологии и политики. Потому отнюдь не случайным является глубокий экскурс в советскую марксистскую историографию, которая в 1920 – первой половине 1930-х гг. жестко критиковали и Австро-Венгерскую империю как «тюрьму народов», и панславизм. Последний виделся орудием царской России в деле подчинения всех славянских народов. Однако уже вскоре советская историография сделала резкий разворот и попыталась использовать конструкты идеи славянского единства, что ярко проявилось в период Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания.

Нельзя не отметить стремление автора книги критически рассмотреть современное историографическое состояние изучаемой проблемы. Справедливо отмечено, что в настоящее время сделан поворот в сторону новой модели изучения феномена пан-

славизма. В то же время О.В. Павленко оправданно указала на спад интереса к славянским исследованиям и в России, и за рубежом: «славянство потеряло свою актуальность в новых интерпретациях европейской истории и истории регионов» (с. 338). Но важность оценки современной историографической ситуации, предпринятая в рецензируемой книге, несомненна, ибо сегодня мы снова наблюдаем вторжение политики и идеологии в исследовательскую сферу. Это хорошо видно, например, по работам американского исследователя Тимоти Снайдера, стремящегося представить Россию историческим врагом Центральной и Восточной Европы, но при этом зачастую обходящегося в своих книгах без ссылок на какие-либо исторические источники.

Вторая глава книги посвящена возникновению феномена панславизма в Австрийской и Российской империях в 1830–1840-е гг. О.В. Павленко прекрасно ориентируется в сложных реалиях международных отношений того периода, без чего трудно понять феномен славянского вопроса. По этой причине вполне оправданным выглядит экскурс в историю Священного союза и Венской системы международных отношений, а также российско-австрийских отношений, к которым автор книги умело применила метафору о «розах, в которых полно шипов».

Говоря о зарождении идеологии панславизма, О.В. Павленко не могла обойти стороной фигуру Яна Коллара, чей трактат «О славянской взаимности» (1837) был назван современниками «славянским Евангелием». Как отмечает автор книги, «аллегория панславизма, созданная Колларом, неоднократно воспроизводилась в программах славянских партий и общественных движений, превратилась в их политическое кредо» (с. 154).

Большое внимание в главе отводится различным проектам конструирования региональной идентичности в Австрийской империи, в том числе на фоне революции 1848–1849 гг. В этой связи интересна авторская ремарка, что богемское дворянство «готово было оказывать покровительство патриотическим силам только до тех пор, пока патриотические настроения не выходили за пределы земского богемизма» (с. 184). Вообще анализ понятия «богемизм», введенного некогда иезуитом Б. Больцано, можно признать в числе явных успехов автора монографии. О.В. Павленко приходит к выводу, что зарождение пангерманизма и панславизма окончательно раскололи богемскую общинность. Заслуживает внимания предпринятое автором книги осмысление пражской городской идентичности, а также вывод о том, что в формировании чешской коллективной идентичности соединились две тенденции – буржуазная, которая была ориентирована на либерализацию и демокра-

тизацию, и консервативная, которая была связана с консервативными ценностями (с. 166).

Третья глава монографии анализирует славянский фактор в процессе формирования коллективной идентичности и внешней политики Российской империи и Габсбургской монархии в 1850–1860-е гг. Снова акцент делается на внешнеполитических факторах развития славянского движения, а именно на последствиях Крымской войны для российско-австрийских отношений, изменении баланса сил в Европе в 1860-е гг., проекты Наполеона III и др. В этот период происходил процесс самоопределения российского общества в условиях новых реалий и на фоне травмы военного поражения. Эти размышления были связаны в том числе с вопросом о судьбах славянства. Трудно не согласиться с авторской ремаркой, что панславистские мечтания М.П. Погодина и Ф.И. Тютчева в ту пору были сильно оторваны от реальности, но этот отрыв был своего рода компенсацией за унижительное поражение в Крымской войне (с. 250–251). Таким образом, можно еще раз засвидетельствовать, что большим достижением О.В. Павленко стало рассмотрение панславизма не просто как общественно-политического течения, родившегося в интеллектуальной среде, но как важного фактора международных отношений. Это не просто философская и культурологическая, но и геополитическая концепция. В этой связи интересен раздел об эволюции имперского панславизма в России в эпоху Александра II. При этом О.В. Павленко ставит задачу структурировать эту идеологию и ее представителей, сделав упор на анализ радикальной версии панславизма в отечественной политической мысли. Именно эта версия панславизма зачастую характеризовалась в историографии как экспансионистская и реакционная. Автором был сделан вывод, что именно в 1850–1860-е гг. славянский фактор стал «оказывать значительное влияние на формирование официальных и общественных дискурсов в России» (с. 328). Это отразилось и на смене вех российской внешней политики, поворотным моментом стал Славянский съезд 1867 г. в Москве. При этом, как отмечает О.В. Павленко, речь не идет о «сращивании имперского панславизма с петербургской дипломатией» (с. 336). Для российской внешней политики игра в панславизм оказалась необходима, чтобы держать в напряжении Австрию. Славянский фактор, вопреки распространявшемуся в Европе мнению о природном экспансионизме, был всего лишь инструментом отстаивания национальных интересов в условиях изменения баланса сил на международной арене.

Следует отметить, что книга основана на обширном эмпирическом материале. Это не только уже опубликованные источники

(к слову, О.В. Павленко проделала колоссальную работу по анализу чешской периодической печати), но также архивные материалы. Автором были использованы документы Архива внешней политики Российской империи, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного исторического архива, Архива Национального музея в Праге, Литературного архива Музея национальной литературы в Праге, Австрийского государственного архива, Национального архива Венгрии.

Таким образом, книга О.В. Павленко является серьезным вкладом в изучение феномена идеи славянского единства в контексте сложной истории международных отношений и интеллектуальных трансферов 1830–1860-х гг. Этот, вне всякого сомнения, фундаментальный научный труд вносит много нового в понимание, казалось бы, уже известных вопросов, в нем ставятся новые исследовательские задачи и успешно находится их решение.

Информация об авторе

Велихан С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Москва, Россия, Ленинский пр-т, д. 32а; lum62@yandex.ru

Information about the author

Velikhan S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leningradsky Av., Moscow, Russia, 119334; lum62@yandex.ru

УДК 32(73):75.059

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-168-176

Уроки либерализма Герберта Блока
в американской политической карикатуристике

Рецензия на книгу:

Appleford S. Drawing liberalism. Herblock's political cartoons
in postwar America. Charlottesville;
L.: University of Virginia Press, 2023. 316 p.

Виктория И. Журавлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,*

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
zhuravlevavic@mail.ru*

Для цитирования: Журавлева В.И. Уроки либерализма Герберта Блока в американской политической карикатуристике. [Рец.]: *Appleford S.* Drawing liberalism. Herblock's political cartoons in postwar America. Charlottesville; L.: University of Virginia Press, 2023. 316 p. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 168–176. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-168-176

Herbert Block's lessons of liberalism
in American political cartoons

Book review:

Appleford S. Drawing liberalism. Herblock's political cartoons
in postwar America. Charlottesville;
L.: University of Virginia Press, 2023. 316 p.

Victoria I. Zhuravleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia,
zhuravlevavic@mail.ru*

For citation: Zhuravleva, V.I. (2024), "Herbert Block's lessons of liberalism in American political cartoons. [Book review]: *Appleford S.* Drawing liberalism. Herblock's political cartoons in postwar America. Charlottesville;

© Журавлева В.И., 2024

L.: University of Virginia Press, 2023. 316 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 168–176. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-168-176

Политическая карикатуристика содержит послание, которое выстраивается вокруг политических и социальных событий, позволяя облекать сложные идеи в понятные визуальные формы. Это послание рассчитано на зрительное, интеллектуальное и эмоциональное восприятие аудитории, выражает то, что с трудом поддается вербализации, используя сатиру и юмор, и переводит факты на язык визуальных образов. При этом политическая карикатура определенно не может претендовать на полное и точное отображение действительности. Карикатурист предлагает аудитории свое видение сущностного изображения правды, разговаривая на понятном ей языке, одновременно отражая ее предпочтения и участвуя в их формировании. Поскольку политическая карикатура визуализирует коллективное мнение о событиях, национальных коллективах и индивидуумах, апеллируя к культурным и эмоциональным кодам, она является важным инструментом формирования того, что Б. Андерсон назвал воображаемыми сообществами [Андерсон 2001]. Все это превращает политическую карикатуру в уникальный источник, посредством анализа которого историк может изучать интересы общества, его предрассудки и ценности, мнения людей о политическом поведении, их понимание того, что является нормой в каждый конкретный исторический период и вызовом устоявшимся традициям.

В течение своей профессиональной карьеры американский карикатурист Герберт Блок, известный под псевдонимом Герблок, занимался конструированием воображаемого сообщества читателей как потребителей его визуального либерального послания. После окончания Второй мировой войны он обрел славу не только одного из ведущих карикатуристов национального масштаба наряду с Б. Молдиным из “St. Post-Dispatch”, А. Мепрен из “Miami Daily News”, П. Конрадом из “Los Angeles Times” и П. Олифантом из “Denver Post”, но и глашатаем либерализма. Этот факт был признан авторитетными либеральными интеллектуалами США, такими как литературный критик и писатель Л. Триллинг, историки-американисты А.М. Шлезингер-мл. и Р. Хофстедтер, политики Э. Стивенсон, представитель либерального крыла Демократической партии, в 1952 и 1956 гг. выдвигавшийся на пост президента США, и Ч. Боулс, в 1949–1951 гг. занимавший пост губернатора штата Коннектикут, а затем представлявший его интересы в Конгрессе США.

Нельзя сказать, что Герблок оказался обделен вниманием исследователей, поскольку в 2009 г. вышла солидная монография, посвященная его жизни и творчеству [Johnson, Katz 2009]. Возможность для проникновения в «мир Герблока» открывается благодаря тому, что на сайте Библиотеки Конгресса в настоящее время размещена внушительная оцифрованная коллекция карикатур художника¹, а сам он всю вторую половину XX в. регулярно издавал альбомы своих рисунков с развернутыми комментариями и обобщил жизненный и профессиональный опыт в отлично написанных и иллюстрированных воспоминаниях².

Однако этот мастер цеха американской карикатуристики до сих пор не стал объектом изучения как адвокат послевоенного либерализма, в отличие от других либеральных интеллектуалов эпохи. Именно эту историографическую лакуну призвана заполнить книга профессора истории Крейтонского университета С. Апплефорда, который на основе внушительного корпуса источников впервые проанализировал то, как в своих ежедневных рисунках, тиражированных по всей стране, Герблок визуализировал идеологию либерализма, раскрывая не только его природу, но и его пределы. Автор погружает читателя в чарующий мир карикатур Герблока, объяснявшего своим согражданам, что значило быть либералом, а следовательно, американцем, в то время, когда США вели войну за умы и сердца людей по всему миру с Советским Союзом.

Герблок стал редакционным карикатуристом одной из самых известных американских газет, “Washington Post”, в 1946 г. в то время, когда в США установился межпартийный либеральный консенсус. Он выстраивался вокруг нескольких основных положений, способствуя формированию мессианского послания США миру в эпоху биполярного противостояния: американский капитализм есть лучшая экономическая система, равно как демократия лучшая модель политического устройства; американское общество движется по пути достижения большего равенства, а существующие социальные проблемы возможно решить посредством реформ и методов социальных наук; коммунисты внутри США и за их пределами представляют основную угрозу продвижению либерализма, и в обязанности американцев входит сдерживание советской угрозы, что позволит людям по всему земному

¹ Cartoon drawings: Herblock collection // Library of Congress. Prints & Photographs Division. URL: <https://www.loc.gov/pictures/collection/hlb/> (дата обращения 05.02.2024).

² Block H. Herblock: A cartoonist's life. Self-portrait and views of Washington from Roosevelt to Clinton. N.Y.: Macmillan Publishing Company, 1993.

шару приобщиться к американским социальным, экономическим и политическим благам.

Послевоенный консенсус в США был идеологическим конструктом белых мужчин из средних слоев традиционной сексуальной ориентации. За этим фасадом скрывалась серьезная расовая, гендерная и социальная дифференциация, определявшая различное понимание Америки и ее места в мире. Дискриминируемые группы американского населения активно выступали с требованиями своих конституционных прав, либеральный консенсус критиковали левые, в то время как молодежь бросала вызов господству послевоенного конформизма посредством контркультур. Параллельно в условиях развернувшейся десегрегации, секуляризации образования и переформатирования отношений с СССР нарастала критика либерализма справа. В итоге все это привело к крушению послевоенного либерального консенсуса в президентство Р. Никсона.

Апплефорд убедительно показывает, как Герблок в своих карикатурах отражал основные постулаты либеральной идеологии, такие как роль федерального правительства в защите гражданских прав и свобод индивидуумов и социальных групп и противостояние коммунизму. Автор подчеркивает, что этот карикатурист прекрасно владел искусством создания воображаемого сообщества читателей, состоявшего преимущественно из белых северян среднего класса и мужского пола, которые, по его мнению, были основными потребителями информации из ведущих национальных газет “Washington Post” и “New York Times”. Именно им он адресовал свое визуальное послание либерализма. При этом карикатуры Герблока, ежедневно появлявшиеся в верхней части редакционной страницы “Washington Post”, легко узнавались американцами по всей стране, будучи тематически посвящены основным аспектам внутренней и внешней политики: начиная с деятельности вашингтонских администраций и войн, которые вели США далеко за пределами своих национальных границ, движения за гражданские права и проблем экономического развития и заканчивая такими специальными темами, как защита окружающей среды и ограничение права на ношение оружия. Те, кто поддерживал борьбу Герблока за либерализм, называли его величайшим карикатуристом эпохи и гением. В свою очередь, консервативные критики величали его мастером оскорбительных выпадов и «мальчиком на побегушках у левых».

Борьба за либерализм означала для Герблока борьбу за гражданские права и свободы американцев. В своих карикатурах он развенчивал деятельность Комитета по расследованию антиамериканской деятельности Палаты представителей Конгресса как угро-

жавшую основам демократии в США и последовательно критиковал противников десегрегации, препятствовавших продвижению расового равноправия. Его заслуги в этой области были отмечены не только Пулитцеровскими премиями, но и многочисленными наградами Американского союза гражданских свобод (the American Civil Liberties Union), различных организаций, отстаивавших гражданские права, почетными степенями и, наконец, в 1994 г. Президентской Медалью Свободы, одной из двух высших наград США для гражданских лиц.

Книга Апплефорда состоит из шести глав. В первой из них, рассказывающей о карьере Герблока до прихода в “Washington Post” в 1946 г., исследуется, как его карикатуры 1920–1930-х гг. отражали преобладавшее в американском обществе отношение к вопросу о равных правах женщин и афроамериканцев и как Великая депрессия и Вторая мировая война способствовали его превращению в рупор либерализма.

Главы вторая и третья вводят читателя в деятельность Герблока по защите гражданских прав и свобод американцев. Вторая глава посвящена его борьбе против тех, кто использовал антикоммунистическую истерию в своих политических целях и нарушал гражданские свободы американцев. Апплефорд демонстрирует, как противостояние маккартизму при одновременной приверженности карикатуриста антикоммунизму отражало раскол внутри Демократической партии, характерный для либерализма послевоенного периода. Герблок последовательно критиковал действия Комитета по расследованию антиамериканской деятельности, программу лояльности Г. Трумэна и деятельность Дж. Маккарти, которого он буквально демонизировал на страницах “Washington Post”, тиражировав сам термин «маккартизм». При этом карикатурист разделял убеждение в том, что борьба с коммунизмом является защитой демократии в Америке.

Противоречиями отличалась и позиция Герблока по проблеме расового равноправия, о чем идет речь в третьей главе. С одной стороны, как и многие либералы того времени, он полагал, что борьба афроамериканцев за гражданские права является одним из важнейших социальных и политических движений США середины XX в. С другой – его карикатуры иллюстрировали ограничения, которые белый истеблишмент налагал на требования расовой справедливости. Так, основное внимание Герблока было сосредоточено на критике белых южан с характерным для них менталитетом оголтелого расизма, а также нерешительности Конгресса, затягивавшего принятие закона о равных гражданских правах. Однако в этих карикатурах, за редким исключением, не нашлось места для изображения повсед-

невной жизни и борьбы самих афроамериканцев, представавших преимущественно в роли пассивных жертв расизма.

Следующие две главы нацелены на анализ карикатур Герблока, посвященных защите либерализма от нападок справа и слева. Глава четвертая отражает противостояние карикатуриста и так называемых «Новых правых» (коалиция белых южан-демократов консервативного толка и правого крыла республиканцев), полагавших, что либералы подрывают основы американизма, чрезмерно вмешиваясь в жизнь и бизнес американцев, занимаясь секуляризацией образования, уравнивая в правах белых и темнокожих и проигрывая войну с коммунизмом в условиях начавшейся в советско-американских отношениях разрядки. Карикатуры на эту тему, по справедливому замечанию Апплефорда, четко разводили консерватизм и либерализм как борьбу между силами регресса и прогресса, между прошлым и будущим. Они стали своеобразным зеркалом развернувшихся в американском обществе дебатов, позже получивших название культурных войн, поскольку то, как американцы воображали собственное прошлое посредством символов и мифов, накладывало отпечаток на их действия в настоящем.

В свою очередь, в пятой главе объектом анализа автора книги становятся карикатуры, созданные в ответ на деятельность «Новых левых» в США. Герблок симпатизировал им в том, что касалось требований об окончании войны во Вьетнаме и расширения расового и политического равенства, но не поддерживал в их стремлении к разрушению столь дорогого ему послевоенного либерального консенсуса. На фоне погромной волны конца 1960-х гг. карикатурист по-прежнему акцентировал внимание на критике белого расизма и сохранении проблемы расового неравноправия в сфере найма на работу и аренды жилья, лишь изредка обращаясь к жизни афроамериканцев в трущобах северных городов и их видению прогресса. И, как и прежде, уповал на деятельность Конгресса по продвижению гражданского равноправия и противодействию расовым беспорядкам в будущем. Герблок выражал отношение к проблеме расового насилия либерального истеблишмента, склонного обвинять экстремистов из числа белых супрематистов и темнокожих националистов в том, что они провоцируют расовые погромы и тем самым препятствуют расширению гражданского равноправия в США. При этом борьба женщин за свои права, их взгляды на жизнь и гендерные отношения вообще не нашли отражение в карикатурах Герблока.

Наконец, шестая глава посвящена его особой роли в изображении эволюции Никсона от молодого и подающего надежды конгрессмена от штата Калифорния, вызывавшего симпатии сторонников своей последовательной приверженностью антиком-

мунизму, к политику, ставшему архетипом коррупции, лицемерия и злоупотребления властью. Апплефорд делает акцент на том, что Герблок оказался в числе самых последовательных критиков Никсона, изображая его как исчадие ада и неизменно тиражируя наиболее негативные черты его характера. В итоге созданный карикатуристом портрет прочно укоренился в сознании целого поколения американских либералов и оказался столь убедительным и узнаваемым, что неизменно всплывал в памяти при любом упоминании Никсона. Апплефорд справедливо замечает, что карикатуры Герблока оказали непосредственное влияние на восприятие американцами личности политика, запятнавшего себя и Республиканскую партию Уотергейтским скандалом и ушедшим с поста президента под угрозой импичмента.

К бесспорным достоинствам книги Апплефорда относится тщательное прописывание социально-политического контекста, порождавшего карикатуры Герблока и одновременно посредством них прояснявшегося, особое внимание к его художественному языку образов и метафор, позволявшему усиливать воздействие редакционных колонок на читателей и вызывать у них сильные эмоции. Например, созданное Герблоком антропоморфное изображение мистера Атома, ставшее реакцией на растущее в американском обществе беспокойство по поводу гонки ядерных вооружений, превратилось в своеобразную визитную карточку эпохи, оказывая сильное воздействие на аудиторию. Равно как и карикатурный образ южанина как не-американца, как существа жестокого и примитивного, не желавшего освободиться от своих расовых предрассудков, образ, безусловно, гиперболизированный, но настолько запоминающийся, что он расширял ряды сторонников десегрегации. Апплефорд обращает особое внимание на ответную реакцию читателей, которые присылали письма в “Washington Post” в связи с публикацией очередной редакционной карикатуры. При этом случалось и так, что созданные Герблоком образы становились объектом критики, нарушая границы политически дозволенного с точки зрения читательской аудитории “Washington Post”.

К сожалению, автор сознательно отказался от развернутого анализа карикатур, посвященных внешней политике США. Однако в эпоху противостояния с СССР карикатуристическая игра была важнейшую роль в формировании американского мессианского послания миру, которое было по своей сути посланием либеральным. И Герблок неизменно прописывал либерализм через изображение внешней политики вообще и образ СССР в частности³.

³ Об этом см., например [Журавлева 2023].

Хорошо иллюстрированная и увлекательно написанная книга Апплефорда, в которой карикатуры Герберта Блока представлены как увеличительное стекло, позволяющее рассмотреть и интерпретировать американскую политическую культуру и происходившие в ней сдвиги, будет интересна не только тем, кто предметно изучает историю и культуру США прошлого века, но и любому читателю, желающему лучше понять, как в условиях существования свободы слова в США журналистика вообще и карикатуристика в частности становились инструментом продвижения общества по пути демократии.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00305 (<https://rscf.ru/project/22-18-00305/>) «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”.

Литература

- Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2001. 286 с.
- Журавлева 2023 – *Журавлева В.И.* «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/> (дата обращения 05.02.2024).
- Johnson, Katz 2009 – *Johnson H., Katz H.* Herblock: The life and work of the great political cartoonist. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2009. 304 p.

References

- Anderson, B. (2001), *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imaginary communities], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.

- Johnson, H., and Katz, H. (2009), *Herblock: The life and work of the great political cartoonist*, W.W. Norton & Company, New York, USA, London, UK.
- Zhuravleva, V.I. (2023), "The Cold War of images in political cartoons: American messianic concept vs Soviet messianic concept", *Istoriya*, vol. 14, no. 10 (132), available at: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/> (Accessed 5 Feb. 2024).

Информация об авторе

Виктория И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; zhuravlevavic@mail.ru

Information about the author

Victoria I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

participant of the grant program, Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia; 48, Moika River Emb., Saint Petersburg, Russia, 191186; zhuravlevavic@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 2
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 14.05.2024

Выход в свет 21.05.2024

Формат 60 × 90 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 11,1

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 1946

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru